

Владимир Колганов

Охота на министра

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Охота на министра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56409418

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05209-3

Аннотация

Основой для сюжета этого романа послужили два коррупционных скандала, которые потрясли общественность несколько лет назад. Автору пришлось многое домысливать – иначе трудно объяснить, почему один министр попал в тюрьму, а другой почти не пострадал. Оказалось, что найти истинную причину такой коллизии совсем не просто, хотя кое-какие выводы можно сделать на основе материалов, опубликованных в СМИ. Но вынесение приговора невозможно без авторской фантазии. Фамилии и имена персонажей, а также большая часть описанных событий вымышлены, совпадения случайны. Оформление обложки выполнено автором.

Содержание

Часть 1. Три кита	5
Глава 1. Мечты	5
Глава 2. Происхождение субъекта	11
Глава 3. Дворянское гнездо	18
Глава 4. Перспективы роста	30
Глава 5. Инициатива не наказуема	43
Глава 6. Аппетит во время еды	49
Глава 7. Ах, какая женщина!	58
Глава 8. Парадоксы власти	65
Глава 9. Тюлькин и Пузан	72
Глава 10. Девушка по должности	80
Глава 11. Сон в руку	87
Глава 12. Шансы	98
Глава 13. Бес попутал	110
Глава 14. Своих не сдаём	118
Глава 15. Зачистка территории	129
Глава 16. Стоя на коленях	137
Глава 17. Добрый государь	149
Глава 18. Шантаж	158
Глава 19. Тапки для Федюкина	166
Глава 20. Игры «следаков»	173
Глава 21. Три кита	181
Часть 2. Капкан для либерала	188

Глава 22. Аксельборг и Докутович	188
Глава 23. Миражи	200
Глава 24. Веня и прорицатель	214
Глава 25. Агентесса	224
Глава 26. Вербовка при свечах	233
Глава 27. Заговорщики	243
Глава 28. Фима	251
Глава 29. Козни Соломона	261
Глава 30. Сделайте пюре!	273
Глава 31. Жаркая ночь в эфире	281
Глава 32. Одержимость	292
Глава 33. Братъ или не братъ?	298
Глава 34. Разговор начистоту	303

Часть 1. Три кита

Глава 1. Мечты

Приснился Аркадию Евграфовичу сон. Будто поспорил он с довольно привлекательной девицей, что одной спички недостаточно для того, чтобы сжечь все волосы на голове. Дурацкая, в общем-то, затея, но ведь на то и сон... В жизни он бы такого, уж конечно, не позволил. Вот ещё! Только экспериментов над собой и не хватало. Итак, он ей и говорит, передавая коробок со спичками:– Сожжёшь, я тогда любое твоё желание исполню. А нет – ты мне... Ну, чем она обязана будет ему отплатить, если спор проиграет, это всем понятно.

Но вот чиркнула девица спичкой по коробку, и через несколько секунд вся голова Федюкина оказалась выметена, как под метёлку. Затем всё лицо покрылось волдырями, а с глазами сделалось такое, словно бы зрение напрочь потерял – кругом тьма и только искорки летают. Ужас охватил Федюкина, причём не смутило даже то, что волос на голове уже изрядно поредел к пятидесяти годам, так что и жечь-то по большому счёту было нечего. Проснулся весь в холодном поту и как ни пытался успокоить себя, что-то подсказывало – сон этот, несомненно, в руку.

Вообще-то во сне чего только не приходит в голову. Имен-

но так однажды появилось неодолимое желание представить себя в образе потомственного дворянина, ещё лучше – графа или ещё кого-нибудь из придворной знати. Иногда это удавалось, то есть Аркадий Евграфович оказывался вдруг во дворце, среди шикарно разодетых дам, сверкающих эполетами офицеров, да и сам чувствовал, что он в этой зале далеко не последнее лицо, чему свидетельством расшитый золотыми нитками мундир то ли егермейстера, то ли камергера. Однако всё это было ненадолго – видение обычно возникало неожиданно и длилось всего несколько минут. И всё же заметный след в его сознании оно оставило, отсюда все эти странности в отношении к окружавшей его жизни: милицию он стал мысленно называть городскими, ОМОН – жандармами, своих советников и заместителей – челядью, солдатиков – холопами, прочих граждан – быдлом, ну а главу государства величал исключительно и только «государем».

Надо сказать, такой поворот в мировоззрении пришёлся Федюкину явно по душе, словно бы открылось то, о чём втайне он давно уже мечтал, только признаться в этом не решался. Со временем желание обрести почётный титул стало настолько сильным, что как-то само собой переключалось из области неподвластных разуму видений во всегдашнюю реальность. Федюкин даже графский герб заказал знакомому художнику, так, на всякий случай, хотя дворянином его категорически отказывались признавать – в Российском дворянском собрании, мягко говоря, послали, заодно ещё и при-

людно высмеяв. Им почему-то требовалась родословная, а где такую взять? Не мог же он признаться в том, что прадед служил старшиной сапожного цеха в ремесленной управе, ну а прабабка обреталась в Кубанском войсковом приюте для девиц, да и то, стыдно сказать, – числилась там надзирательницей. Ну где тут, скажи на милость, хотя бы крохотные намёки на дворянство?

Перешерстил Федюкин списки столбовых дворян и прочей местной знати по всем губерниям с начала восемнадцатого века. Перечитал все родословные, которые только удалось найти. Искал малейшую зацепку, ну хоть кого-нибудь с такой или похожей на него фамилией. Всё оказалось без толку! Ни подпоручика в пехотном полку, ни столоначальника в уездной управе – нигде ничего подходящего так и не нашёл. Можно, конечно, предположить, что кто-то из его предков был незаконнорожденным сыном генерала или статского советника – такие случаи бывали. Тогда этому бедняге назначалась фамилия как бы с потолка. Но кто же, прости господи, даст эту неказистую фамилию потомку дворянина?

Как-то пришла в голову мысль, а не поискать ли за границей. Многие «бывшие» там обосновались ещё с незапамятных времён. С тех пор и фамилии, небось, переменили на тамошний манер. Или же совсем наоборот – немало французских офицеров осело в России после разгрома армии Наполеона. Так ведь вполне могли позаботиться о том, чтобы приписать к прежней фамилии хотя бы пару букв, к приме-

ру «ин». Вот только в этом случае первоосновой мог быть исключительно «Федюк», что уж совсем не увлекало. И всё-таки надежда сохранялась, поскольку наверняка имелись и более интересные варианты происхождения фамилии.

Недавно летал в Париж на переговоры – речь шла о разработке новой формы для солдатиков. Пришлось пообщаться с несколькими знаменитыми тамошними кутюрье, однако их предложения Аркадия Евграфовича не впечатлили. Уж очень всё замысловато, вычурно, да и цена кусается, а ведь для солдата главное, чтобы летом руки-ноги не потели. Василиса ещё тогда обратила внимание, что Федюкин словно бы витает в облаках вместо того, чтобы обсуждать детали формы. Она-то уже видела себя одетой «от Версаче» или хотя бы «от Диор». Но что поделаешь, если даже во время переговоров Аркадий Евграфович всеми своими мыслями был там – недалеко от парка де Монсо и собора Александра Невского, на маленькой парижской улочке, в доме, где размещался с давних пор Союз русских дворян. И словно бы уже кончиками пальцев слегка похолодевших, чуть дрожащих рук ощущал тепло бумаги, на которой витиеватым почерком написано: «Внести в шестую часть Родословной книги Союза русских дворян Федюкина Аркадия Евграфовича, рождённого...» Ну и так далее – с тем, что положено писать в дворянских грамотах, он ознакомился заранее. Смущала только обнаруженная им в образце такого документа оговорка по поводу того, что «настоящее свидетельство действитель-

но до утверждения оною закононою в России властью». Чем же им эта власть не угодила? Да если бы не она, родимая, разве когда-нибудь пришла бы ему в голову мысль о графском титуле.

Надо признать, что желание стать дворянином возникло у Федюкина, только когда уже приблизился к вершине власти, что называется, на длину протянутой ему руки. В сущности, его теперешняя должность вполне соответствовала званию церемониймейстера, по крайней мере. То есть стоять по правую руку от «государя» на парадах, да рапортовать о достигнутых успехах на очередных манёврах. Всё остальное было недоступно вниманию посторонних лиц, поскольку военные дела в немалой степени связаны с секретностью, а потому и личная жизнь, и увлечения, и методы руководства Федюкина своим ведомством оставались тайной за семью печатями.

Если бы не эти проблемы с получением дворянства, грех было жаловаться – со временем удалось скопить солидный капитал, потом выправил себе степень доктора каких-то там наук, а уж когда устроился в должности военного министра, жизнь стала приобретать черты, свойственные только небожителям. Вроде бы чего ещё желать? На самом деле, всё было не так. Это его не вполне внятное происхождение вечно напоминало о себе, даже когда никто о том не спрашивал. Он ощущал себя купчишкой, выбившимся в люди из лакеев – безродным простолюдином среди потомков графов и иных дворян. Теперь даже страшно вспомнить, с чего он начинал!

Голь перекатная, босяк! И главное – не малейшей перспективы.

Глава 2. Происхождение субъекта

В те времена на улицах родного города ещё можно было встретить человека с автоматом. Он вылезал из чёрной «волги» без номеров – вместо этого была только никелированная табличка, свидетельство принадлежности к высшей знати, – опасливо оглядывался по сторонам, поводя дулом автомата, и только после этого открывалась задняя дверь, чтобы представить прохожим и зевакам того, чьё имя даже шёпотом боялись называть. Аркаша глядел во все глаза, и сердце его замирало от восторга – вот так бы и ему когда-нибудь, под ручку с ослепительной красавицей входить в предупредительно распахнутые двери ресторана.

Однако эта дивная мечта на долгое время оказалась спрятана где-то в закоулках его памяти. Мечтать, конечно же, не вредно, если не очень увлекаться, но прежде следовало получить ну хоть какую-то профессию. Там, где всё зависело только от него, он смог показать, на что способен, хотя перспектива реализовать свои способности, работая на автобазе, нисколько не прельщала. Однажды начальник, приметив паренька, в приватной беседе поделился своим опытом:

– Ты пареньк смышлёный, и вот что я хочу тебе сказать. Если не хочешь всю жизнь ходить в «шестёрках» и со стола объедки подъедать, найди себе влиятельного покровителя. Вот он как танк будет тебе дорогу расчищать, ну да и ты не

забудь его отблагодарить при случае.

Собственно говоря, не будь такого покровителя, вряд ли Аркаша получил бы направление на учёбу в Ленинград. Эта бумажка – всё равно как проходной билет, поскольку провинциалам для поступления в институт была выделена квота. Да хоть на тройки сдай экзамен, всё равно зачислят, даже предоставят общежитие. Поначалу Федюкин не догадывался, насколько ему повезло, какие перспективы могут перед ним открыться, когда он закончит этот, на первый взгляд, непрестижный институт – ну можно ли гордиться профессией продавца обувного магазина? Однако прошло время, пригляделся, понял, что и как, и тогда уже на всех парах помчался к своей цели. Понятно, что одним усердием в учёбе трудно заслужить признание. Да и сверхурочная работа грузчиком уверенности в светлом будущем отнюдь не добавляла, разве что на заработанные деньги немного приоделся, а ведь знающим людям хорошо известно, что внешний вид в торговле очень много значит. Впрочем, важен был не только внешний вид, но и умение сводить концы с концами. Вот в этом деле Аркаша, несомненно, преуспел.

После третьего курса студенты проходили практику. Федюкину выпало торговать бананами. Не имея опыта, управляться с механическими весами, к тому же обходясь без столь привычного теперь калькулятора – вместо него в те времена приходилось щёлкать костяшками на деревянных «счётах» – оказалось, что далеко не каждому студенту это

по плечу. Только Федюкину всё удавалось. Он успевал и улыбаться покупателю, и уговорить его взять гроздь бананов чуть побольше, и самое главное – умел торговать не себе в убыток. Верно и то, что никто не стал бы утверждать, что он кого-то обсчитал – рисковать из-за нескольких рублей, в то время как до реализации мечты осталось два-три шага, этого Аркаша никак не мог себе позволить.

Следующий шаг оказался очень важным. Уже через год, на следующей летней практике ему предстояло потрудиться в должности помощника бухгалтера в магазине. Магазин был непростой, поскольку мебель – это вам не бананы, это совсем не то, о чём предстоит забыть после того, как съешь. Стенка, диван или письменный стол – если не на века, так хотя бы на полтора десятка лет. И все эти годы довольный покупатель мысленно будет благодарить продавца, оказавшего ценную услугу. Если кому-то невдомёк, тут надо пояснить, что дефицит в прежние времена являлся основой материального благополучия целой армии снабженцев, товароведов, директоров и продавцов, не исключая также водителей и грузчиков. Особенно это относилось к дефициту мебели, поскольку жителям страны, почти сплошь заросшей непроходимыми лесами, казалось вопиющей несправедливостью распределение мебели по талонам, запись на импортные гарнитуры, бдение в нескончаемых очередях. Гораздо проще договориться с продавцом, однако и тут не обойтись без рекомендаций – понятно, что не всякому клиенту в столь дели-

катном деле можно доверять. Со временем Аркаша всю эту технологию освоил, хотя работа в бухгалтерии не позволяла общаться с покупателями. Однако и на этом месте он постарался доказать, что, несомненно, достоин быть шестернёй в этой многоступенчатой системе. Вполне логично, что после окончания института его взяли в местный Мебельторг.

На первых порах Федюкина не подпускали к дефициту. Стулья, тумбочки и другая мелочёвка – вот этим и приходилось торговать. Но очень скоро появились новые возможности. Существенную роль тут сыграла внешность, поскольку солидного вида, как бы наполненный значительностью продавец вызывал доверие у vip-клиентов. Вскоре он стал заведовать секцией, продававшей шкафы и секретеры, а там подспели новые времена с куда более широкими возможностями – грянула долгожданная перестройка.

За годы работы на ниве обустройства городских квартир Федюкин обзавёлся огромным количеством знакомств. Здесь были люди, к которым при иных обстоятельствах, скажем, работай он директором овощного или винно-водочного магазина, побоялся бы приблизиться на расстояние нескольких шагов. А тут, что ни день, к нему за помощью обращались профессора и академики, популярные артисты и мастиные художники, известные спортсмены и жёны иных, весьма влиятельных лиц, не считая барыг и прочих представителей уголовного мира и теневого бизнеса. Что уж тут говорить, если даже директора крупных универмагов перед ним заиски-

вали, снабжая импортными шмотками и столь изысканными деликатесами, о существовании которых прочие граждане не подозревали. Кстати, и первый свой автомобиль Федюкин приобрёл по блату. Ах, это были золотые дни! И очевидной причиной благоденствия мебельного короля был дефицит.

Любому школьнику известно, что в прибыльном бизнесе без надёжной «крыши» невозможно обойтись. В лихие 90-е мебельные фабрики и магазины находились под бдительным надзором «братков», слетавшихся из дальних уголков России с тем, чтобы пощипать успешных бизнесменов. Общение с ними стало одним из элементов управления хозяйством, приходилось и руки пожимать, и выпивать, и вместе проводить время с девочками в бане. Всё это без особого удовольствия, но что поделаешь, надо было как-то жить, а запереть себя в четырёх стенах и не высовываться – такая жизнь была не для Федюкина. Да что тут говорить, вряд ли в бизнесе найдётся хотя бы один чистенький и незамазанный в те годы.

Вплоть до начала нового тысячелетия Аркадий Евграфович вполне успешно продвигался по служебной лестнице. Уж он-то разбирался в мебели, знал, что к чему, а между прочим, лестница – это та же мебель, скажем, если понадобится снять книгу с верхней полки стеллажа в своей квартире. Увы, на книги почти не оставалось времени, поскольку от заведующего секцией по продаже дефицитных стенок до поста генерального директора в акционерном обществе –

дистанция огромного размера, и все силы приходилось тратить лишь на то, чтобы до финиша добраться самым первым.

Впрочем, о завершении карьеры рановато было размышлять, однако со временем Федюкин понял, что в этом бизнесе достиг своего предела. Отчасти именно поэтому и решил приобрести профессию юриста, хотя и в прежней должности гендиректора знание основ юриспруденции ему не помешало бы. Тогда, во время учёбы на заочном факультете он и познакомился с Тамарой.

Как позже выяснилось, его новой подруге отчаянно не повезло. Выйти за сына первого секретаря горкома партии мечтала любая девушка из номенклатурной тусовки районного масштаба. Однако после того как славные времена неожиданно закончились, муж с горя запил, потом бывшего первого секретаря не стало, и вскоре супруги разошлись. Осталась на руках дочь, и нужно было искать нового спутника жизни, более покладистого и перспективного.

Федюкин, что называется, сделал стойку сразу, как только удалось узнать, что Тамара приходится дочерью главному местному налоговику. Ему ли при его опыте общения с «братками» и налоговой инспекцией не знать, какие возможности это могло сулить. Прежде приходилось подкармливать инспекторов, поскольку даже за совет, как обойти закон, чтобы минимизировать налоги, – даже за такую малость приходилось рассчитывать на пачками «зелёных». Похоже, там был свой чёткий прејскурант – с кого и сколько брать, само со-

бой, в зависимости от доходов. Наверняка кто-то из налоговиков озолотился на его подачках, так почему бы и самому теперь тоже не попробовать?

Дело оставалось за малым – сначала развестись с прежней женой, потом жениться на Тамаре, а в качестве свадебного подарка получить должность заместителя при тесте. Тут следует признать, что отец Тамары тоже был не лыком шит – если бы не увидел в женихе задатки солидного руководителя, вряд ли бы его к себе приблизил. Так ведь ещё в Краснодаре про Аркашу было сказано: ну до чего смышлёный парень!

Кстати, о мыслях, которые время от времени возникают в голове. Первая мысль, посетившая Аркашу после того как он узнал о том, что за малопривлекательной фамилией его сокурсницы по юрфаку скрывается урождённая Дубкова – это была даже не мысль, а междометие, вырвавшееся изо рта прямо во время лекции в университете. Ну просто «Ах!» и больше ничего. По счастью, лектор не услышал либо же принял возглас восхищения на свой счёт. Федюкин же сразу после лекции забрался в Интернет, чтобы уж наверняка узнать о будущем «папаше». Тут-то и открылась ему тайна «Дворянского гнезда», а вместе с ней словно бы зажглись посадочные огни столичного аэродрома.

Глава 3. Дворянское гнездо

Так вот, немного о «гнезде». За несколько лет до того, как Федюкин оказался на юрфаке, Василий Степанович Дубков почувствовал какое-то неудобство в организме – он понял, что сдаёт. Вроде бы не старый ещё, однако вся эта реформаторская суэта и безалаберность до того достали, что временами просто не хватало сил – нужно было прилечь и отдохнуть. Можно, конечно, полежать и на диване в собственной квартире, однако хотелось устроиться где-нибудь подальше от городских забот, от шумных улиц и неулыбчивых сограждан. Понятно, что не с чего им было улыбаться, но и глазеть на эти вечно недовольные, обиженные лица через стекло автомобиля даже в выходной день – это занятие крайне утомляло. Тогда-то и явилась ему благостная мысль – построить где-нибудь среди полей и лесов что-то вроде дачного кооператива, но исключительно и только для «своих». Так чтобы даже чужая мышь на территорию не проскочила! В итоге образовался коллектив: два физика, кое-кто из мэрии, вроде бы один со связями в КГБ, парочка банкиров, некий оборотистый бизнесмен, которого в итоге избрали председателем, ну и он сам, налоговый Дубков. Надо признать, что собралась вполне приличная компания, да и место для того, чтобы хоть изредка отдохнуть душой, подобрали редкое по красоте. Всё было честь по чести – берёзовая роща, цветущие

луга и дивное озеро неподалёку. Хотели назвать кооператив по общему согласию – «Дворянская усадьба». Правда, даже остатков какой-нибудь усадьбы там не наблюдалось, однако старожилы поговаривали, что была – до тех самых пор, пока её крестьяне не спалили в тот самый год, когда вся эта заварушка только началась. Возможно, именно поэтому название не прижилось, и вскоре кооператив переименовали в «Дворянское гнездо».

Понятно, что вряд ли из этой затеи что-то получилось бы, если бы не связи Василия Степановича по прежней службе, когда пришлось курировать сельское хозяйство. Конечно, не обошлось и без поддержки мэрии. Собственно говоря, человек из мэрии и сыграл решающую роль в становлении дачного кооператива. И что немаловажно, в главной роли и остался, вот только роль эта со временем приобрела совершенно новые черты, о чём никто в те годы даже не догадывался.

Текущие задачи по управлению кооперативом решал тот самый оборотистый делец – некто Снетков. Были у него с мэрией какие-то общие дела, поэтому никто не удивился тому, что он оказался в их компании. В те годы процветал бартерный обмен – да просто потому, что других вариантов тогда не было. Валюты кот наплакал, а людей надо было накормить, согреть, платить пенсии, ну и какую-то зарплату. Вот и приходилось проворачивать не вполне легальные сделки, если оценивать их с нынешних позиций, и даже закрывать глаза на некоторые сопутствующие этим сделкам обстоя-

ательства. К Снеткову до поры никто претензий не имел, поскольку после развала КГБ и деградации правоохранительной системы не было никакой возможности разобраться, кто есть кто, какие у него связи, с кем в одной камере сидел. Это уже потом оставалось только схватиться за голову, рвать на себе волосы или посыпать их пеплом, сожалея о сомнительных знакомствах. Ну а тогда главная, определяющая мысль была одна: обеспечить функционирование экономики. Худо ли бедно, но это удалось. Если же кто-то оказался прошлыми связями слегка запачкан, так это ничего – бог простит, а общественность об этом не узнает.

Да что говорить, в те годы никто из них не мог предположить, что совладелец компании, осуществлявшей бартерные сделки, и заодно хозяин фирмы, которой поручили охранять «Дворянское гнездо» – это не кто иной, как известный криминальный авторитет, из тех самых «братков», которые подмяли под себя чуть ли не весь частный бизнес в городе. Уже гораздо позже, когда всё это больём поросло, Дубков не раз приставал к Петрушину с вопросом:

– Что же ты не доглядел? Как же позволил замараться?

И неизменно получал ответ от главного чекиста:

– А что я мог сделать? Спецслужбы словно нарочно развалили. Ну чтобы легче было нарушать закон. А из «ментовки» на все запросы о фигуранте отвечали, что чист, в противозаконных акциях не замечен.

На том разговор и завершился.

Да уж, в те годы много чего начудили. Теперь только остаётся оправдываться и краснеть, глядя в зеркало на собственное отражение. Ну что поделаешь – вовремя не разобрались, с кем дело приходится иметь. Так что, за это сразу ставить к стенке? Многие на этом компромате пытались заработать капитал. Кое-кому зубы обломали, только ведь рот всем не закроешь.

Вот и Аркадий с вопросами стал приставать. У Дубкова даже возникло подозрение, что всё это он неспроста.

– И не думай! Выкинь из головы!

– Да что вы, Василь Степаныч! Я только так, из праздного любопытства.

– Будто я тебя не знаю... – Дубков с явным недоверием посмотрел на зятя. – Честно тебе скажу, всё эта история не стоит выеденного яйца.

– А что же комиссия этой, как её... Танеевой?

– Тут всё просто. У них заказ: отстранить бывшего гэбшника от власти, подрезать ему крылья, чтобы больше не взлетел. А всё остальное от лукавого.

– Но были же у него связи с местными «братками».

– Какие связи?! Что ты тут несёшь? Будто сам не знаешь, что в те годы любое доходное предприятие имело свою «крышу». А уж когда речь зашла о бартерных поставках, как можно обойтись без них?

– Так всё же было?

– Было, но совсем не так. Даже сейчас, когда у спецслужб

огромные возможности, требуется немало времени, чтобы понять, кто на самом деле владеет фирмой. Ну а тогда... Неужто всё забыл? Продовольствие распределяли по талонам, и никого не волновало, кто приложил руку к тому, чтобы продукты появились на прилавках. Да как у тебя язык поворачивается нас в этом обвинять?

– Василь Степаныч! У меня и в мыслях не было!

– А тогда молчи и не суйся туда, куда не следует.

– Я ведь спросил только потому, что неизвестно ещё, как всё дальше сложится. Мне думается, что на крайний случай не помешало бы иметь в заглазнике какой-нибудь компромат. А то ведь никаких гарантий даже на ближайшее будущее...

– Ты, зятюшка, со мной дружи. Вот это тебе самая надёжная гарантия. Надежнее, чем счёт в швейцарском банке, – Дубкову эти расспросы стали уже надоедать, и он, как мог, старался вразумить Федюкина. – Пойми, садовая ты голова, что нет ничего надёжнее крепкой дружбы. Вот посмотри, скажем, на Жору Барчука. В начале 90-х всего-то замдиректора с нищенской зарплатой. Торговлей компьютерами подрабатывал – это ж смехота! Ну а сейчас – банкир, владелец фирмы, медиа-магнат, ворочает миллиардами. Я уж не говорю о том, что стал почётным консулом этого, как его... Тринидада и Тобаго. И всё благодаря той самой дружбе.

– Это с чего же ему так подфартило?

– А потому что знал, с кем стоило дружить. И не копил на

друзей, так, на всякий случай, компромат.

– Опять вы, папаша, за своё!

– А потому что разные бывали люди. Некоторые думали, что всех хитрее. А посмотри, где они теперь? Как говорится, одних уж нет, а те где-нибудь в Испании пропивают остатки прежних капиталов, – Дубков развёл руками, словно бы говоря, что им уж не поможешь, и продолжал: – Самое главное, зятёк, запомни, что раньше карали за измену Родине, а теперь – за то, что не ценили дружбу.

Надо признать, весьма полезный, познавательный получился разговор. Однако если тесть решил, что смог переубедить, он явно ошибался. Единственная мысль, которая вертелась теперь в мозгу Федюкина – никак нельзя все гарантии класть в один мешок. Да, кровь из носа, надо подружиться с этим Барчуком. Эх, хорошо бы развернуться так, как он! А для больших дел тесть, увы, в дружбаны не годится – и староват, да и масштаб не тот. Кто знает, что может с ним случиться, человек-то пожилой...

Знал бы Федюкин, какие унижения пришлось Барчуку перенести в начале его долгого пути к успеху, не один бы раз призадумался. Одно дело протирать штаны на лекциях в торговом институте, и совсем другое – грызть, что называется, гранит науки, насилая мозги, что-то там изобретать, делать головоломные расчёты, а в результате через десять лет напряжённого труда получить всего лишь должность замдиректора академического института. О зарплате тут смешно

даже рассуждать, поскольку все знают, где была в начале 90-х прежняя советская наука. Впрочем, не намного лучше обстоит дело и сейчас.

Как только появились первые торгово-закупочные кооперативы, Барчук засуетился – планов было громадье! Уговорил директора, и тот, скорчив для порядка недовольную рожу, согласился. В итоге на территории института возникло несколько фирмочек, нацеленных на внедрение результатов научных разработок. Но как всегда бывает, благие мысли привели вовсе не к тому, что намечалось изначально. По сути, вся деятельность Барчука и его команды свелась к перепродаже компьютеров – в те годы это был самый ходовой товар. Дело процветало, но вот однажды директор вызвал его на ковёр:

– Жора, мы с тобой не раз об этом говорили, однако толку никакого нет.

– Да в чём же дело? Что случилось, Морис Иванович? – на лице Барчука обозначилось нечто похожее на улыбку невинного младенца.

– Где внедрение наших разработок? Где обещанное процветание? – требовал директор.

Барчук не сразу нашёлся, что ответить. Вынь ему да положи! А откуда взять?

– Морис Иванович, я ничего такого вроде бы не обещал. По крайней мере, в ближайшей перспективе. Дело это непростое, требуется время, чтобы встать на ноги, а вот уже то-

гда...

– Ты мне мозги не пудри! Вы на компьютерах уже прилично зарабатываете. А институту – шиш?

– Так ведь должен быть у моих ребят какой-то интерес, как же иначе? Думаете, они в восторге от того, что приходится стоять у прилавка вместо того, чтобы двигать вперёд российскую науку?

Однако Морис Иванович настаивал на своём:

– Их главный интерес должен быть в том, чтобы поддержать в лихую годину родной свой институт, а вместе с ним и ту самую науку.

Барчук снова задумался. Директор, конечно, в чём-то прав, но правда такова, что при желании её всегда можно повернуть так, как это выгодно. Вот и теперь пришлось умерить пыл несговорчивого старика:

– По правде говоря, Морис Иваныч, я не уверен, что ваша наука кому-нибудь ещё нужна. В рот её не засунешь, а ведь людям кушать хочется.

– Вот ты как заговорил! – стукнув кулаком по столу, закричал директор.

– Да, именно так! Я вам давно хотел сказать, что вы со своими идеями безнадёжно и необратимо устарели...

Морис Иванович только теперь понял, какую гниду он пригрел на своей груди. Человек, преданный науке, никогда таких обидных слов директору прославленного института не сказал бы. А этот...

– Ну, в общем так! – Морис Иванович встал из-за стола. – Я частную лавочку на территории института впредь не потерплю. Пшёл вон! – и указал на дверь.

На следующий день Морис Иванович собрался было записаться членом в партию, в которой отродясь не состоял и даже не разделял, по правде говоря, взгляды её руководства на то, как следует управлять народом. Но тут уж до того довели, что сил никаких нет дальше всё терпеть, надо действовать. Однако пройдясь по коридорам местного отделения КПРФ, послушав разговоры, решил немного подождать. Ему, человеку от науки, всегда были неприятны люди, мыслившие лозунгами. А здесь, куда ни глянь, стены увешаны транспарантами и плакатами, а на слуху только примитивный агитпроп. Толку-то от этого...

Увы, мало сказать, что состояние академической науки вызывало опасения. Ещё несколько лет такой разрухи, и Морис Иванович мог остаться руководителем крохотного коллектива в составе секретаря-референта, пожилой библиотекарши и председателя профкома. Уборщицы и те давно уж разбежались, а стоило заглянуть в туалет, так там и вовсе возникало ощущение полнейшей безнадёги. Примерно то же творилось и в отраслевых НИИ. Ну а кому нужны все эти интеллектуальные изыски, если внедрять их некому и негде? Даже ему приходилось сдавать в аренду кое-какие помещения, чтобы оплатить хотя бы счета за коммунальные услуги, а в некоторых НИИ, где приходилось иногда бывать, на каж-

дом этаже располагалось по десятку контор, никак не связанных с наукой. Что тут говорить, полный развал и не малейшей перспективы! А выйдешь на улицу, посмотришь по сторонам – жизнь кипит, все что-то продают и покупают, на улицах и площадях просто столпотворение лавчонок. И никому не приходит в голову, что через несколько лет когда-то мощная держава может превратиться в один огромный торгово-посреднический кооператив. Ужасно, если так!

А вот Федюкина подобные тонкости совсем не волновали. Научные открытия и технический прогресс – всё это было ни к чему. Ему бы разобраться в том, как Барчуку удалось сделать столь невероятную, просто уникальную карьеру. И вот что удалось узнать у сведущих людей.

Покончив с прежними увлечениями, Барчук открыл свой ресторан. Понятно, что без начального капитала, составленного на продаже компьютеров, японских телевизоров и прочих заграничных причиндалов, о ресторанном бизнесе нечего было в те годы и мечтать. Дело открыли в складчину, взяв в долю и германских рестораторов. Только со временем Барчук понял, как он угадал. Да именно так! Займись, скажем, итальянской пищей или японскими деликатесами, так бы и остался заурядным владельцем сети общепита. А тут оказалось, что постоянным посетителем его ресторана стал некий влиятельный человек из мэрии, не далее, как пару лет назад вернувшийся из длительной командировки в ту самую Германию. Приличное пиво прямиком из Мюнхена, оттуда же

сосиски, солёные орешки – всё это возбуждало в нём приятные воспоминания о жизни за границей и располагало к задушевному общению, когда можно человека брать, что называется, голыми руками. Тогда-то, во время очередных посиделок в компании с его всегдашним спутником Дубковым и несколькими приятелями по прежней службе, возникла эта мысль – создать некое подобие дворянского гнезда. Не всё же обсуждать дела за пивом в ресторане, на виду у всех. Нет, надо подобрать уединённое местечко в тихой местности, построить там посёлок, всё на современном уровне по европейским образцам, но только не для всех – для избранных. Барчук со своей стороны горячо идею поддержал, да и его коллеги по бизнесу, само собой, не возражали.

Дачные дела худо-бедно завертелись, однако человека из мэрии заботили куда более важные проблемы. Чтобы поднять из руин экономику родного города, требовались не только финансовые средства, но и место, где их аккумулировать до поры до времени, то есть финансовое учреждение, через которое можно проводить торговые сделки, дотации предприятиям, выплату зарплаты и прочее, и прочее. Нашёлся подходящий банк, но, как и всё городское хозяйство, он дышал на ладан. Когда потребовалось передать банк в надёжные руки, лучшей кандидатуры, чем Барчук, у руководителей мэрии не возникло. Любитель немецких сосисок так ему сказал:

– Давай, Жора! Вся надежда только на тебя, иначе хана

будет нашему городу.

– Не сомневайся, я не подведу.

Да как тут можно сомневаться? Свой в доску, к тому же светлая голова, аналитический ум – кому ещё можно поручить столь важную работу? С этого крохотного банка всё и началось. И вот теперь в руках у Барчука огромная империя!

Глава 4. Перспективы роста

Увы, все попытки Федюкина завязать отношения с Барчуком не дали результата. Даже когда Федюкина назначили главным городским налоговиком взамен ушедшего на повышение Дубкова, ему никак не удавалось сделать что-нибудь приятное для Барчука, оказать некую полезную услугу. К тому времени покровитель Барчука благополучно перебрался в Москву, на самый высший уровень, где и решались все более или менее серьёзные вопросы. А что мог сделать такого уж уникального Федюкин? Ну предложить некую схему, как минимизировать налоги, предоставить необоснованные льготы, но это были только мелочи. Барчук всё через московский офис пробивал, ну а Федюкин вертелся где-то на задворках.

Нельзя сказать, чтобы городские «жирные коты» услугами Федюкина пренебрегали. Да вовсе нет! Как-то раз на стол следователю городской прокуратуры Егору Тимофеевичу Викулову положили расшифровку телефонного разговора – два криминальных авторитета обсуждали свои текущие дела. Вроде бы ничего особенного, если бы не упоминание некоего неустановленного лица из налогового ведомства:

– Михалыч, в общем, я встретался с ним сегодня.

– И что?

– В принципе, положительно, конечно. Что хочу тебе ска-

зять – он просто офигительный! С ним можно решать любые вопросы, браться за любые темы, к которым мы не могли подступиться даже.

– Ты уверен?

– На все сто! Его срочно нужно привлекать. Понимаешь?

Это человек, с которым можно договариваться.

– Ключевая фигура к тому же по налоговым делам.

– Вот именно. Ну просто кайф!

– Да уж, подфартило! Надо бы нам с ним перетереть всё это.

– Замётано! Я сообщу попозже.

Новых записей получить не удалось – то ли канал связи их клиенты изменили, то ли вообще засекретились. В итоге следствие так и осталось в неведении относительно личности того самого лица. А вскоре навалились новые дела, и про тот разговор окончательно забыли. Все, только не Викулов – ту запись он на всякий случай сохранил в своём архиве.

В те времена вошёл в моду такой «прогрессивный» метод поглощения доходных предприятий, как рейдерский захват. Чуть ли не каждый день к налоговикам обращались с предложением внести изменения в государственный реестр юридических лиц, а уж остальное было делом техники. С помощью сотрудников ЧОПа, а то даже и с привлечением ОМОНа, вламывались на предприятие, врываются в директорский кабинет и предъявляли ошарашенным работникам завода или фабрики документы, подтверждающие права но-

вого собственника. При необходимости можно было организовать и постановление прокуратуры, и решение суда. Ну в общем, было на чём покладистым чиновникам нарастить свой капитал или хотя бы приобрести подержанную иномарку.

Само собой разумеется, не каждому можно в столь прибыльном деле доверять. Решение таких задач поручалось только исключительно надёжным людям. Три межрайонные налоговые инспекции, точнее их облечённые полномочиями инспектора, вполне справлялись с поступающими заказами. А остальным приходилось изыскивать другие способы пополнения семейного бюджета.

Увы, со временем этот бизнес стал привлекать к себе излишнее внимание. У пострадавших тоже находились связи, да и контролирующие органы уже крепче стояли на ногах. Знакомые из УБОПа сообщали о возрастающем интересе их начальства к налоговым делам. Вот тогда и возникла у Федюкина мысль поменять своё нынешнее кресло на более престижное и безопасное, желательно в Москве, поближе к теще.

Дубков поначалу отнекивался, ссылаясь на то, что не такое уж у него влияние, чтобы зятя так запросто перетащить в столицу, если он на государственных хлебах всего-то без году неделю. Да и перед товарищами из Кремля как-то неудобно – там хоть и смотрели сквозь пальцы на семейственность в правительстве, но только в том конкретном случае, когда

она вполне оправдывала себя, не противоречила интересам государства.

– Василь Степаныч, я оправдаю! И противоречить вам не собираюсь.

– Эх, Коша, дело вовсе не в тебе. То есть и в тебе, конечно. Но вот вопрос: куда же мне тебя пристроить?

Кошей Федюкина стали называть ещё в торговом институте. Уж очень он был похож на огромного кота, толстого и неповоротливого. Немного заработав денег, Аркаша покупал себе еду и всё чего-нибудь жевал – на лекциях, по дороге в общежитие, даже в кино. Однако на прозвище он не обижался, поэтому его так и продолжали называть уже гораздо позже, само собой, в неслужебной обстановке.

– Да я на всё готов, – согласился Коша. – Лишь бы быть поближе к вам. Да и Тамара соскучилась по папе.

– Что ж, это немаловажный аргумент, – улыбнулся тесть. – Только опять же – куда тебя определить? На сельское хозяйство не поставишь. Дипломат из тебя хреновый с таким образованием. В Минпромторг не сунешь – ты же не технарь, хоть и в моторах когда-то разбирался...

– Даже и не знаю. Вам решать.

– Слушай, а возьму-ка я тебя к себе. Дело знакомое, на нынешней должности ты себя отменно проявил, а у нас ценят молодые кадры. Ты как на это смотришь?

– Я только за! – радостно вскричал Федюкин.

– Ну вот, для начала в кресле зама посидишь, но думаю,

что это ненадолго. Есть мнение меня на другую работу перекинуть. Тогда, если сможешь себя показать, я так и быть – слово замолвлю «наверху». Свято место, оно, как известно, пусто не бывает.

– Василь Степаныч! Что бы я без вас? Так бы и торговал стульями да табуретками до самой смерти.

– Ты жену не обижай, и всё будет в ажуре.

Тогда славно получилось: из городских налоговиков – в кресло замминистра, потом исполняющим обязанности взамен ушедшего на повышение Дубкова, а вскоре совсем остепенился Аркадий Евграфович Федюкин. Как глянет на себя в зеркало – ну вылитый министр!

Взялся за дело он ретиво, поскольку всё в этой сфере хорошо знакомо, вот только руки раньше были связаны. В общем, эффективность налоговых сборов стала потихоньку возрастать. А тут подвернулся и вовсе уникальный шанс. Тесть при встрече ему так и сказал:

– Аркаша! Есть возможность сделать доброе дело. Причём не просто так, не за прибавку к зарплате или за орден к юбилею. Тут можно кое-что существеннее выиграть, войти, как говорят, в круг особо приближённых. Это, конечно, если справишься.

– Я готов! – Федюкин даже зарделся от волнения.

– Ты погоди, очень уж риск большой, можешь споткнуться ненароком.

– Кто не рискует, тот шампанского не пьёт, – процитиро-

вал Федюкин, сглотнув слюну.

– Ну, я-то предпочитаю водку, а ты сам смотри. В общем, излагаю...

Василий Степанович сперва пересказал Федюкину факты хорошо известные – и про арест олигарха, и про события, которые этому предшествовали.

– Да, видимо, зарвался.

– Ну вот и ты намотай себе на ус.

– Я учту, – сказал Федюкин, не особенно вдумываясь в произносимые слова, поскольку заботило его сейчас совсем другое: – Василь Степаныч, но чем же я смог бы поспособствовать вам в этом деле?

– Вот! Это главный вопрос! Тут-то и начинается самое интересное, – Дубков для порядка выдержал паузу и продолжал: – Видишь ли, Аркаша, желание прищучить этого проходимца есть. Он и в самом деле перед народом виноват. Где это видано, чтобы честный человек за несколько лет стал миллиардером?

– Полностью согласен. Это абсолютный беспредел!

– Ну, беспредел, не беспредел, но доказательной базы кот наплакал.

– Так не бывает!

– В том-то и проблема. Если со стороны на это дело посмотреть, то вроде бы всё было по закону.

– Да уж, законы у нас не ахти. Сплошь дыры да лазейки, – Федюкин согласно закивал, но без особой грусти в голосе.

– Дай время, законы мы подправим. Но как же этого гада засадить?

– Тут только одна зацепка – неправильно платил налоги.

– Вот-вот, и я об этом, – обрадовался Дубков, с надеждой глядя на догадливого зятя.

Федюкин тем временем напряжённо размышлял. Это же экспроприация экспроприаторов в чистом виде! Дело, несомненно, перспективное – не в юридическом смысле, конечно, а в том, как может повлиять на его судьбу. Но как?! То есть где найти требуемые аргументы?

– Я понял, Василь Степаныч. Сей же момент всё брошу и займусь только этим делом.

– И не тяни! – напутствовал его тесть.

Уже к утру в голове Федюкина кое-что сложилось. Идея, в общем-то, была проста: законов олигарх вроде бы не нарушал, однако замысел надуть налоговые органы присутствовал. Вот это и надо было доказать.

Приехав на службу, Аркадий Евграфович собрал всех заместителей. Приказал поставить на уши весь аппарат, срочно разослать депеши налоговикам в самые отдалённые уголки державы. Тут же из лучших сотрудников сформировали аналитическую группу, поставив во главе её начальника правового департамента – ему и отвечать перед заказчиком, если не получится. А для поднятия духа всем пообещал солидную премию и повышение оклада. Ну и машина заработала.

Если честно, так и с той, противной, стороны предлага-

ли очень привлекательные варианты. Им позарез нужна была налоговая отсрочка. Как можно налоги заплатить, если он добился ареста всех счетов? Однако Федюкин был неумолим. К своей цели он шёл, как танк, не останавливаясь на пути. И только уже гораздо позже, припоминая, сколько обещали за содействие, он начинал сомневаться: правильно ли поступил, на того ли жеребца поставил. Что-то подсказывало, что был прав, ну а виртуальные потери можно вполне реально отыграть, когда появятся более солидные возможности.

К тому времени, когда подошёл срок формулировать обвинение, на столе у следователей лежало несколько десятков томов, содержащих налоговые декларации, учредительные документы фирм-однодневок и прочее, и прочее. Следователям оставалось во всё это вникнуть, отделить зёрна от плевел и оформить, как положено. Но сроки поджимали, «наверху» этой задержкой были крайне недовольны, и, как всегда в подобных случаях, в деле осталось немало нестыковок. Уже после того, как был вынесен приговор, Федюкин поинтересовался, что там насочинял судья, и пожалел, что связался в это дело. Будь он на месте прокурора, всё выглядело бы гораздо убедительнее, а тут... В итоге самая суть оказалась погребена под завалами несущественных подробностей. Хотя, возможно, на это и сделали расчёт.

Но были в этом деле и приятные мотивы. Тесть выполнил обещание, и постепенно Федюкина стали допускать в уз-

кий круг – речь об особо доверенных лицах из «Дворянского гнезда». Теперь надо выждать время, когда закончатся все эти кассации и апелляции, и можно будет заявить о своих претензиях. Не зря же он старался, в самом деле!

Всё бы ничего, можно было ещё немного подождать, однако в тех самых, когда-то подконтрольных ему несколько лет назад, полукриминальных налоговых инспекциях вдруг начались обыски. И Федюкин понял: если и дальше будут там копать, смогут чего доброго выйти на него – кто ж поверит, что главный городской налоговый был не при делах, допустил, чтобы под носом у него творилось беззаконие? Хоть он теперь и министр, хоть и сидит в Москве, однако всё равно в ответе. Нет, надо было срочно поменять сферу деятельности, чтобы даже запаха его в налоговой службе не осталось. С тем и обратился к тестю:

– Папаша! Вам не кажется, что я тут засиделся?

– Ты что это вдруг? – встрепенулся озадаченный Дубков.

– Так ведь работа налажена, налоговые сборы изо дня в день растут. Похоже, мне тут больше делать нечего.

– Как это нечего? Тебя партия, тебя народ поставил! Что приказали, то и должен выполнять.

– Да разве я отказываюсь, Василь Степаныч? Только ведь масштаб не тот, мне тут развернуться негде. К тому же, олигарх уже получил своё, а вы мне за это обещали...

Василию Степановичу, ох, как не хотелось, чтобы зять очень уж высоко взлетел. Сейчас он под контролем, а что бу-

дет, если получит более значительную должность? Есть подозрение, что закусит удила, а тогда может наступить конец семейному благополучию. Этих выскочек из провинциального небытия он прекрасно понимал, ведь сам же из таких. Только ведь Дубков получил закалку ещё в прежние времена, был воспитан, как принято говорить, на верности идеалам добра и справедливости. А этот что? Да за таким нужен глаз да глаз, иначе сам по уши потом увязнешь. Однако что поделаешь, обещание надо выполнять.

– Так чего ты хочешь?

Федюкин сделал вид, что глубоко задумался. В таком серьёзном разговоре нужна пауза, иначе тесть решит, что он всё загодя продумал, всё решил, а от самого тестя всего-то и требуется кивнуть головой и принять это к исполнению. Вот потому-то и молчал. И только после небольшой паузы словно бы нехотя, смущенно глядя в пол, сказал:

– Вообще-то все мы когда-то проходили службу в армии. Я ведь как-никак офицер запаса...

Теперь пришла пора задуматься Дубкову: «В Минобороны метит! Да уж, у зятя, само собой, губа не дура. Вон как загнул! Там одних только генеральских звёзд на погонах будет с тыщу, а этот, недавний лейтенант, только на днях его сделали полковником... Этот что же, он будет ими управлять?»

С другой стороны, в Кремле уже давно зреет недовольство. Много дармоедов в нашей армии, да и жулья изрядно расплодилось ещё с тех пор, как расформировали Западную

группу войск. К тому же там, в Европе, штатский во главе военного министерства никого не удивляет. В пользу кандидатуры зятя есть ещё один ценный аргумент – юрфак закончил и в финансах разбирается. Это тебе не всю жизнь сидеть в окопах и по плацу маршировать. Что ж, мысль интересная, но прежде чем там, «наверху» её озвучить, надо бы мнение как-то подготовить. Ну скажем так: генералы и впрямь проворовались, то-то склады с боеприпасами, что ни день, у них взрываются, горят, а вот с чего? А всё, оказывается, потому, что недостачу у себя скрывают – разве найдётся такой настырный дознаватель, что станет подсчитывать осколки, чтобы определить, сколько снарядов взорвалось, а сколько успели распродать по сходным ценам?

Понятно, что зять на это место по многим параметрам подходит – энергии ему не занимать, голос командирский, зычный. Если потребуется, он и маршала, и генерала может далеко послать... И всё же как-то неожиданно всё это, да и дела подобные не делаются за один час. Немного поразмыслив, зятю сказал так:

– Ты, Коша, потерпи чуток. Я этот вопрос провентилирую, переговорю с кем надо. Города не скоро строятся, а такие должности не просто достаются.

– Я подожду, Василь Степаныч, – пробормотал Федюкин.

И сколько ещё ждать? Мысленно он уже представлял себя сидящим у окна с видом на Бородинские ворота, однако так и быть, время ещё немного терпит. Эх, поскорее бы в новое

кресло пересесть, там его никакой дознаватель не достанет. А всё потому что за ним вся армия!

Конечно, если бы только Дубков замолвил словечко за любимого зятя, вряд ли бы что-то удалось. Однако и сам Федюкин не терял времени даром. Ещё когда командовал налоговой службой, старался войти в положение соседей тестя по «Дворянскому гнезду». У них ведь как – если глава семейства честно отработывал свой хлеб на государевой службе, то бизнесом занималась его жена, да и повзрослевшие детки со временем к этому делу подключались. И всем им требовался либо дружеский совет, либо реальная помощь с тем, что убережёт семейный бюджет от излишнего внимания контролирующих органов и прессы, которой дай только повод, так они могут сочинить целый криминальный роман на заданную тему.

Именно тогда он познакомился и с Барчуком. Друзьями так и не стали, но Федюкин во время редких встреч с новоявленным олигархом почувствовал в его глазах некий интерес, словно бы тот к нему присматривался, рассчитывая через какое-то время перевести Федюкина в свой ближайший кадровый резерв. Барчук и в самом деле прикидывал, как можно будет в будущем использовать этого дубковско-го зятя. Ну разумеется, ему не интересны были интеллектуальные способности Аркаши, скорее наоборот – это был тот самый случай, когда ум подменяется жадностью, и только она становится ведущим стимулом, вытесняя из головы

все прочие мотивы – и любовь к отечеству, и жажду справедливости, и совесть. Да, по большому счёту, и сам Барчук в этом плане мало чем отличался от Федюкина. Но тут был один весьма существенный момент – Барчук никогда не давал воли своей алчности. И только проанализировав все обстоятельства дела, взвесив возможные последствия, он принимал решение – брать или не брать. Такой аналитический, кое в чём даже математический подход позволил ему до сих пор не зарываться.

Глава 5. Инициатива не наказуема

Федюкин пригодился уже позже, когда Барчук счёл возможным поспособствовать его воцарению в кресле военного министра. Тогда-то и пришла пора для совместных дел, однако зарабатывать на поставках для армии, скажем, продовольствия и нижнего белья у Барчука не было ни малейшего желания. Он так и сказал в приватном разговоре:

– Ты хоть собачьими консервами своих солдатиков корми, меня это не интересует. Это не мой масштаб! Вот если бы выйти на международный рынок...

Федюкин сразу не врубился:

– Это вы про датские сосиски?

– Да нет, не то, – Барчук криво усмехнулся, даже появилось сомнение, прав ли был, когда протаскивал этого долдона на выгодную должность. – Видишь ли, в Европе есть деликатесы повкуснее. У них ведь немалые успехи в создании военной техники.

– Но как же так? – удивился такому откровению Федюкин. – Это же наши потенциальные противники! Не можем мы покупать их оборудование, мало ли что они подсунут.

«Соображает! – мысленно огорчился Барчук. – Только совсем некстати. Всё-то ему надо объяснять! Когда требуется ум, он включает жадность, а после – совсем наоборот». Пришлось растолковать доходчивее, как для несмышлёного ре-

бёнка:

– Ты что же, собираешься с ними воевать?

– Да нет! – Федюкин от такой возможности даже привскочил на месте, ему это было явно ни к чему, он даже слышать об этом не хотел, а потому перевёл разговор на понятные ему детали. – Ведь эти их бронетранспортёры, по большей части, не подходят для климата России. Ну что, президентскую дачу в Сочи с их помощью будем охранять?

Барчук такой возможности не отрицал, но вёл разговор совсем к другому:

– Пойми, Аркадий, технические причиндалы меня совершенно не волнуют. Да при желании можно любой контракт обосновать. А вот использовать поставленные из Европы изделия или не использовать – это полностью от тебя зависит.

Федюкин, наконец, сообразил. То есть сообразил не всё, а только то, что с крупных контрактов и он может поиметь кое-что, если получится. Догадывался он, что у Барчука в этом деле свой немалый интерес – видимо, часть его капиталов крутилась где-то там, на Западе. Уразумел и то, что спрашивать об этом без толку. «Да понимаю, не дурак!»

А между тем, Барчук выложил на стол бумаги:

– Вот тебе список. Выбери то, что можно наверняка обосновать. Ну а условия потом обсудим.

Федюкин глянул перечень изделий, которые ему предстояло пропихнуть. Чего тут только не было! Слава Всевышнему, бюджет его ведомства с каждым годом раздувался, а

российские заводы с той же регулярностью срывали госзаказ. Так что нетрудно будет обосновать даже покупку броневиков, предназначенных для передвижения в условиях Сахары, и французских вертолетов, которые годились разве что для охоты на козлов из Красной книги. Единственное, что могло беспокоить – это противодействие генералов, которых в армии слишком много развелось. Впрочем, самые строптивые под сокращение попали, а прочие пока что потихли, не высывались, поскольку и для них на первом месте всё-таки семья.

Прошло несколько месяцев, и дело стало приобретать реальные очертания, ну а затем он вошёл во вкус. Федюкин полюбил все эти заграничные штучки ещё с тех пор, когда после «москвича» впервые сел за руль подержанного «мерседеса». Это же небо и земля! Знают же капиталисты, чем ублажить своего клиента. У них даже место водителя лёгкого танка не многим уступало комфорту в том самом «мерседесе». Вот так и надо заботиться о своих солдатах! А что у нас? Да в нашей робе стыдно не только за рулём сидеть, но и обслуживать боевую технику. Тогда-то он и озаботился новой формой для солдат – чтобы всё было по последней европейской моде, на уровне лучших образцов, а то и лучше этого. Жаль, что не удалось договориться с признанными кутюрье, вот ведь жадюги – хотели ободрать его до липки. Однако Федюкина не проведёшь! И в нашем российском захолустье есть умельцы, способные разработать чудо-фор-

му. Сказано – сделано! И самое удивительное, что поначалу всем понравилось. Это уже потом, когда пошили в массовом масштабе, выяснилось: совсем не то, что ожидали.

Однако даже относительные неудачи не смущали. Тем более, что всё решают кадры, а в этом деле Федюкин совершил подлинную революцию. Бывали случаи, когда военные министры надевали юбки, но это же у них, на Западе. Да там вообще не разберёшь, кто баба, а кто только зовётся мужиком. После того, как донесли, что прежний генералитет говорит о его назначении на пост – тут и «плевок в лицо», и «унижение для армии» – Федюкин сделал более чем радикальные выводы из этого. Чем наши российские бабы хуже тамошних? Да вот ничем! То есть как раз наоборот! А потому вскоре на должности, не связанные с боевой подготовкой и эксплуатацией военной техники, он назначил верных своих подруг из налогового ведомства. Генералы роптали, ну а подруги занимались своим делом, поскольку изрядно поднапорели в финансовых вопросах. Для тех министерских «золотопогонников», кто был не в состоянии себя сдержать, уже заготовлен был приказ: «Снять с должности – и в войска!»

Тогда же для пополнения кадров был учреждён кадетский пансион при министерстве. Редкой его особенностью было то, что принимали исключительно девиц. Причём наряду с сиротами, дочерями погибших в «горячих точках» офицеров, каким-то образом здесь оказались и дети вполне благополучных генералов и гражданских лиц. Что, в об-

щем-то, совсем не удивительно – за основу при создании кадетских пансионатов было взято устройство характерных для Европы закрытых школ для наследников высокопоставленных персон и местной знати. Так что теперь нет никакой необходимости отправлять любимых дочерей куда-нибудь в Англию или Швейцарию – вполне можно устроить и поближе. Ещё одним привлекательным моментом учёбы в этом корпусе стала возможность обрести со временем тёплое местечко в военном министерстве. В конце концов, если ставка на «генералов в юбке» уже успела себя оправдать, почему бы и в дальнейшем этой методой не воспользоваться? Такое предпочтение, основанное на половых признаках, можно было объяснить и возрождением традиций – вроде бы ещё у Керенского был свой женский батальон. Вот и теперь даже в воздушно-десантных училищах стали создавать девчачьи роты.

Вполне очевидное преимущество должности министра заключалось в том, что, по сути, он сам себе хозяин. Конечно, периодически отчитывался, демонстрировал достижения и на учениях, и на парадах. Тут главное было – показать товар лицом! Правда, случались и трудные моменты. Скажем, во время конфликта в Закавказье Федюкин чуть не вляпался. всю ночь грузинская артиллерия колошматила по нашей пограничной заставе, затем заняли Цхинвал, а когда потребовалось дать приказ войскам на выдвижение к месту боевых действий, выяснилось, что с министром связь потеряна,

вроде бы отправился куда-то на охоту. Не исключено, что на французском вертолёте вылетел на отстрел тех самых козлов из Красной книги.

На самом деле Федюкин оказался просто не готов к принятию серьёзного решения. Это и понятно, поскольку успел закончить всего лишь курсы лейтенантов, да и на посту военного министра находился всего-то ничего. Ну мог ли он взять на себя ответственность, когда речь идёт о жизнях тысяч незащищённых людей. Это же вам не какая-нибудь комбинация с финансами. Короче, сплеховал! И если бы его не нашли на исходе дня, яркая карьера могла бы закончиться сразу же по возвращении в Москву. Слава богу, трёх суток оказалось достаточно, чтобы показать, кто в Закавказье правит балом.

Глава 6. Аппетит во время еды

Примерно через три года после нового назначения Федюкина на стол следователю по особо важным делам Егору Викулову – к тому времени его уже взяли на повышение в Следственный комитет, в Москву – легла копия записи телефонного разговора, перехваченного испанской криминальной полицией. Ещё за несколько лет до этого у них возникли подозрения, что некий российский олигарх, увековечивший своё имя скупкой золотых яиц, причастен к отмыванию денег с помощью уголовных авторитетов, нашедших пристанище в Испании. С тех пор и прослушивали всех, кто приехал из России. И вот такой российско-испанский уголовник беседовал с сыном, который занимался делами своего отца в Москве. Беседовали о том, о сём, но среди прочего там были и такие странные слова:

- Ну, я поговорил с ним.
- Он что, в Марбелье?
- Да нет, прилетал на пару дней в Париж. У меня на квартире встретились.
- И что?
- Он в принципе согласен.
- А это не может быть подставой?
- Исключено! Мы с ним сработались ещё в те времена, когда он служил в налоговой.

– Тогда понятно.

– Только ты сам должен всё ему объяснить и предложить свой вариант оплаты.

– К нему без подарка, видимо, не сунешься?

– Купи ему бутылку хорошего коньяка. Для начала, думаю, достаточно.

– А что там с его должностью?

– Он говорит, что это всё надолго.

Интерес испанских криминалистов именно к этому разговору был вызван тем, что, согласно полученным от агентуры сведениям, готовилась крупная сделка по продаже российских танков некоему посреднику с последующей поставкой их в обход эмбарго, наложенного ООН, через Испанию в какую-то африканскую страну. Однако вывод коллег с Пиренеев о возможной причастности к этому делу кого-то из заместителей военного министра – этот вывод явно построен на песке. Танки могли продать прямо с конвейера завода – Викулова этот факт не удивил бы. Правда, тут было ещё одно обстоятельство – смущало упоминание налоговой службы в разговоре. Впрочем, и это ничего ещё не значило. Да мало ли кто из бывших налоговиков мог летать в Париж!

Тут надо бы иметь в виду, что интересоваться связями высших должностных лиц можно было только после отмашки, данной из Кремля. Иногда запрет удавалось обходить, если номенклатурные товарищи как бы сами собой всплывали по другим делам, для возбуждения которых достаточно было

санкции главы Следственного комитета. Но даже в этом случае упоминание их фамилий в деле категорически не допускалось. Ну разве что фигурировало там некое «неустановленное лицо». Это и была, по сути, единственная лазейка – пока лицо не установлено, скажем, известно только прозвище и не более того, можно было фиксировать его связи, но исключительно с фигурантами расследуемого дела. Ну а потом... Что будет потом, зависело не только от качества собранного материала, но и от решения начальства.

К этому времени техника идентификации голосов уже достигла вполне приемлемого уровня, поэтому нетрудно было сравнить два голоса: с записи, сделанной испанцами, и с той, которая хранилась у Викулова и где беседовали двое уголовников. Теперь можно почти со стопроцентной уверенностью утверждать, что один из участников этого разговора и тот, кто за несколько лет до этого намеревался установить контакт с кем-то из налоговой, – это один и тот же человек. Его фамилия известна, а вот о ком шла речь теперь, да и тогда, об этом можно лишь гадать.

Впрочем, у Викулова возникло одно предположение, однако он гнал его от себя, поскольку оно не имело ни малейшей перспективы. Логика подсказывала, что в обоих случаях упоминалось некое лицо, притом достаточно влиятельное. Только такой человек мог курировать поставки боевой техники. Это же вам не патронами со склада торговать – здесь тяжеленные танки, в карман их не положишь. Кто бы это мог

быть? В структурах, связанных с военным ведомством, в последнее время появилось немало должностных лиц, прежде обитавших в налоговой службе. Только вот незадача – всё это были женщины, а в разговоре упоминался именно мужик. Вряд ли они так засекретились, что на солидного мужчину пришлось словно бы натянуть юбку? Тогда бы и место прежней работы не стоило упоминать.

После того, как покопался в Интернете, ещё кое-что нашёл. А дело в том, что накануне подслушанного испанцами разговора только один человек из военного руководства летал в Париж, пытаясь договориться о разработке новой формы для российской армии. Что весьма существенно, вместе с ним, помимо секретаря и переводчика, побывала в Париже некая мадам, ведавшая в то время финансовыми и юридическими вопросами, связанными с имуществом военного министерства. Поскольку она требуемым критериям не соответствовала, подозрения падали на её патрона. Однако связь высокого должностного лица с криминалитетом – это уже кое-что! Если, конечно, испанцы не напутали. Так что предварительный вывод был таков – это не кто иной, как Аркадий Евграфович Федюкин. А потому что, как нарочно, всё сошлось на нём.

Особой радости Викулов от этого «открытия» не испытал. Кругом полным полно проходимцев, только успевай дела раскручивать. А с этим и вовсе хлопот не оберёшься, если доложить свои соображения начальству. Долго думал, но

всё-таки нашёл подходящий вариант.

Ещё во время учёбы на юрфаке был у него друг. Вместе время проводили, даже чуть было не женились на двойняшках – тогда бы уж точно стали не разлей вода. Однако Валентина оставили в Москве, определив в военную контрразведку, а Викулов был отправлен для работы в другой город, и после этого они друг друга как бы из виду потеряли. Ни адреса, ни номера телефона Викулов не знал, однако было у них несколько общих знакомых, однокурсников, к ним он и обратился, рассчитывая с их помощью Валентина отыскать.

В итоге всё получилось, как задумал. И вот теперь они должны были встретиться, причём Егор назначил встречу близ парка Горького, в Нескучном саду. То есть адрес он по телефону не назвал, просто намекнул, что хорошо бы встретиться там, где познакомились с теми самыми двойняшками. Валентин всё понял, только недовольно пробурчал: «Вечно ты, Егор, что-то нестандартное придумываешь». Однако правила конспирации и ему знакомы отнюдь не понаслышке.

После объятий и неперемных «да что?», «да как?» приятели по предложению Егора направились в аллею, где достаточно безлюдно – соглядатаев можно без труда заметить. Конечно, Егор очень рисковал. Мало ли что могло произойти с его приятелем за эти годы. Но очень не хотелось допустить самое худшее, не верилось, что Валентин стал стукачом. Ну хотя бы в память прежней дружбы. Когда же выложил все факты без утайки, реакция приятеля оказалась такова,

что впору было усомниться в его психическом здоровье – он чуть ли не плясал.

Вскоре всё разъяснилось:

– Да ты знаешь, что мы уже год копаем под этого Федюкина! И всё без особого успеха. Ну никак до этой курвы не добраться!

– Вам-то он зачем?

– Да он так напакостил всем генералам, им только волю дай, они бы живьём этого гада закопали.

– Вы же по другому ведомству.

– А цеховая солидарность? А где гарантия, что его не перебросят к нам? Тогда уж точно будет полный абзац! Представляешь, вся наша контрразведка – только бабы! – Валентин заразительно захохотал.

– Я вижу, ты совсем не изменился.

– Ну если что, то я всегда готов, хотя уже успел остепениться, – затем внимательно взглянул на Егора, и сказал уже совсем серьёзно: – Так что, поработаем вместе?

– Я бы не возражал.

Егор, конечно, надеялся на помощь старого товарища, однако на такую удачу уж точно не рассчитывал. Тут же прикинули план совместных действий, что-то вроде распределения обязанностей. Контрразведка будет заниматься связями Федюкина и организует «прослушку» под видом поиска врагов в ближайшем окружении министра, включая должностных лиц различных фирм, так или иначе связанных с

военным ведомством. Викулов же тем временем попытается найти криминал в прошлой деятельности фигуранта, когда тот ещё был налоговиком. Однако у обоих «заговорщиков» возникло ощущение, что этого явно недостаточно, поскольку ни контрразведке, ни тем более Викулову в финансовых документах военного ведомства не позволено копаться. А ведь именно там, вне всякого сомнения, можно было обнаружить те факты, которые послужили бы основой обвинения. Это вам не подслушанный разговор, который далеко не всегда удаётся приспособить к делу. Совсем другое дело – официальные бумаги, причём со всеми подписями, реквизитами юридических лиц и круглыми печатями. Тут для толковых аналитиков – раздолье. Можно такое накопать!

Короче, нужен был ещё один элемент в этой следственной триаде. И тут Викулов сказал:

– А ведь председатель Счётной палаты тоже вроде бы генерал...

– Отличная идея! – воскликнул Валентин. – Я думаю, моё начальство с Черкашиным договорится.

На том и порешили. А в завершение разговора присвоили Федюкину кодовое имя – «Граф». Так, на всякий случай, чтобы не привлекать к этому делу излишнее внимание и в документах, и во время разговоров. Они тогда и не догадывались, что Счётная палата уже занимается этим делом.

Результаты первой проверки деятельности ведомства Федюкина были таковы, что Черкашин счёл необходимым

срочно доложить об этом временно исполняющему обязанности президента, за глаза его так и называли – ВРИО. Конечно, он предпочёл бы на эту тему пообщаться с Первым, но следовало соблюсти приличия – ВРИО мог и обидеться, а это совершенно ни к чему.

– Ну что, Семён Терентьич, чем порадуете? – поинтересовался ВРИО, с явной опаской глядя на Черкашина.

– Особенно радоваться вроде нечему, – ответил председатель СП, по-прежнему сомневаясь, правильно ли поступил, решив докладывать не Первому, а этому.

– Что так? «Динамо» снова проиграло?

– Да это я как-нибудь переживу. Тут есть ещё кое-что...

Так вот, скверные дела в военном ведомстве.

– Не может этого быть! – не согласился ВРИО. – Ведь там был уже скандал, я помню, восемь лет назад. На мой взгляд, этого вполне достаточно. Теперь всё переменялось, у них очень эффективный менеджер, ещё в налоговой службе себя проявил. Ну вот и на новом месте проводит радикальные реформы.

– Всё это, конечно, так. Хватка у него, дай бог, не отрицаю. Но результаты плановой проверки говорят о том, что им допущено немало нарушений.

– Наверное, пустяки какие-нибудь? Любите вы к честным людям придирааться.

– Если бы только так... – вздохнул Черкашин. – Я тут составил короткую записку, в ней основные недостатки пере-

числены. Ну вот смотрите, в финансовых делах неразбериха, необоснованные выплаты огромных премий и повыше-ние зарплат.

– И что? Федюкину виднее, какие бонусы устанавливать своим сотрудникам.

– А неэффективное расходование средств?

– Не вижу оснований для жёстких выводов.

– А продажа имущества по сниженным ценам?

– Так ведь, Семён Терентьич, это рынок! – с каким-то да-же придыханием воскликнул ВРИО. – Он наших директив не понимает, им в принципе невозможно управлять. А тут вообще речь идёт о продаже непрофильных активов. Они же гирями на военном ведомстве повисли.

– Это я понимаю, – кивнул Черкашин. – Я другого, Ан-тон Евгенич, не могу понять. Зачем вкладывать бюджетные деньги в ремонт и благоустройство зданий, чтобы затем по дешёвке их продать?

– Нет, погодите... Если это так...

ВРИО призадумался. «Ох, как некстати! Не за горами вы-боры, а тут намечается скандал. Тогда нельзя будет и наде-яться на переизбрание. Надо бы всё это дело придержать».

– Вот что, Семён Терентьич, вы все материалы передайте нам. Я своему контрольно-ревизионному управлению поручу в них разобраться. Есть ли там криминал или его нет, мне это непонятно. Но если ваши выводы, как ни странно, под-твердятся, тогда передадим всё в Следственный комитет.

Глава 7. Ах, какая женщина!

Когда он в первый раз увидел Василису, подумалось: «Ах, какая женщина! Нет, правда, баба – высший класс!» Тогда ещё она смотрелась несколько иначе, довольно стройная и подвижная, хотя и далека была от стандартов топ-моделей. Это позже, после регулярных застолий в ночном клубе, Василису разнесло. Коктейли, изрядная доза виски или коньяка – тут, если подсчитать, дополнительно тысяча калорий чуть не каждый вечер, а то и более того. В таком случае уже никакие диеты не помогут. Но именно дебелая и располневшая, она стала Федюкину особенно мила. Всё было при ней – и эти её большие груди с крохотными тёмными сосками, и чуть выпирающий живот. Но особенно его привлекали бёдра, тяжёлые, будто бы вырубленные из мрамора. И дело даже не в том, что она в этом новом качестве как нельзя лучше соответствовала габаритам своего партнёра, просто обладание таким роскошным телом настолько возбуждало, что он словно бы терял голову, лишался способности мыслить, глядя на неё.

Вот и теперь он слушал, поначалу никак не прерывая, и только смотрел, время от времени кивая головой.

– Коша! Ну пойми, тебе же это ничем не угрожает. Всё очень просто. Ты даёшь указание вложить несколько десятков миллионов в ремонт какого-то здания или в обустрой-

ство территории, а после этого как бы возникают обстоятельства – нехватка денег на строительство жилья для офицеров или что-то в этом роде. И вот ты вынужден этот ведомственный объект продать, причём цена его значительно возрасла после того, как подлатали. Но за какую цену его продадут – это не твоя забота, у меня есть в этом деле свои люди. В итоге мы продаём по заниженной цене, ну а маржу покупатель переводит через некую фирму на счёт твоего обожаемого зятя в швейцарском банке.

«Господи! Опять она о деньгах! – мысленно возопил Федюкин. – Стыдно сказать, так ведь не поверят. Мужик с голой бабой лежат в постели и строят планы, как разорить родное министерство. Смехота!»

Конечно, до разорения ещё очень далеко, для этого надо постараться. А Василисе лишь бы где-нибудь урвать, она бы и папашу своего разорила, если б знала как. Ну до чего же ненасытная! С другой стороны, она кому угодно фору даст в этих делах, ему бы никогда не пришло такое в голову. Ей-то что, а для него огромный риск. Единственное, почему Василису не решался прерывать: не вечно же ему сидеть на этой должности. Пусть говорит. Вот и генералы ропщут, наверняка и до Кремля их возражения уже дошли. А если так, то самое время поживиться напоследок. И что потом?.. Нет, всё же очень рискованное это дело!

– Видишь ли, милая, ты замечательно излагаешь. Только ведь белыми нитками всё шито. Пойми, если будем распро-

давать недвижимость, всех собак повесят на меня. Я же за это отвечаю.

– А пусть попробуют доказать!

– Господь с тобой! Так ведь всё равно конец карьере. В лучшем случае обвинят в халатности и отправят завхозом на казённый склад.

– Ну и зачем тебе эта карьера? Да при таких деньгах!..

– За деньги теперь не купишь ни свободу, ни положение в высшем обществе. Это не прежние времена. Теперь, куда ни приедешь, спросят: а откуда миллионы? И что я им скажу?

– Ну, можно островок купить где-нибудь в Тайланде, какое-то время переждать.

– Ты забываешь о том, что я носитель государственных секретов. Да никуда меня не выпустят, и не мечтай! – загрустил Федюкин.

– Эх ты! Такие деньги сами в руки просятся... – не унималась Василиса. – Послушай, если хочешь, я всё готова взять на себя, а ты как бы вообще не при делах. Ведь документы на продажу министр не обязан утверждать.

– Это как же так? – обиделся Федюкин. – Да чтобы я прятался за твоей спиной? Нет, это недостойно настоящего мужчины!

– Какой ты у меня галантный! – проворковал Василиса.

– Я не галантный. Просто не хотел бы потерять тебя. Ну сядешь ты. И кто будет выручать?

– Ты забыл про тестя...

– Ну ты, мать, даёшь! Да если он про нас с тобой узнает, так просто в асфальт любимого зятя закатает.

– Ну а твои друзья из «Дворянского гнезда»?

– Какие там друзья?! Да я им нужен, пока могу пользу принести их бизнесу. А в этом деле я буду работать только на себя.

– И на меня!

– Конечно, милая! – Федюкин, лёжа в кровати, потянулся. – Эх, идея до жути привлекательная, но тут надо всё как следует обмозговать, чтобы никто не подкопался. «Навар» может быть офигенный, но и риск большой!

Василиса задумалась. В чём-то её Коша прав. Однако из любого положения можно найти выход, особенно, когда ты при больших деньгах. Да, не хотелось бы делиться, но ничего тут не поделаешь. И предложила вполне разумный вариант:

– Не волнуйся, милый! Всё как надо сделаем. Если нужные люди будут в доле, никому и в голову не придёт нас заложить.

– Твоими бы устами...

– Ну так иди ко мне, любимый, – и жаркой грудью прижалась к лицу Федюкина, лишив его возможности и думать, и сомневаться, и что-то возражать...

Теперь, когда обо всём договорились, можно было начинать. Василиса составила список военного имущества, которое можно выставить на продажу, однако Федюкин усомнился, имеет ли он право закрыть такое количество военных ака-

демий, госпиталей и санаториев, не говоря уж о полигонах для испытаний техники. На это у Василисы нашёлся стопроцентный аргумент:

– Армия сокращается, и теперь такое количество офицеров не нужно никому. То же и с госпиталями – ведь нет никакой войны, откуда же у нас возьмутся раненые? Ну а с полигонами и вовсе просто: если взят курс на закупку зарубежной техники, так зачем её испытывать, если она изготовлена по мировым стандартам?

«Логика, конечно, бабья, – подумал Федюкин. – Ничем Василису не проймёшь! А что, может, и получится. По крайней мере, есть чем оправдаться в случае чего».

Вслед за этим Василиса проинструктировала особо доверенных лиц из числа тех, которые должны были участвовать в деле. Федюкин тоже времени даром не терял: обсудил с Пузаном, как лучше легализовать доходы, тот в этом поднаторел за последние несколько лет. Решили через подставные фирмы всё переводить на его счета – поди разберись, за что Федюкинскому зятю такие деньги платят. И завертелось!

Если бы не жадность, вполне возможно, что ничего бы не открылось. Да пусть жалуются, пусть кричат! Армия перевооружается, солдатиков обули, одели в новую форму – теперь никто и не посмеет ему возражать. Главное, что «наверху» довольны, а остальное по фигу!

Так вот о жадности. Когда от фирмы-покупателя получали «откат», деньги, как и договаривались, перечислялись

некой своей фирме, ну скажем, за оказанные консультационные услуги при покупке здания или земли. Но разве за всеми уследишь? Дама, которая имела дело с покупателями, решила наварить кое-что помимо того, что ей полагалось. Видит, клиент богатый, так отчего бы не подоить этого «козла». Раз сошло, в другой раз тоже получилось, а третий клиент не захотел, чтобы его доили. Пошёл в полицию, «откат» передавал под их контролем, и всё, привет родителям! Сливкину арестовали, поместили в гэбэшное СИЗО. Федюкин, как узнал, поклялся, что в последний раз имеет дело с бабами. Естественно, за исключением тех случаев, когда без них невозможно обойтись.

К тому времени полученный «навар» уже составлял десятки миллионов долларов в валюте. Федюкин этими деньгами не пользовался, много ли ему надо в его положении министра. Если понадобится оплатить счёт в парижском отеле или ещё что, бюджет министерства всегда к его услугам. Но странное дело, нашлись крохоборы, которые к этому и придрались. Что тут поделаешь, Федюкина подвела всё та же жадность.

Однако всех подельников в этом отношении превзошла обожаемая Василиса. Федюкин и не предполагал, что стоимость её безделушек тянет на четыре миллиона долларов. Зачем ей столько?! Конечно, и он ей какие-то украшения дарил, но не предполагал, что она всё складывает в мешки, которые держала, надо полагать, под своей кроватью. Нет уж,

куда надёжнее капитал где-нибудь в европейском банке. Но только после обыска в квартире Василисы он понял, что она даже его самого надула. Судя по всему, и тот «откат», на котором прокололась Сливкина, предназначался в основном для Василисы. Вот дура! Ведь такое дело загубила! После того, как он всё понял, позвонил ей и сказал, что ради её же безопасности в ближайшие месяцы им не следует встречаться. Она вроде бы всплакнула, но ему было уже всё равно. Такое предательство, это уж точно, не прощают!

Глава 8. Парадоксы власти

Да, все они хотят подлезть под власть, чтобы сосать, как из титьки молоко. Эта мысль была, в общем, не нова, она и раньше приходила ему в голову, но только теперь Владлен Владленович понял, каких масштабов достигло воровство. Собственно говоря, называть это можно по-разному – злоупотребление служебным положением, мошенничество или кумовство. Но всё сводилось к одному – набить потуже свой карман, а если это не удавалось, начисто терялся интерес к порученной работе.

Чего он только не предпринимал! И перетасовывал кадры, лишая особо жадных близости к бюджету, и привлекал людей из частного бизнеса на государственную службу. Всё было без толку! Умные, черти, изворотливые, при том, что невозможно за всеми уследить. Увы, лицемерие 80-х, помноженное на алчность 90-х, способствовало появлению такой породы, которую либеральными методами перевоспитать просто невозможно. Но даже если вырубить под корень, что тогда? Тогда останешься наедине с толпой тупоголовых ворчунов, готовых жить хоть впроголодь, лишь бы всем всё было поровну.

Давно уже стало понятно, что надо готовить новые, патриотически настроенные кадры. Какое-то движение в этом направлении намечалось, но что хорошего можно ожидать,

если и преподавательский состав в университетах, и научная общественность, и культурная прослойка – почти все были против него. Можно припомнить унижение, которое он испытал на Общем собрании Академии наук, когда прокатили Жоркиного брата, Мотю Барчука, не утвердив директором института, которым тот руководил лет двадцать. Тогда он снова не сдержался:

– Это что ж такое получается? Это как же? Выходит, что с вами договариваться ни о чём нельзя? Интеллектуальная элита, вашу мать, а ведь элементарных вещей не понимаете.

Дословно он уже не помнил, что тогда сказал, но как тут не вспылить, когда всего-то требовался от академиков сущий, можно сказать, завалыщенький пустяк – проголосовать за предложенного им кандидата. Нет, свободу выражения мнений он не собирался запрещать, однако и свобода должна иметь какие-то пределы. Вот ведь и деньги немалые для этих дармоедов от бюджета отрываем, а они что? Что себе позволяют? Нет, так мы друг друга не поймём. Иногда даже возникала мысль: разогнать бы их к чёртовой матери! Что толку от такой науки, если мы лет на двадцать отстаём от того, что есть на Западе? Однако Мотя снова за своё: отдай ты мне всю физику, тогда я тебе через пару лет передовые технологии поднесу на блюде с голубой каёмочкой. А как ему отдашь эту физику, если он до сих пор не академик? Наука – это же не министерство какое-нибудь, где всего-то и требуется посадить энергичного дельца, даже если он к этой

отрасли не имел прежде никакого отношения. Тут главное в другом! Было бы желание и опыт управления, а уж как эту самую отрасль поднять, он сообразит. Наука же – это чёрная дыра, и что там делается, понять нет ну просто никакой возможности! Вот пишут формулы, колдуют над пробирками, а что на самом деле происходит – как узнать? А если ничего в итоге не получится, так скажут: отрицательный результат – это тоже результат. Вот тебе и вся наука!

Но и Барчук хорош, тот, что Мотя. Директор, секретарь, декан, завкафедрой – и всё-то ему мало. А тут ещё какие-то исследовательские комплексы мега-класса, какие-то мега-проекты ему подавай. Так ведь где «мега», там и воровство гигантское... Да ладно, пусть потешится! Только бы денег слишком много не просил.

После того случая, когда академики обидели, он почти не глядя подписал проект реформы Академии наук. Случилось это через месяц, поэтому воспоминание было ещё достаточно свежо. Да и как можно всё это забыть? Он вовсе не из тех, кто способен подставить правую щеку, если ударили по левой. Правда, так было не всегда – Раечку-то в итоге он простил. Но это уж совсем особый случай. Недавно позвонила её мать:

– Да что она тебе такого сделала? Девчонка всего на всего политикой увлеклась. Ну что поделаешь, вся в покойного отца...

Если бы и в самом деле увлеклась, тогда бы по-другому

разговаривали. А тут ведь только примитивный пиар – достаточно глянуть в её твиттер. Но можно ли пиариться за счёт падения авторитета высшей власти?

– Всякому увлечению надо меру знать, а то, знаешь, до чего можно договориться?

– Так я и говорю, ещё совсем дитя.

Да уж, дитя! С её-то послужным списком давно пора бы выходить в тираж. На пенсии мемуары о собственных похождениях пописывать. Говорят, с кем только не вожжалась! А туда же, ей подавай теперь политику. Впрочем, не зря говорят: грязное это дело. Но уж точно не для баб!

В общем, пообещал, а то ведь мамаша беспокоится, что может пострадать бюджет – семейный бюджет, что немаловажно. Это понятно, на государство им плевать, лишь бы рука дающего не оскудевала.

Единственное, что в этих обстоятельствах утешает – экономика. Не так уж плохо, даже несмотря на кризис во всём мире. Слава богу, ещё не изобрели такого источника энергии, который заменил бы нефть и газ. Помнится, ещё в застойное время обещали – то через десять лет, то через двадцать... А воз и ныне там – нет управляемого термоядерного синтеза! И неизвестно, когда будет. Вот вам и наука...

Но есть ещё один приятный момент – наконец-то занялись всерьёз перевооружением нашей армии. Правда, основные идеи в основание этих достижений заложили ещё в доперестроечное время. Да это и неважно, был бы толк. Так ведь

известно, что наши программисты, почитай, из самых лучших в мире!

Всё бы ничего, однако некстати возник скандал в военном ведомстве. Вроде бы мелочь, кто-то там попался на получении «отката». Пусть так, но главная опасность видится в другом. Скверно то, что даже во властной вертикали не наблюдается единства! Вот захотели сместить этого Федюкина, придрались к каким-то мелочам и раздули дело. И ведь ткни пальцем в это дело – лопнет, словно мыльный пузырь, будто бы и не было. Однако так нельзя – терпение народа тоже имеет свой предел. То-то и оно, с одной стороны – простые люди, а с другой – раздираемая противоречиями властная элита. И никакой надежды на консенсус между ними. Пожалуй, только повышение жизненного уровня сможет как-то примирить. Но вот ведь даже в сытой Европе, чуть только кризис, сразу начинается...

«В сущности, и у нас всё с кризиса началось, ну разве что немного раньше, сразу после выборов. Где-то на местах переусердствовали лизоблюды, а отозвалось здесь, в Москве. И главное, лозунги у протестующих абсурдные! Ну где я им возьму свободные выборы, если такого нигде в мире нет? Любой человек, претендующий на власть, старается внедрить в головы людей одну единственную мысль – только он, родимый, способен им помочь, обеспечить процветание. Если выборы проходят в экономически развитой стране, на подготовку к ним тратят сотни миллионов долларов! А за-

чем? Достаточно каждому избирателю в почтовый ящик сунуть программу кандидата на выборную должность, да организовать на телевидении дебаты. И все дела! А тут – флажками машут, в воздух чепчики бросают, гимны распевают... Ну где увидели свободу? Только лапшу людям навешивают на уши!»

Как-то на пресс-конференции задают вопрос:

– А не кажется ли вам, что слишком жестоко поступили с пусси-райот?

Не кажется! А отвечать надо так, чтобы не придрались. Ну где же тут свобода слова, если нет возможности сказать всё то, что накопело? Нет, правда, словно бы свет клином сошёлся на этих самых девках. Выпороть бы их прилюдно, так ведь закон не разрешает.

И снова сказочки – про соблюдение прав меньшинств, про независимый суд и всё такое. Тут либо одно, либо другое. Либо игнорирование прав большинства, либо идти на поводу у этих геев. Либо власть будет давить на суд, либо «жирные коты» будут проплачивать оправдательные приговоры. Увы, другого пока что не дано. Недавно в одной книжке прочитал, что надо улучшать породу. Всё верно, но сколько же лет пройдёт, пока дождёшься результата? Ему-то уж явно не дожить.

Вот и приходится в то или иной мере мириться с тем, что есть. Что-то подкорректируешь, где-то подправишь, кого-то попугаешь, чтобы неповадно было впредь. А в сущности, всё

суета сует. Только ведь ничего другого не придумать.

Глава 9. Тюлькин и Пузан

В недавние времена, то есть в лихие 90-е, чтобы развлечься, вместе с подружками отправлялись в баню. Позже устраивали пикники у себя на даче в Баковке. Теперь же предпочитают и бражничать, и обсуждать курсы акций где-нибудь в отдалении от прежних мест обитания. Антиб или Монте Карло – это подойдёт. Ну в крайнем случае, можно пообщаться и в «родовом поместье» на Рублёвке.

На этот раз собеседникам было не до развлечений. Как принято говорить, потехе – час, а делу – оставшееся время. А всё потому, что на веранде огромного особняка в псевдоготическом стиле – такие строят в основном в Швейцарии – расположились двое солидного вида мужиков. Один, толстомордый коротышка, и другой, чем-то похожий на Дубкова, но моложе. Впрочем, Дубков тут явно ни при чём, поскольку ни с Евлампием Никаноровичем Тюлькиным, ни с Хриstoffором Григорьевичем Пузаном он никогда не знался, ему это было просто ни к чему.

Разговор развивался по привычной колее. Стоило им сесть за стол, естественно при наличии закуски, так сразу же возникало желание обсудить кое-что из актуальных проблем российской экономики.

– Все берут, – утверждал Пузан без тени сомнения в произносимом тексте. – Только одни на первом же червонце по-

падают, а другим всё сходит с рук. А почему? Да потому что свой своего ни при каких обстоятельствах не сдаст. Ты заруби себе это на носу.

Евламий Никанорович не возражал:

– Это как вредное производство. Только там за вредные условия труда выдают молоко, а здесь позволяют подворовывать. Само собой, в пределах допустимого. Ну а если уж зарвался...

– Вот-вот! Надо действовать с оглядкой. Если находишься при должности, веди себя скромно. А выйдешь на покой, тогда и можно оторваться!

– Это же сколько ждать? – огорчился Тюлькин. – Нет, извини, я так не могу. Жить надо сейчас, надо радоваться жизни, а то и не заметишь, как состаришься.

– Тоже верно. Но такие торжества нужно устраивать в неприметном месте, чтобы не бросалось слишком уж в глаза. Я вот день рождения отмечал на Кипре.

– Да нет, Христофор! Так тоже нельзя. Кругом жизнь бьёт ключом, а с чего это я должен зажиматься? Да и не могу всю эту ораву родственников, знакомых, свояков вывести на Кипр или в Монте Карло. Очень уж накладно будет.

– Ну смотри... – Пузан прищурил глаз, как бы оценивая ближайшие перспективы Тюлькина. – В одном ты, безусловно, прав – надо пользоваться жизнью, причём на всю катушку.

Собеседники выпили ещё по рюмке, закусили, чем бог по-

слал, и продолжили интересный разговор.

– Я вот что тебе скажу, – глубокомысленно заметил Тюлькин. – В России сложилась уникальная ситуация. Власть держится на плаву, пока берут.

– Пока дают, – уточнил Христофор Григорьевич, запихивая в рот очередную порцию лангустов.

– И это верно! Во власть идут, чтобы так или иначе заработать, – согласился Евлампий Никанорович, потирая руки.

– И что самое важное, не надо размениваться по мелочам. Скажем, в какой-нибудь жилконторе тоже можно пожить, но стоит ли из-за копеек рисковать?

– А я, между прочим, с этого и начинал, на «белую головку» зарабатывал слесарем-сантехником, – потупив взгляд, признался Тюлькин.

– Не может быть! – обрадовался Христофор. – Тогда мы с тобой как братья-близнецы, я ведь тоже не всегда торговал «фольксвагенами» и недвижимостью. Правда, к унитадам никогда отношения не имел, но мы с тобой вроде как участвовали в одном процессе...

– Это ты о чём? – насторожился Тюлькин.

– А вот! К примеру, я свеклу или морковь выращивал и собирал, чтобы некий гражданин съел борщ, нахваливая продукцию нашего совхозного хозяйства. А ты, после того, как у него закончится пищеварительный процесс, способствовал облегчению желудка.

– Я сроду слабительным не торговал!

– Эх ты! Одно слово – унитаз! Ну ладно, ты не обращай внимания, закусывай.

Дело могло дойти и до обидных выражений, и до потасовки, однако было уже столько выпито, что мир представлялся собеседникам куда более привлекательным, чем на самом деле. Короче, Евлампий на этот раз собутыльника простил, да и не стоило ссориться с родственником человека, от которого всё его нынешнее благополучие зависит.

Тут следует заметить, что дело происходило незадолго до празднования юбилея Тюлькина. Намеревался он провести эту акцию с размахом, исходя из принципа – один только раз живём, тем более что полсотни стукнуло. Правда стукнуть-то должно было только через две недели. К этому времени уже была арестована Сливкина, уже изъяли килограммы драгоценностей у Василисы, но даже теперь ни Тюлькин, ни тем более Пузан не могли предположить, что кто-то поднимет руку на всесильного Федюкина. Пока он находится у власти, и они за каменной стеной. Вот потому-то и резвились до упаду. Впрочем, Пузану нечего было опасаться – на государственной службе он не состоял, так что и предъявить по большому счёту нечего, разве что гайку какую своровал, когда ещё работал в совхозе трактористом.

А вот Тюлькин зря так раздухарился. Это ж надо – собрался справить юбилей в зале Екатерининского дворца! Конечно, деньги через его контору прокачивались офигенные, поскольку Аркаша стопроцентно Тюлькину доверял – сработа-

лись, ещё когда Федюкин был в налоговой. Но будь Евлампий чуточку умнее, не стал бы так явно подставляться.

Все эти соображения отошли на задний план, поскольку Тюлькин предложил поехать к девкам. К этому времени он уже лыка не вязал, но разве можно отказать будущему юбиляру. «Слабак! – подумал Христофор. – Но главное, чтобы на следствии держался, – и тут же прикусил губу: – Чур меня, чур! Только б не накаркать».

А спустя всего какой-нибудь час Христофор и Евлампий сидели на ступенях бассейна, по грудь погрузившись в тёплую воду, и, поочередно наливая себе из огорчительно быстро пустевшего штофа либо по очереди прикладываясь к бутылке белого игристого, причём опорожняая её прямо «из горла», рассуждали о превратностях быстротекущей жизни.

– Вообще-то, водки я не пью, – еле ворочая языком, признавался Христофор. – Мне бы сухонького!

– А как насчёт портвешка, к примеру, «Три семёрки»?

От этих слов, произнесённых неосмотрительно, то есть явно некстати, Пузану стало нехорошо и всё дальнейшее происходило перед его глазами как бы с купюрами, поскольку состояние души и желудка предполагало периодическое отползание куда-то в слякотный и неуютный сумрак, после чего наступало временное облегчение и появлялась надежда на более или менее приемлемый исход.

Напротив, Евлампий к этому времени словно бы второе дыхание обрёл. Всё ему было нипочём, появилась долго-

жданная ясность ума, и мысли возникали сплошь оригинальные:

– Тебе бы, Христофор, надо выдвинуть свою кандидатуру на ближайших выборах, – убеждал Евлампий, время от времени проглатывая отдельные слова, поскольку изрядная доля «сухонького» поверх «водяры» и вызванная этим икота сделали-таки своё паскудное дело. – Изберись хоть бы куда! Главное, это стать лидером. А потому что всё у тебя для этого есть, жаль только, ума немного не хватает. Но это ничего, это дело поправимое. Когда есть деньги, даже дебила признают мудрецом.

Поскольку у Христофора возражений не нашлось, тем более, что он как раз в этот момент оказался в непродолжительной «отключке», Евлампий, слегка разочарованный отсутствием достойного оппонента, продолжил спор с самим собой.

– Нет, ты скажи, ну, разве можно возродить такую страну? А ведь тут, в какой городишко ни прилетишь, все, начиная с дряхлых стариков и кончая годовалыми младенцами, все сплошь только и смотрят, где бы и как бы чего у кого-нибудь стянуть. Я уж не говорю про всяких там свыше назначенных чинов, погрязших в коррупции и поголовном развороте – сколько их ни клейми, ни обличай, ни смешивай с говном, а они снова и снова выныривают, выплывают. Ну, вот, посмотри ты хоть на этого, – Евлампий указал на голову, как-то слишком уж легко и безвольно, на манер поплавка,

качавшуюся на водной глади. – Э, да уж не покойник ли? Я покойников страсть как не люблю.

По счастью, голова повернулась к нему лицом и ослабилась такой знакомой улыбкой Аркадия Федюкина. Впрочем, взглянув на поверженное тело Христофора, Федюкин перестал улыбаться и, скорчив недовольную рожу, спросил:

– Где это он успел надраться?

– Да мы только по чуть-чуть...

Так и не поверив заверениям Евлампия, Аркадий Евграфович вылез из воды и попытался привести в чувство зятя, но всё оказалось без толку.

– Послал бог родственничка! Тут такие дела творятся, а ему лишь бы налакаться вдрызг.

– Так ведь мы стресс потихонечку снимаем ...

– Я вам сниму! Чтобы завтра были у меня, как стёклышки. Кое-что надо будет обсудить. Того и гляди, ещё кого-нибудь из вас закроют.

– А я слышал, что ты уже сидишь, – пробормотал Евлампий.

– Типун тебе на язык! – выпучил глаза Федюкин.

– Я так, я ничего. Теперь вижу, брешут злые языки.

– Ты, Лапа, свой попридержи, а то спьяну наболтаешь лишнего.

– Да не бойсь! Я сам себе не враг. Вот только справлю юбилей и больше ни единой капли...

– Эх, нашёл тоже время праздновать!

С этими словами Федюкин плюхнулся в воду. Обрызганный с головы до ног, Христофор очнулся и пробормотал:

– Где-то что-то тонет?

– Да, брат! Твой-то выплывет, а мне уж точно лежать на самом дне. Так что напоследок... – Евлампий Никанорович ещё раз приложился к бутылке, а потом вдруг заорал: – Эй, Христофор! А не пора ли нам уже по бабам?

– Не, Лапа! Я сегодня пас. Меня бы только до кровати донести, и с утра баночку рассолу...

Глава 10. Девушка по должности

Пару лет назад её наградили грамотой, там так было написано: «За вклад в русскую литературу и продолжение просветительских традиций». Если б знала, чего ей это будет стоить... Дело даже не в том, что престарелый мэтр еле держался на ногах. Ну попросили, надо уважить человека, а то ведь может оказаться, что в последний раз. После того, как стала появляться на телеэкранах, получила немало предложений – в общем-то, было из кого ей выбирать. Но тут ведь так пристали! Говорят, ему только эту подавай, а иначе такой кипеж мог устроить... Короче, согласилась. Теперь вот только грамота о том свидании напоминает. Да чтобы с извращенцем ещё хотя бы раз!..

Разные бывают девушки. Блондинки и брюнетки, скромные и шаловливые, глупенькие и не очень. Была когда-то «девушка с веслом», потом «девушка с книгой» появилась. Если первую отлили в гипсе немалым тиражом, то вот другую можно было наблюдать в реальности, где-нибудь на пляже или в тени дубрав, озабоченную похождениями какого-нибудь биржевого брокера или обаятельного принца. Но самой распространённой до сих пор считается «девушка с собачкой». Стоит прогуляться по аллеям ближайшего сквера или парка, так чуть ли не на каждом углу можно обнаружить их следы. Да, чуть не забыл про «девушку по вызову»,

но это так, как бы между прочим.

Нинон Чмокина не соответствовала ни одному из перечисленных определений. Спортом она занималась только в фитнес-клубе, животных обожала, но лишь на картинках, а книг не читала, поскольку писала их сама. Её можно было бы назвать «девушкой по должности». А всё потому что, если сегодня встретите Нинон поблизости от какого-нибудь кабинета, скажем, в солидном здании на Арбатской площади, то через месяц окажется, что её и след простыл. И будете блуждать по закоулкам правительственных учреждений, и только если очень повезёт, найдёте её на пятом этаже сталинской высотки – той, что поблизости от Красных ворот. Но повторяю – это если повезёт. К тому же, кто знает, может быть это всего лишь непроверенные слухи.

С неё-то всё и началось. Точнее, началось с Федюкина. Именно о таком мужике Нинон всегда мечтала. Искала его и была уверена, что когда-нибудь найдёт. Мордатый, мо-сластый... От такого, если и захочешь, не сбежишь. Только вот Федюкин увёртывался от назойливой помощницы пресс-секретаря, как только мог. Чего только она не предпринимала! В итоге, исчерпав легальные возможности, решила действовать нестандартным способом. Ну погоди, скоро на коленях приползёшь! И сочинила донос в Счётную палату. Чем был обусловлен этот выбор, она не смогла бы толком объяснить. Ну разве что близким знакомством с одним из тамошних функционеров-аудиторов.

Сама Нинон ни в жизнь не догадалась бы, какие чёрные дела творятся в их военном ведомстве. Но тут один, тоже с генеральскими лампасами, оказавшись в приватной обстановке, в мягкой постели под цветастым балдахинном, оказал услугу, просветил. Нинон была обижена до глубины души. То ли обижена, то ли возмущена, да это и не важно. Как же так случилось, что упустила мужика с такими перспективами? Да у него, судя по рассказам генерала, денег куры не клюют, а тут перебивайся с хлеба на воду. Короче, написала – нечего его жалеть!

Наверняка при иных, не столь вопиющих обстоятельствах, её донос засунули бы под сукно. Да мало ли что пишут! Но тут, что называется, попало в жилу. Тамошние ревизоры, в недавнем прошлом тоже при погонах, не жаловали нового военного министра. Это мягко говоря! Так что закрутилось, начались проверки. В принципе, опасений у Федюкина не должно было возникнуть, поскольку кого только они не проверяли. Причём исключительно по плану, а план, как известно, надо исполнять. После того, как выявили массу нарушений, их отчёт пошёл наверх. Тогда был тот ещё, прежний президент. Он удивился, должно быть, не очень-то поверил, но всё же дал поручение военным прокурорам. По-немногу, не шибко не валко, дело всё-таки пошло, стали анализировать поступившие материалы. Минуло несколько месяцев, и всё опять застопорилось. Явных доказательств преступлений нет, а тут ещё эта «дедовщина», совсем замордо-

вали прокуроров – не знали, где спрятаться от солдатских матерей.

Если бы не нашлись заинтересованные лица, так бы и оставалась Нинон наедине со своей обидой, а все её по-туги отомстить разбились бы вдребезги о стену непонимания со стороны равнодушных ко всему чиновников. По счастью, этим делом занималась и военная контрразведка, а там недоброжелателей у Федюкина хватало. Переговоры людей из его окружения тщательно анализировали, а когда материалов набралось достаточно, передали их в Следственный комитет.

Первой реакцией главы СКР было удивление. Как это так? Тут такое дело, а мы узнаём только сейчас. Да, что-то неладно в нашем государстве. Всё, сколько-нибудь стоящее – мимо нас!

Возбудили несколько уголовных дел, затребовали все материалы из Счётной палаты, начали раскапывать всю подноготную фигурантов, поставили их финансовые операции под контроль. Само собой, не обошлось и без «прослушки». Так и удалось выйти на предпринимателя, который был уж очень возмущён условиями навязанной ему сделки по продаже военного имущества. Он-то и сдал кое-кого. А остальное было делом техники.

И вот как раз в тот день, когда десятки следователей и оперативников, что называется, уже встали под ружьё, приготовившись к началу операции, было зафиксировано несколько

любопытных телефонных разговоров.

Ранним утром в квартире гендиректора некоего ООО Людмилы Сливкиной раздался телефонный звонок. Звонил Евлампий Тюлькин, тоже гендиректор, но только ОАО, что, впрочем, не существенно.

– Люсь, ты извини, что беспокою. Скажи, пожалуйста, ты ничего не слышала по поводу Федюкина?

– А что такое?

– Кажется, его арестовали.

– Да что ты говоришь?! Нет. Ничего не слышала...

– Я вчера с ним попытался связаться в конце дня. Мобильный не отвечает. В министерстве мне сказали, что он приболел и уехал домой с температурой. Дома ответили, что задерживается на работе. Вот всё, что знаю...

– Так с чего же ты решил, что арестовали?

– Ну как же? Если невозможно с ним связаться... Я ему всю ночь названивал и сейчас пробовал, с самого утра.

– И что?

– Всё то же самое. Люсь, но как это? Такого быть не может! Тебе не кажется странным, что спецкоммутатор не в состоянии найти министра?

– Даже и не знаю...

– Послушай, а может, он дёру дал? Мы тут за него будем отдуваться, а он загорает где-нибудь на пляже в Эмиратах и на нас плюёт.

– Нет, он не такой. Нет, не могу поверить...

– Может быть, стоит позвонить Василию Степанычу?

– Это невозможно.

– Почему?

– Он нас пошлёт куда подальше. Ему там уже наговорили про Федюкина. Ты понимаешь, специально подготовили!

– Ты про Василису?

– Ну да!

– Так может, Федюкин у неё?

– А ты ей не звонил?

– Нет. Она на ночь телефоны отключает.

– Вот жопа-то!

– Попробуй всё-таки Дубкову...

– Лапуль, я же тебе говорю – его подготовили. А Пузану не звонил?

– Звонил...

– И что он тебе сказал?

– А что Пузан? Говорит, что вроде бы не при делах.

– Пузан, он вообще такой. Он всех продаст, даже не задумается.

В трубке молчание. Затем снова мужской голос.

– Господи! Они же меня грохнут!

– Ты что?!

– Да-да, грохнут. И все концы в воду...

– Лапуль, я тебя прошу. У нас единственный выход – придерживаться той линии, ну о чём мы тогда ещё договорились. Ты понял меня?

– Да понял я... Только всё равно ведь грохнут...

А через несколько минут зазвонил телефон в квартире главы ещё одного ОАО, Антонины Горкиной.

– Тонь, ты извини за ранний звонок. Тут у меня такая информация появилась... Вроде бы Аркашу арестовали.

– Да ты что!

– Похоже, дело принимает скверный оборот.

– А не провоцируют ли нас?

– Провоцировать могут только с Лубянки, больше никому. А им какое дело?

– А если это Дубков?

– Вряд ли. Он тогда и сам от жопы до макушки замарается.

Нет, не думаю...

– И что же, мы теперь должны ждать, пока всех, что ли, арестуют?

– Тонь, ты не расстраивайся. Пока ситуация очень непонятная.

– А ты уверен, что всё это правда?

– Я попытаюсь уточнить... А ты на всякий случай посмотри там, чтобы в случае чего... Ну, в общем, ты сама всё знаешь.

– Ой, Лапа, только не накаркай!.. Подожди, мне в дверь звонят. Я потом с тобой свяжусь.

– Чёрт, у меня тоже в дверь трезвонят. Ну, значит, началось...

Глава 11. Сон в руку

Следователь по особо важным делам Егор Трофимович Викулов к сорока годам уже перестал чему бы то ни было удивляться. Всякие дела пришлось расследовать – и кражи со взломом, и изошрённые мошенничества, взять хотя бы те самые «авизо». Но тут у него просто глаза вылезли на лоб. Это надо же, при всём честном народе, в двух шагах от Кремля творилось что-то совсем невообразимое. Да он такое и представить себе не мог, хотя прежде не жаловался на свою фантазию. Собственно, не в фантазии здесь было дело, однако наглость, с которой провёртывались все эти аферы, выходила за пределы, доступные его воображению. Так раздербанить государственный бюджет, не вызвав ни у кого в Кремле ни малейших подозрений – на это требовались какие-то нездешние мозги. словно бы на Пречистенском бульваре приземлился инопланетный звездолёт, из него вывалилась компания яйцеголовых интеллектуалов и начала прибирать к рукам всё, что представляло для неё какой-то интерес. Финансовые учреждения и торгово-посреднические конторы, банки, шикарные бутики, недавно отреставрированные дома со всем их содержимым, да что дома – даже землю, на которой те дома стояли, загружали в звездолёт. Целые кварталы на глазах у почтенной публики исчезали. Но самое странное – никто этого до поры до времени не замечал! Как

такое может быть?

Если бы не нашёлся клиент, который просто офигел от суммы требуемого «отката», так бы и оставались все в неведении. Дальнейшее было делом техники – была задержана некая дама, гендиректор ООО. С неё-то всё и началось, а вслед затем словно бы с горы понёсся снежный ком, который временами грозил похоронить под собой и группу следователей, да и весь Следственный комитет в придачу, если бы информация стала известна раньше времени в Кремле.

Иногда казалось, что нет уже такой мошеннической схемы, которая не была бы реализована в этом деле. Скажем, сдача в аренду помещений по заниженной цене с тем, чтобы некая сумма оседала в карманах заинтересованных людей – это самое простое, доступное даже председателю жилищного кооператива. Но вот проходит месяц-другой, и выясняются обстоятельства... Ну просто уму непостижимо! Сначала огромные бюджетные средства вкладываются в освоение территории или в обустройство помещений, а затем всё это по дешёвке продаётся, причём покупатель на все условия согласен, лишь бы получить лакомый кусок. И какой «адыёт» решится теперь утверждать, что тут обошлось без солидного «отката»?

Но вот проблема – как всё это доказать? Потому и возник этот образ с инопланетянами – нашим-то прежде и в голову не могло прийти, чтобы всё так замаскировать. Хотя, с другой стороны, углядеть за всем просто невозможно, ресурсов

явно недостаточно, поэтому только крохотный процент преступлений раскрывается. Да и то при условии, если кто-то, незаслуженно обойдённый при распределении несправедливых доходов, сдаст жуликов со всеми потрохами. На сей раз, видимо, многие были обижены – то ли тем, что им так ничего и не досталось, то ли и взаправду радели за Отечество. В общем, на каком-то этапе даже военная контрразведка подключилась. Ей ведь сам бог велел быть в курсе, а преждевременный интерес к этому делу Следственного комитета мог вызвать ненужную озабоченность в «верхах».

Финал первого акта был достоин пера Михаила Афанасьевича. Когда открыли дверь квартиры на Пречистенке, перед группой следователей, экспертов, спецназовцев и двух понятых из жилконторы предстала Василиса, собственной персоной – ещё не успевшая сделать макияж, в полупрозрачном пеньюаре, через который просвечивали все её уже изрядно потасканные прелести. А за спиной Василисы маячил заспанный, видимо, ещё не успевший опохмелиться сам Федюкин – голый, если не считать цветастых трусов, которые еле держались где-то в нижней части объёмистого живота.

Когда зашли в квартиру, предъявив постановление на обыск, у одного из понятых нектати вырвалось:

– Однако хорошо устроилась!

– И ничего особенного, – спокойно ответила ему Василиса, словно бы это какой-то случайный гражданин забрёл к ней в дом, а вовсе не оперуполномоченные во главе со сле-

дователем.

– Я тут посчитал, всего двенадцать комнат, – возразил эксперт.

– Ну вы и нахал! Это что же, прикажете мне завтракать в спальне? – обиделась почему-то Василиса. – В кладовке книги предлагаете читать, в кабинете одеваться, в комнате прислуги с бумагами работать, а в ванной обсуждать деловые вопросы с подчинёнными? Так что ли?

– Ну, вам виднее, что и как...

– А где мне заниматься фитнесом? – не унималась Василиса.

«Пожалуй, фитнес уже не поможет, – прикинул, глядя на её расплывшуюся фигуру, Викулов. – Вот разве что на тюремной баланде посидеть лет пять». А вслух сказал:

– Ну ладно, граждане, после обсудите достоинства квартиры, а нам пора бы начинать.

– Да ради бога, – ничуть не удивившись настойчивости необычных визитеров, согласилась Василиса. – Всё, что найдёте, всё моё. Чужих вещей не держим.

– Вы бы оделись, гражданочка, – опять не сдержался один из понятых.

– Одеваться? Мне? Это в семь утра? – округлила глаза Василиса. – Да за кого вы меня принимаете? – Затем неторопливо прошла в гостиную, уселась в кресло и, демонстративно закинув ногу за ногу, воззрилась на вошедших вслед за ней, словно бы это были не представители российской вла-

сти, а так, не достойная её уважения шелупонь, явившаяся в эти хоромы как бы на экскурсию.

Конечно, это был не Эрмитаж, но после предварительного осмотра, когда ещё не дошло до простукивания стен и вскрытия паркета, на столе в гостиной образовалась вполне приличная коллекция изделий с драгоценными камнями, оправленными в золото, серебро и платину. Тут были рубины и сапфиры, бриллианты и крупные жемчужины. Количество ювелирных украшений наверняка превышало тысячу: колье, браслеты, кольца, серьги, наручные часы и броши. Такому богатству мог бы позавидовать сам Али-баба, и всё это ещё предстояло оформить, как положено, пересчитать и описать. Не говоря уже о картинах старинных мастеров, висевших на стенах в гостиной, в кабинете и в библиотеке – даже на кухне обнаружилась картина, согласно предварительной оценке, принадлежавшая кому-то из фламандских мастеров. Что-то вроде ржавой селёдки в обрамлении огурцов и помидор. Увы, в живописи Викулов совсем не разбирался, однако вполне доверял своим коллегам, и если было сказано, что все эти полотна немалых денег стоят, он принимал мнение эксперта как данность и только дал указание занести всё в протокол.

Наверное, кто-то мог бы и позавидовать этому богатству, однако Егор Трофимович за годы службы уже привык ничему не удивляться. Только вздохнул, поскольку вся эта канитель с составлением описи и протокола наверняка затянется

не на один день. Эксперт уже изъясил пару ноутбуков, теперь предстояло отыскать прочие носители информации. Однако обнаружить крохотную «флешку» размером меньше зажигалки – эта работа могла бы сравниться с мучительными поисками иголки в стоге сена, если бы не помощь представителей военной контрразведки, которые снабдили аппаратурой, облегчившей поиски. И всё же чувствовал Викулов, что никаких доказательств здесь нет и не может быть. Просто потому, что в нынешние времена преступные замыслы не доверяют ни компьютерам, ни тем более бумаге, и даже полученные с этих дел незаконные доходы давно уже лежат в швейцарском банке на подставное лицо – близкого друга или обожаемого родственника. Но сколько ни ройся в документах фирм, через которые переводили деньги за границу, всё без толку. Да потому что причастность основных фигурантов не докажешь – до тех пор, пока кто-нибудь не сдаст. Вот только после этого и начинается маховик, причём чем дольше и быстрее крутится, тем больше важных лиц, прежде для следствия недоступных, оказываются под арестом.

Одно Викулова огорчало: приказано было Федюкина не трогать, пока не появится достоверный, стопроцентный компромат. Да и по поводу ареста Василисы придётся ещё повоевать. Викулов это почувствовал вчера, когда убеждал начальство подписать постановление на обыск.

– Егор, ты представляешь, в какую авантюру пытаешься меня втравить? Ведь если ничего толком не найдёшь, как

мне оправдаться перед ним? – он мотнул головой в сторону висевшего за его спиной портрета. – Это тебе не погоны срывать с подмосковных прокуроров. Тут, понимаешь ли, придворная знать, а с ней надо обращаться очень осторожно.

– Так мы же никого из них пока не трогаем, – смущённо, но с явным сожалением в голосе возразил Викулов.

– Вот если только вырвать сорняки вокруг них, разгрести коррупционные завалы, так сказать, тогда бы я не возражал. Но ты ведь на том не остановишься. Будто я тебя не знаю, – с надеждой посмотрел на следователя его начальник.

– Обещаю, товарищ генерал. Ни шагу в сторону без вашего приказа.

– И с этой Василисой будь поосторожней. Она ещё та штучка, я про неё слыхал. Умная баба, поумнее своего Аркаши.

– Я учту.

– И никаких резких действий, если не найдёшь серьёзных доказательств, – генерал словно бы уже не отдавал приказ, а умолял своего подчинённого не напортачить, не подвести начальника под монастырь.

– Явных доказательств преступных деяний на этом этапе может и не быть, однако уверен, что кое-что найдётся. Так что и общественность будет довольна, да и её защитники не смогут возразить.

– Ну ладно, ты уж постарайся!

Найти-то он нашёл – будет, что показать по телевидению.

Но всё это пока не то. Впрочем, теперь появляется надежда хорошенечко прижать эту Василису, теперь она вынуждена будет оправдываться, теперь вряд ли кто-то захочет взять на себя ответственность и приказать всё дело сдать в архив. Однако самое главное, и этому он был несказанно рад – удалось застать Федюкина чуть ли не в её постели. Тут уж подсуетилась контрразведка – своей «наружке» Викулов не очень доверял. И даже когда по секрету сообщили, что вот сегодня Федюкин ночует у неё, даже тогда не верил, что получится. Уж повезло, так повезло! Теперь главный фигурант замазан, но и это далеко не всё. Тут вот что интересно – как будет реагировать на это дело тесть? Когда при живой жене зять позволяет себе гулять на стороне – это одно. Само собой, обидно, надо бы такого проучить, но это всё же мелочёвка, это шалости. А вот если он ставит под удар репутацию заслуженного «кадра», близкого к Первому лицу, тут либо следует жестоко наказать, либо всеми доступными средствами вывести «шалуна» из-под удара. Викулову предстояло определить, какой из этих вариантов выберет Дубков, и разработать наиболее подходящую тактику расследования. И хотя надежды на справедливый исход в подобных делах в любые времена было немного, он всё ещё надеялся: а вдруг?

Да, Василиса – это главное звено. Тюлькины, Сливкины, Загибайло и Пузаны работали только на подхвате, однако от их показаний многое зависит. Если они эту «красавицу» сдадут, тогда и до Федюкина можно дотянуться. Если же нет, всё

ограничиться посадкой второстепенных персонажей, и крупное дело станет мыльным пузырьём. А уж защитники у Федюкина найдутся.

Викулов не ошибся. Уже на следующий день выяснилось, что он «козёл», что вознамерился посадить «эффективного министра». Правда, до обвинений в подрыве обороноспособности страны пока что не дошло, тем более что кое-кому из генералов своими действиями он доставил большое удовольствие. Викулов и сам бы по этому случаю выпил пару рюмок коньяка, однако радоваться было рановато – самое трудное предстояло впереди, только бы не ошибиться, не дать «защитникам» повод отстранить его от следствия.

Да, надо было дело делать, не отвлекаясь на пустяки и не пытаясь угодить начальству. Тюлькина арестовали через месяц, выбрав подходящий момент. Фигурант как раз готовился отпраздновать свой юбилей, для чего арендовал зал на триста мест и даже пригласил на торжество какую-то заокеанскую диву, не считая десятка звездочек поменьше, из числа тех, что ежедневно на телеэкранах пляшут и поют. Обыск удался: Тюлькин, напуганный горьким опытом конца 90-х, предпочитал хранить валюту, что называется, в чулке. Одним «чулком» тут не обошлось, поскольку сумма зашкалила за тридцать миллионов баксов. Такой «предусмотрительности» Викулов прежде не встречал, но ведь и дело это было не совсем обычное. Впрочем, на порядок больше средств и собственности, включая принадлежавшую ему де-факто сеть

крупных магазинов, обнаружили у родственников Тюлькина. Схема эта не новая, однако не вполне надёжная, как нетрудно убедиться.

Теперь предстояло уломать Сливкину. Улик против неё было предостаточно, да и она сама своё участие в махинациях после серии допросов перестала отрицать. Поначалу вертелась так и сяк, старалась убедить, что выставленную на продажу недвижимость, числившуюся на балансе министерства, оценивала исключительно исходя из состояния рынка. Однако против фактов не попрёшь – разница между реальной стоимостью и той, которую она там насчитала, была слишком велика. В итоге Сливкина сдалась, пошла на сделку, правда, свою корысть в этом деле отрицала. И всё же вынуждена была признать, что занижала цены по требованию Василисы.

Если бы удалось прижать Пузана, можно не сомневаться, что и Василиса бы со временем сдалась. Проблема состояла в том, что Пузан никаким боком не был причастен к разбазариванию госсобственности. Он был всего лишь кошельком, в который Федюкин аккуратно складывал нелегальные доходы. А впрочем, нет – кошельком был Тюлькин, ну а Пузана можно образно представить как сейф для хранения финансов и недвижимости. Викулов не сомневался, что это так, однако свою уверенность к делу не подошьёшь, а для того, чтобы разобраться в перемещениях денежных средств через фирмы-однодневки и офшоры, требовалось очень мно-

го времени. Но даже если бы сумели проследить путь от покупателя собственности, ранее принадлежавшей армии, до кипрского холдинга самого Пузана, это не значило ровно ничего. Да мало ли за какие заслуги он стал миллионером! Десяток дорогих квартир в разных городах страны, несколько земельных участков на Черноморском побережье и даже коллекция автомобилей – это ещё не причина, чтобы в чём-то его подозревать. Так что заставить Пузана сдать с потрохами брата своей обожаемой супруги, увы, нет никакой возможности.

Был и ещё один вариант добраться до Федюкина, но довольно эфемерный. Викулов не мог поверить, что такой опытный, крайне осторожный человек мог складывать все деньги исключительно в одну кубышку. Конечно, сестра бы его не предала. А вот Пузан вполне мог дёру дать – если не из России, так хотя бы от жены. И тогда ключик от этого сейфа можно было бы считать потерянным. Поэтому наверняка Федюкин имел запасной канал накопления денежных средств, однако найти его никак не удавалось. Ну а драгоценности, найденные у Василисы – это просто мелочь при таких масштабах воровства.

Глава 12. Шансы

На первом допросе Василиса, в основном, молчала. Зато из кожи вон лез её адвокат:

– Ну что вы пристали к больному человеку? Ведь у неё же болячка на болячке! А вы её хотите под арест.

Меньше надо было мотаться по ночным клубам, тогда бы удалось и здоровье сохранить. Может быть, и желания красть у государства поубавилось бы. Да уж, чего только не придёт в хмельную голову!

Если честно, то Викулову жаль было Василису. Ещё недавно довольно привлекательная женщина, она постепенно превращалась в некое подобие одесской бандерши, в прошлом «жрицы любви», теперь раньше времени вышедшей в тираж. Даже Федюкин, случись ему встретить её только сейчас, наверняка прошёл бы мимо. Да мало ли таких! Да все московские конторы, от Департамента жилья до райсобеса заполнены до упора такими вот столоначальницами, блюстителями закона и распорядителями с солидным стажем. А ведь этой нет ещё и тридцати пяти. Он попытался представить её в тюремной робе, но эта форма с внешностью Василисы как-то не вязалась. И чего ей было надо? Отец вроде бы богатый человек, неужто от него в наследство получила такую неутолимую жажду брать и брать? Да все эти драгоценности ей носить, не переносить! Только теперь уж вряд

ли, отгулялась.

На все вопросы о степени участия в этих делах Федюкина следовал один ответ:

– Он здесь ни при чём. Решения, связанные с продажей военного имущества и недвижимости, принимала я сама. Причём делала всё по закону.

Вот ведь как! Государству убыток на миллиарды, а виновных в этом нет. А потому что рынок! Ну что поделаешь, если за реальную цену никто не желает покупать? Ох, и славно вы, граждане, устроились! Завтра Кремль по дешёвке продадут, якобы избавляясь от непрофильных активов – так вот любопытно было бы узнать, какой в этом случае полагается «откат», или как там у них это называется.

И до чего ловко у неё всё сходится. Вроде бы это папа квартиру ей купил, драгоценности – от мамы, антиквариат – от любимой бабушки. Да при такой родне непонятно, зачем ей устраиваться на работу, если и без того жить можно припеваючи? Зачем тогда закончила юрфак? Кстати, странно, что до сих пор не подыскала мужа. А вдруг, и вправду безнадежно больна? Ну разве только kleптоманией.

В общем, толку от таких допросов – ноль без палочки. Всё заранее знаешь, но по закону обязан и вопросы задавать, и ответы тщательно записывать. Эх, если бы в камеру её хотя бы на полгода... Так ведь суд не разрешил. Первый раз столкнулся Викулов с тем, чтобы подозреваемая, находясь под арестом, гуляла по улицам, посещала магазины, фит-

несс-клуб, косметический салон. Не удивительно, если разрешат принимать время от времени морские ванны в Красном море. Воистину, дурдом! Что уж тут говорить, если Василиса требует, чтоб ей позволили жить вместе с Федюкиным.

Как-то на досуге почитал её лирические откровения. Надо же знать, что человек чувствует, чем он живёт. А вдруг в стихах признаётся в том, что на допросе отрицает? Увы, кроме любовной тоски ничего не обнаружил. Да и тоска эта выражалась слишком уж загадочно, витиевато, если не сказать безграмотно. Викулов не разделял увлечение некоторых людей стихосложением, считая это не более, чем примитивным графоманством, но тут и вовсе было что-то запредельное. Если всерьёз всё это воспринимать, то следовало возбудить дело по факту нанесения телесных повреждений, или хотя бы хулиганства. А что прикажете делать, если в своей поэме Василиса утверждала, будто Федюкин пнул её сапогом? Впрочем, фамилия Федюкина там не упоминалась, но по ряду косвенных признаков нетрудно было определить, что речь шла именно о нём. Насколько можно понять, причиной этого пинания сапогом стало всего лишь то, что Василиса опоздала на свидание. Федюкин, оказывается, ждал дома, а она всё не шла и не шла. Правда, подследственная даже в стихах то и дело меняет показания – то пишет, что опоздала всего на полчаса, а после выясняется, что на целый час. Естественно, что у нормального мужика возникли подозрения.

Эта её почти патологическая тяга к Федюкину была Викулову не вполне понятна. С одной стороны, вряд ли Василисе что другое светит, если речь заходит о любви. Однако во всех её делах был очевиден расчёт, ведь так всё провернула, что почти не к чему придаться. И как это в одном человеке сочетается? И возникает мысль, что всю эту аферу она придумала только для того, чтобы притянуть к себе Федюкина, схватить его в объятия и больше никогда не выпускать. По прежнему своему печальному опыту Викулов знал, что влюблённая женщина на многое способна, особенно если оставался один шанс.

И всё же этим соображением все возможные варианты не исчерпывались. Могло быть и так, что Федюкин эту дурочку использовал. Обрисовал ей перспективы, наобещал с три короба и фактически подставил, поскольку сам не отдавал никаких письменных приказов по этим распродажам. А уж в том, что по уши влюблённая Василиса даже под пыткой не предаст – в этом Федюкин был уверен.

Ну вот сиди теперь, гадай – то ли имеешь дело с двумя прожжёнными аферистами, то ли Василиса всё придумала, чтобы любовника к себе приковать чугунными цепями, то ли Федюкин ловко подставил эту даму, чтобы самому сухим выйти из воды. Есть и ещё один вариант, и возник он потому, что слишком ловко было всё устроено. А что если кто-то остался незамеченным, спрятался в тени, откуда и дёргал за все ниточки? Ну а Федюкин с Василисой являлись лишь

промежуточным звеном.

С подобным случаем в прошлой своей практике Викулов встретился только один раз, когда работал в Питере. Тогда он в составе следственной группы раскручивал дело, связанное с нелегальными поставками из-за рубежа оргтехники. Ну вот набрали следователи, как им казалось, вполне достаточно обличающих материалов и с постановлением на обыск явились на квартиру, где по агентурным данным обитал главный фигурант, владелец фирмы, торговавшей электроникой. Всё остальное представлялось Викулову предельно просто: после того, как обнаружим ценности, добытые незаконным путём, эти субчики уж точно не отвертятся. Хватит им жировать за счёт своих сограждан! Дверь и в тот раз открыла дама, только в отличие от Василисы, Элен успела кое-что накинуть на себя, помнится, было такое симпатичное розовое кимоно. Он и сейчас словно бы видел её перед собой – красивую, загадочную и недоступную.

Обыск и тогда дал внушительные результаты, хотя с уловом на квартире Василисы не сравнить – да просто небо и земля! Когда составили протокол и следователь задал вопрос, кому принадлежат драгоценности и деньги, вдруг выяснилось, что главный фигурант, некто Копелянский, здесь как бы ни при чём. Элен заявила, что всё это заработала своим трудом, за исключением того, что ей досталось по наследству. Ну а присутствующий в квартире гражданин – её любовник.

Главных фигурантов дела, в том числе и Копелянского, допрашивал старший следователь Беляков, ну а Викулову рыбёшка досталась куда мельче – он был как бы на подхвате. Вот и пришлось донимать расспросами эту Элен, которая пока проходила как свидетель. Главная цель состояла в том, что добиться от неё признания, будто все драгоценности принадлежали только Копелянскому, причём ещё до совершения последней сделки. Тогда можно было бы раскрутить это дело так, что суду станет предельно ясно – это далеко не первый эпизод в преступной деятельности фигуранта. И в самом деле, были агентурные данные, что помимо компьютеров ещё и другие грузы шли на адрес этой фирмы, само собой, в обход таможи.

Однако Элен упорно стояла на своём:

– Драгоценности и деньги дарили мне, а вот кто и за что – не ваше дело!

Если бы в том эпизоде, на котором был пойман Копелянский, всё было чисто, без сучка и без задоринки, никто не стал бы тратить время на эту самую Элен. Понятно, что и у неё вопросы следователя не вызывали удовольствия:

– Да кто же вам позволил вмешиваться в мою личную жизнь!

– Елена Матвеевна, вы поймите, мы доказали вашу связь с Копелянским. Так зачем же отрицаться?

– А я и не отрицаю. Да, с ним спала. Даже не только с ним, но и с другими, – при этом нагло улыбалась, покуривая

«мальборо».

Викулову дали задание поработать с ней, поскольку он в те годы был ещё достаточно молод и пригож, мог расположить её к себе, заставить раскрыться, выболтать то, что тщательно скрывалось. Поэтому и курить ей разрешил, и пытался говорить о том, что её могло интересовать – фестиваль французских фильмов, выставка импрессионистов в Пушкинском музее. Но всё было напрасно. Элен с удовольствием поддерживала разговор, но в главном по-прежнему стояла на своём.

Викулов начинал терять терпение:

– Послушай, ну зачем тебе так рисковать? Сдала бы ты его, и всё – гуляй! Это же так просто.

Будь это в прежние времена, никаких проблем не возникло бы. А тут реформы затронули и правоохранительные органы, так что негоже было её «прессовать» – перевести из свидетелей в соучастники и посадить в камеру к отпетым уголовницам. Да Викулов на это никогда бы не решился! Поэтому и уговорил начальство дать ему время поработать с ней. Так бы и проводили они время в разговорах, если бы не нашлись у этого Копелянского защитники где-то в высших сферах.

Дотошные адвокаты выяснили, что при аресте были допущены кое-какие мелкие нарушения закона. И тут же вмешалась прокуратура, которая в те времена делала вид, что борется за очищение рядов. Против Белякова завели дело за

превышение служебных полномочий.

К счастью, отзвуки громкого скандала докатились до столицы. И вот по личному указанию президента прибыл Толкунов, следователь по особо важным делам Следственного комитета. Прокуроры на время вроде бы затихли, с Белякова сняли обвинения, а среди сотрудников таможи и представителей других силовых структур, которые вставляли следствию палки в колёса, начались аресты. Викулову такое развитие событий радовало, тем более что благодаря Толкунову за пару месяцев он набрался опыта ведения сложных дел. Да при иных обстоятельствах на это потребовалось бы лет пять, а то и больше.

И снова кому-то ход дела не понравился. Толкунова в скором времени отозвали, дело спустили на тормозах, а бывший главный фигурант неожиданно погиб в дорожной катастрофе. Будь Викулов понаивнее и почувствительнее, он бы наверное запил с горя или уволился из «органов». Однако помогли беседы с Толкуновым, который не раз ему внушал, что не следует обращать внимание на телодвижения начальства. Надо дело делать, если остаётся хоть малейшая возможность.

Что же касается Элен, то она осталась на мели. Правда, квартира была записана за неё, однако, не имея профессии, можно ли найти приличную работу? Ну не идти же на панель!

Как-то поздним вечером, после окончания трудного рабо-

чего дня, Викулов, выйдя из здания, где размещалось следственное управление, направился к своим «жигулям». И тут его окликнули. Это была она, Элен.

– Садись скорее! – он не хотел, чтобы их увидели вместе.

– Я тебя дискредитирую? – усмехнулась.

– Типа того. Но, честно говоря, я рад.

– Чему?

– Тому, что ты осталась на свободе, – пробормотал Викулов.

Он так и не решился ей сказать, что давно мечтал о такой случайной встрече, поскольку сам не имел возможности что-то предпринять. Ну как бы он выглядел, если бы явился с букетиком цветов к бывшей подследственной или подждал её у дома?

– Так куда мы едем?

Вот это был вопрос! В самом деле, куда же им податься? На людях вместе показываться нельзя, так что отпадает ресторан. К нему – тоже нежелательно, поскольку дом был ведомственный, от прокуратуры. Ну а снова побывать в той её квартире, по правде говоря, Викулову очень не хотелось.

– Тогда в какой-нибудь загородный мотель?

Элен и прежде казалась ему весьма сообразительной, а тут просто превзошла себя. Нет, кроме шуток! Вот так просто взять и словно бы околдовать того, кто её допрашивал ещё совсем недавно! Да что тут говорить, он сам был ко всему готов, даже если бы она предложила остаться на ночь здесь,

в его автомобиле.

Эту первую их ночь он запомнил навсегда. Потом было ещё много дивных, восхитительных ночей – в мотелях, в гостиницах, на съёмных квартирах. Но долго это продолжаться не могло. Элен была для него не просто любовницей или девушкой по вызову, он хотел много большего, а для этого надо было избавиться её от груза прошлых лет, что называется, замести следы. Пришлось предпринять несколько нестандартных ходов, помимо изменения внешности, что при её талантах оказалось, в общем-то, совсем несложно.

Итак, для начала она сменяла свою квартиру, затем вышла замуж за какого-то армянина, которому нужна была прописка. Теперь у неё была уже другая фамилия. Как ни упрашивал её фиктивный муж, обещая золотые горы, пришлось ему согласиться на развод. Вскоре после этого Элен заявила об утере паспорта, а когда оформляли новый, уговорила капитана в паспортном отделе записать имя на европейский лад, потому что будто бы собралась эмигрировать во Францию – с именем Элен, а не Елена, ей будет там немного легче. Ну, словом, как следует замаскировалась.

И всё же этого было явно недостаточно. Нужно было перебраться в другой город, подальше от любопытных глаз и слишком уж настойчивых расспросов. Чтобы получить такую возможность, достаточно было реализовать один из двух доступных вариантов. Либо завалить все текущие дела, тогда его отправили бы в какое-нибудь захолустье, либо наоборот,

стать «передовиком производства», тогда бы он сам мог попросить начальство о переводе, скажем, по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам. Понятно, что после обсуждения с Элен был выбран последний вариант.

Такой прыти от него никто не ожидал. В короткие сроки он самостоятельно раскрыл два довольно заковыристых дела, которые уже собирались сдать в архив как безнадёжные «весаки». Начальство было довольно настолько, что о переводе в другой город он даже заикнуться не посмел. Но тут, на счастье Викулова, нагрянула инспекция из Следственного комитета и в её составе Толкунов. Тот порекомендовал своему начальству талантливого следователя, и вот уже Элен помогает Егору вешать шторы в квартире недалеко от хорошо знакомой Малой Бронной, ну а от прежней жизни его подруги не осталось и следа. Какие могут быть следы, если той, шаловливой и слишком уж доступной Елены теперь не существует?

Так вот о шансах. Последний шанс Василисы – это Аркадий Евграфович Федюкин, поскольку никому из мужиков она больше не нужна, даже с чемоданами, набитыми валютой. А вот у Элен до встречи с Викуловым ситуация была несколько иная. Только Копелянский смог вытащить её из болота, в которое она по глупости попала. С кем она только не спала! Но после появления нового ухажёра – всё, с прежними занятиями покончила. Если и пытались ухаживать за ней, изображала недотрогу. Да при живом благодетеле никто

даже прикоснуться к ней не мог, вот до чего дошло! Впрочем, такой вариант её вполне устраивал.

Однако всё это теперь было ни при чём. Поскольку Элен использовала единственный реальный шанс, способный вернуть её к нормальной жизни – это было замужество с Викуловым.

Глава 13. Бес попутал

В Подушкино Федюкин отправился сразу после обыска, свидетелем которого оказался неожиданно не только для самого себя, но и, наверное, для ввалившихся в Василисину квартиру «оперов». Виданное ли дело, в семь часов утра без предупреждения, даже одеться не успели. Он в исподнем, да и Василиса в пеньюаре... Ясно же, всё это подстроено, чтобы унизить, растоптать, нанести удар по имиджу министра. Эх, кабы знать заранее! Судя по тому, что друзья не предупредили, всё решалось «наверху», в строжайшей тайне. Поэтому-то сразу после обыска и попросил аудиенции.

И вот чёрный бронированный «мерседес» в сопровождении «лэнд круизера» с включённой мигалкой на крыше, не снижая скорости, свернул с Рублёвского шоссе на боковую дорогу и уже через несколько минут подъехал к резиденции. Странное дело, но охрана у ворот, всегда такая предупредительная и исполненная неподдельного почтения к начальству, на этот раз честь не отдавала, что наводило на подозрение о нежелательном и, более того, крайне неприятном для Федюкина исходе этого визита. Впрочем, особой милости он не ожидал. Главное – как-то снизить накал страстей, а то, судя по комментариям в эфире радиостанции «Слухи столицы», радость в либеральных кругах просто-напросто зашкаливала.

А в это время хозяин кабинета, принадлежавшего, впрочем, как и всё движимое и недвижимое имущество вокруг него, государственной казне, сидел, откинувшись на спинку кресла, одной рукой подпирая подбородок, а другой задумчиво теребил мохнатую голову чёрного породистого пса. Вопреки обыкновению кресло стояло посреди комнаты, вероятно, для того, чтобы хозяину было удобнее играть с собакой. Однако сейчас, похоже, было не до игр, поскольку, судя по привычно бледному, но изрядно осунувшемуся лицу, его одолевали мысли грустные.

Нельзя сказать, что пребывание в этой должности его тяготило, скорее наоборот, ведь, в сущности, все его жизненные устремления были нацелены на то, чтобы всегда и во всём держаться впереди, будь то на борцовском ковре, в продвижении по службе или в безумных гонках по ночному шоссе с выключенными фарами и под вой клаксонов. А вот теперь, когда вроде бы всего достиг, всё, чем хотел бы поведовать – вот оно, у его ног и там, за дверью, и за окнами дворца... Теперь вдруг выясняется, что мотивация дальнейшего восхождения начисто утрачена. Можно, конечно, добиваться процветания России, если позволит мировая экономическая конъюнктура, однако кто знает, сколько лет, десятилетий, сколько душевных и физических сил понадобится для того, чтобы хотя бы удвоить этот проклятый ВВП. А ведь и то следует учесть, что буквально со всех сторон его окружают паразиты и жулики, и веры им, безусловно, нет. И вот

когда упрекают в излишней терпимости к провинившимся придворным и министрам, невдомёк обличителям, что и выбора-то ему, в сущности, не дано. Уж лучше слегка проворовавшийся, но достаточно прилежный чиновник, на которого, к тому же, имеется обширное досье с компроматом, чем обожравшийся подонок с миллиардным аппетитом.

«И что мне с ними делать? Конечно, можно было попытаться, как советовали, решить проблему радикально – всех, кто получил, причём почти бесплатно, по жирному куску Отечества в лихие 90-е, отправить на лесоповал, конфисковав капиталы и имущество. А вслед за ними отправить и тех, что кусали понемногу, сидя в министерских креслах. Всё-то им до сих пор оказывается мало. Но если их пересажую, других откуда взять? Опять выписывать "варягов", как бывало в старину? Так ведь они ничём не лучше, одно достоинство – воруют поумнее, не наглеют. Да вот и наши когда-нибудь научатся. И всё же, если всех воругов пересажать, народ сначала будет рад, ну а когда экономика разрушится... Нет уж, избави меня, господи, от подобных перспектив. А все нынешние проблемы от того, что, если работают без воровства, интерес к делу у них куда-то пропадает. Дурной пример, ох, как заразителен, а гнилой запах 90-х ещё долго не выветрится из столичных кабинетов».

Так что же делать? Вот этого, что мается теперь у входа в кабинет, можно было бы отправить по этапу. Но тут ещё только предстоял тяжёлый разговор, крайне неприятный и

даже более того, чреватый тем, что можно было не сдержаться и сгоряча принять решение, не соответствующее насущным интересам. Именно поэтому он не спешил начать аудиенцию, если это странное свидание можно было так назвать, и продолжал неторопливо гладить пса, словно набираясь от него сдержанности и умения подчинять свои действия некой высшей воле, а не сиюминутным ощущениям.

Но вот наконец велел, чтобы впустили. И сразу, только Федюкин успел переступить порог, даже не пригласив его присесть, задал вопрос:

– Что ж так меня подвёл?

Аркадий Евграфович молчал, поскольку по опыту общения с начальством знал, что Первому надо дать возможность выговориться, что называется, спустить пар. Ну а там видно будет.

– Тесть у тебя такой хороший. Да и жена вроде ничего. Хоть и не красавица, но и с такой жить как-то можно. А ты вдруг во все тяжкие пустился.

Тут уже Федюкин не стерпел, поскольку Первый наступил на больное место, некстати упомянув постылую жену. Вот ведь и жить с ней нет возможности, и развестись нельзя, поскольку поставишь под удар карьеру. Поэтому и отвечал:

– Бабы попутали, Владлен Владленыч! Всё зло от них, проклятых.

– Нечего свой грех на невинные души перекладывать.

– Да как же невинные? Да они только и ждут... Так и

встречают у порога, на шею бросаются со словами: что принёс? А что я им принесу со своей зарплаты?

– Ну, по сравнению с доходами простого работяги...

– Нет, не согласен! У него совсем не то. Ему на имидж наплевать. И по большому счёту – не до баб. Он ведь в обнимку с бутылкой засыпает. А если я не сумею приодеть свою любовницу, не подарю ей кольцо с бриллиантами да в придачу японский «внедорожник», даже и не знаю, что тогда... Меня просто уважать в коллективе перестанут!

– Так уж и перестанут? – удивился Первый. – Ко мне-то вроде уважение ещё не потеряли. Конечно, если судить по социологическим опросам.

– Вот-вот! Когда их спрашивают, они вроде бы за вас. А в душе, думаю, что проклинаяют.

– Это за что же?

– Да за то, что развернуться не даёте. За то, что обложили их со всех сторон прокуратурами, счётными палатами. Я уж не говорю о налоговиках. А если ещё и расходы под контроль поставить, тогда совсем хана! Тогда и вовсе работать перестанут.

Первый призадумался. Федюкину только того и надо – если удастся подправить в нужном направлении мысль, которая ещё зреет в этой голове, тогда удастся обойтись условным сроком, а то и вовсе ограничиться предупреждением о неполном соответствии должности, что не раз в подобных случаях бывало.

– Одно только меня беспокоит, Владлен Владленович. Как подумаю об этом, так хоть в петлю лезь.

– Это ты о чём?

Первый с надеждой воззрился на Федюкина, полагая, что вот ещё чуть-чуть и он услышит долгожданные слова раскаяния. Тогда придётся отыграть назад – нельзя же применять жёсткие меры к преданному человеку, который всего лишь оступился. Соблазнов огромное множество вокруг, и далеко не все люди обладают стойкостью, которая даётся только от природы.

Федюкин немного помолчал, тщетно пытаясь выдавить слезу.

– Тестя жалко... Вы же сами сказали, что хороший человек. Мне ли этого не знать... Он столько для меня сделал, а я вот сподличал, доверия не оправдал.

– А на моё доверие тебе, значит, наплевать?

– Да что уж тут говорить... Кругом оказался виноват.

Федюкин уставился в пол, боясь показать глаза, в которых слишком ясно читалась мысль: удастся одурачить или не получится? Но краем глаза видел, что Первый после этих слов вроде подобрел. Теперь оставалось только использовать сложившуюся ситуацию...

Но тут последовал неожиданный вопрос:

– И много ли наворовал?

– Да не было этого, Владлен Владленович! – не сдержавшись, Федюкин даже не сказал, а прорычал. – Не верьте, не

верьте этим иродам! Обиженные, обозлённые, только и делают, что строчат доносы. А уж я многих вынудил уйти в отставку. Так что не думайте, у меня всё честь по чести, вот разве где-нибудь не доглядел...

– Тогда зачем же каялся, если ни в чём не виноват?

– Так я и говорю. Не доглядел, доверился случайным людям, они и подвели, – и снова промычал: – Тестя очень жалко...

Но и в этот раз тонкий намёк на судьбу близкого соратника Первый как бы не заметил. Словно бы ему наплевать на то, что славное имя Василия Степановича будут полоскать, имея ввиду то, что именно благодаря ему Федюкин всего за пять лет сделал столь невероятную карьеру. Хотя чему тут удивляться – другие за такой же срок даже пробивались в первую сотню «списка Форбс».

Да на Василия Степановича, по большому счёту, ему наплевать. Что из того, что лет двадцать уже вместе? Что из того, будто соседи по «Дворянскому гнезду»? Всё это несущественные обстоятельства, ерунда, такое можно бесконечно обсуждать в газетах, изображая из себя всеведущего знатока. Дело же тут совсем в другом. Все эти годы, пока находился на вершине власти, он ощущал себя как благородный гриб в окружении поганок. От этих либералов просто не было житья! С утра до вечера зудят, пытаюсь обратить в свою «прозападную» веру. Для виду приходилось, конечно, соглашаться, будто бы и в самом деле «свой», ну а потом, успо-

коив их, наобещав с три короба, делал всё с точностью до наоборот. Василий Степанович оставался чуть ли не единственным «левым» в этой своре, даром что из бывших обкомовских секретарей. Он явно демонстрировал, что придерживается антилиберальных убеждений, пусть только на словах, однако в сложившихся обстоятельствах и это уже было кое-что. Вот за такую поддержку он и ценил Федюкинского тестя, иначе совсем тоскливо было бы, хоть всё бросай и отправляйся в дальний скит замаливать грехи, которых накопилось у него немало. Только ведь разве это грех, если грешил на благо государства?

А иногда некий внутренний голос начинал твердить: «Мелковат ты для такой работы, не по тебе эти российские масштабы!» Однако он гнал от себя такие мысли, поскольку не видел в этой всеми признанной политической тусовке ни одного человека, который был способен воплотить в жизнь идеи, ради которых и стоило нести свой тяжкий крест. Может быть, и есть такой человек, живёт, трудится, создаёт некий креатив в пределах тех возможностей, которые ему доступны. Но всё это там, в глубине, недоступной взгляду наблюдателя, где властвуют какие-то иные силы. А на поверхность между тем кто-то выталкивает, словно издеваясь, одного за другим хапуг, жуликов, ворюг, которые гребут только под себя, прикрываясь красивыми словами.

Глава 14. Своих не сдаём

После того, как слетел со своего поста Федюкин, многие кресла закачались, многие граждане уже готовились перебраться за рубеж, так, вроде бы на всякий случай. А всё потому, что если из кропотливо выстроенной, тщательно подогнанной системы убрать хотя бы один элемент, вся конструкция может разом потерять устойчивость. Начались долгие и поначалу бессмысленные переговоры, поскольку никто толком не представлял себе, чем располагает Следственный комитет. Встречались и дома, и на дачах, и в ресторанах, и даже на вилле в окрестностях Тоссе-де-Мар, это такой курорт в Испании. Пытались строить прогнозы, предлагали варианты, однако в итоге всё сводилось к одному:

– Ну вот добились своего, сняли Федюкина с поста министра, но кто же мог предполагать, что так глубоко начнут копать?

– Нельзя его сажать. Он же многих за собой потянет, – скорбно заметил секретарь Совбеза.

– Да мы по большому счёту вроде бы не при делах, – возразил глава Администрации, вопросительно взглянув на других участников беседы.

– Я не о том. Он как-никак хранитель государственных секретов. Если посадят, многое может рассказать...

– Да кому? На зоне только «урки», да конвой.

– Хотя бы адвокатам. А уж те, можешь быть уверен, раззвонят. Технология давно известная: якобы борца за чистоту рядов убрали от греха подальше.

– Так может, всё-таки убрать?

– Ты думай сначала, что говоришь. Жопу сохраним, а на кой лях нам жопа, если не останется лица...

– Да, позора потом не оберёшься, – вздохнув, согласился с этим выводом глава Администрации.

– То-то и оно.

– А что если танки вывести на улицы?

– Я вижу, крыша у тебя совсем поехала! Сейчас не 91-й год! Вряд ли кто из армейских генералов опять пойдёт на такую авантюру.

– Да, скорее уж на радостях напьются, – сторонник радикальных действий признал свою ошибку и задумался. – Вот разве девичий батальон сформировать из Федюкинских кадеток.

– Твой юмор здесь совершенно неуместен.

Глава Администрации, в сущности, и не намерен был шутить, но ничего другого в голову не приходило.

– В общем, я так понял, что надо выручать. А там понемногу рассосётся. Не в первый же раз...

– Нет, такого ещё не было, – со знанием дела возразил секретарь Совбеза.

– Ой ли? А помнишь аферу с «крышеванием» подмосковных казино?

Тут уже вмешался третий собеседник, директор ФСБ, до сих пор не раскрывавший рта:

– Ладно, давайте это заканчивать, господа. Остаётся один неясный для меня вопрос: как нам убедить Первого?

– В чём? – глава Администрации был явно не в лучшей своей форме.

– Да чтобы Федюкина не посадил.

– А куда он денется? Сам должен понимать, тут имидж, престиж власти и всё такое...

– Нет, не скажи, – согласился с директором секретарь Совбеза. – Он в таких делах упёртый, не постеснялся даже олигарха отправить прямиком на нары, под Читу.

– Тоже мне, сравнил. Тот ведь совсем чужой, а это вроде из нашего «гнезда», – снова возразил глава.

– В «Дворянском гнезде» его тесть – не последний человек. А этот так, вряд ли Первый за него заступится, – усомнился директор ФСБ.

– Тогда надо бы на тестя надавить.

– Шутишь! Зять ему фигу показал, когда связался с Василисой. У них теперь к разводу всё идёт.

– Да, конечно, тут Аркаша маху дал! Из-за бабы загубить себе карьеру... – судя по всему, главе Администрации и в голову такое не могло прийти.

– Думаете, его тесть сдал? Да вряд ли, он об Аркашиных делах даже не догадывался.

– Знать не знал, но дал отмашку. Видимо, компромат до

поры до времени где-то лежал, ну а когда Дубков на Аркашу обозлился, тут и началось.

– Если так всё просто, можно будет отыграть назад, – неожиданно для всех предложил директор ФСБ.

– То есть? – изумились оба, и глава Администрации, и секретарь Совбеза.

– Надо уговорить Аркашу покаяться перед женой и перед Дубковым. Уверен, тесть хотел его только попугать, чтобы в другой раз неповадно было. А если Дубков настаивать на продолжении следствия не станет, тогда и Первый смилостивится. Ему-то, прости господи, зачем всё это надо? – директор оглядел сидевших за столом, ожидая возражений.

– Что ж, дело говоришь. Если нет других вариантов, пока на этом остановимся, – подвёл итог разговору секретарь Совбеза и посмотрел на главу Администрации: – Тогда ты с Первым этот вариант и обсуди, как наиболее осведомлённый. Я имею в виду амурные дела.

Возражений на это не последовало, поскольку собеседники уже встали из-за стола, а на ходу объясняться было уже поздно.

Случай поговорить выпал только после приезда в сочинскую резиденцию, куда Первый имел обыкновение перебираться на бархатный сезон, чтобы вдали от столичной суеты немного отдохнуть, повстречаться с заезжими главами других государств и по результатам этих встреч скорректировать стратегию дальнейшего развития державы.

Выбрав удобный момент, когда оба разоблачились до трусов и, сидя в шезлонгах, загорали на пляже, глава Администрации пробормотал:

– Да, жаль парнишку.

– Это ты о ком? Если о Кайманском, так не переживай, скоро я его помилую, – усмехнулся Первый.

– Боже упаси! – воскликнул собеседник. – Да пусть бы он до скончания тысячелетия сидел! Без него куда спокойнее.

– Нет, – возразил Первый, – ты снова не сечёшь. Это его сидение становится уже накладным для бюджета. Инвесторам такое отношение к бывшему олигарху, ох, как не нравится!

– Да плевали мы на их инвестиции! Будто у себя в стране денег не найдём?

– И опять не прав! Тут дело не столько в финансах, сколько в налаживании экономических связей. Будем иметь положительный имидж в их глазах, тогда проще будет заимствовать современные технологии, да и к нашей газовой монополии перестанут придирааться.

– Ну, ты меня совсем замордовал.

– Да ладно, не обижайся. Я знаю, ты в этих вопросах не силён, – смягчился Первый. – Так о каком парнишке ты тут говорил?

– В общем-то, он давно уж не парнишка, а всё-таки жаль...

– Ты не о бывшем ли министре, который теперь под след-

ствием?

– Я и говорю, что остальных не жаль, а этот вроде свой, шашенский. Так неужели ничего нельзя поделывать?

Первый призадумался. Это Федюкинское дело у него, как кость в горле. И не проглотишь, и вытащить никак не удаётся. А всё потому что упирается Дубков. То ему раскрути дело на полную катушку, то вроде бы пятится назад. Какие у них там разногласия с зятем, нет времени вникать, да и не любитель он семейных сцен. Но ясно было, что это не может тянуться бесконечно.

– Что ты предлагаешь?

– Я? Ничего! – от неожиданности глава Администрации даже забыл, о чём собирался говорить. – В общем, тут такое дело... Всё вертится вокруг этой Василисы. И все махинации с недвижимостью, и даже ссора между Дубковым и Федюкиным, всё из-за неё. Я бы таких баб на пушечный выстрел к госучреждениям не подпускал.

– Ну, ты хватил! Хотя с ней вопрос решается довольно просто. Лет пять строгого режима и ещё запрет на профессию, верboten, как немцы говорят.

– Погоди, речь вовсе не о ней. То есть о ней, конечно, но как бы в совершенно другом ракурсе.

– Это в каком же? – не понял Первый.

– А вот в каком. Их надо помирить. То есть Федюкина с Тamarой, это дочь Дубкова. Если получится, тогда Дубков против амнистии не станет возражать.

– Подожди. Откуда ещё взялась эта амнистия?

– Ну, если не амнистия, хотя бы статью ему подобрать полегче, чтобы без отсидки обошлось.

– Допустим. Но кто же будет их мирить?

– Я вижу, ты в этих делах совершенно не сечёшь, – глава Администрации сел на любимого конька. – Дислокация тут простая. Сначала Федюкин делает ручкой Василисе. Потом едет на базар. Там покупает букетик алых роз и вместе с ним направляется к Дубкову.

– Дубкову-то цветы зачем?

– Ну как ты не поймешь? У него сейчас живёт Тамара. Она от Федюкина ушла после того, как открылась связь с этой Василисой.

– А дальше?

– Дальше Федюкин кается перед Дубковым. Затем встаёт на колени перед Тамарой, вручает ей букет, и все дела!

Первый немного помолчал, обдумывая это предложение.

– В самом деле, всё довольно просто, если так получится. Только от меня что надо?

– Ох, до чего ж ты непонятливый! После того, как Дубков Федюкина простит, он мигом прибежит к тебе, станет зятя выгораживать. Так вот и надо, чтобы ты с ним согласился... Ну, сам всё понимаешь.

Что ж, может быть, и вариант. Вот так неразрешимую вроде бы проблему удаётся свести на «нет» самым примитивным способом. Цветы, слова раскаяния, нежные поцелуи...

Только в этом варианте надо кое-что подкорректировать.

Вернувшись с пляжа, распорядился, чтобы вызвали из Москвы Дубкова. Тут всё надо предусмотреть и просчитать. А то если этот гусь опять упрётся... Господи, как всё надоело! Даже на отдыхе приходится решать какие-то дела. Но, если честно, ничего он больше не умеет.

Дубков прилетел уже поздно вечером, долго извинялся, объяснял, что днём проводил совещание по ситуации с экспортом зерна и ценами на хлеб. Дело нужное, но если уж вызвали, всё должен бросить, никуда не денется его зерно. Предложил ему перекусить с дороги, но тот отказался, заявив, что пообедал в самолёте. Чувствовалось, что и ему тоже невтерпёж – среди всех проблем, ради которых стоило предпринимать этот дальний перелёт, дело зятя стояло для него на первом месте.

Пришлось начать разговор издалека. Обсудили вопросы, связанные с продовольственной безопасностью, потом перешли к безопасности международной, естественно, здесь не обошлось без европейской ПРО. А там сам бог велел перейти к делам в военном министерстве. Дубков нового министра похвалил:

– Сразу видно железную хватку. Опытный в этом деле человек. Правильный ты сделал выбор.

Этот комплимент можно было пропустить, от них чего только не слушаешься, даже вот на Нобелевскую премию с дуру выдвинули. Однако пора заняться тем, ради чего и

вызывал. И так, прямо в лоб спросил:

– О том, что сняли зятя, не жалеешь?

– Да какой он зять? Так, шантрапа залётная. Жалею, что связался.

– А мне докладывают, что если бы не бабы, был бы ничего.

– Так в том-то и дело! Кобель безмозглый, вот он кто! – Дубков схватился за голову. – Это надо же, такую карьеру загубить!

– И что теперь с ним делать?

– Как что? Сажать!.. Сажать, чтоб неповадно было, – последние слова Дубков произнёс уже как-то неуверенно, словно бы с оглядкой. – Хотя с другой стороны, если посмотреть, было бы жалко потерять такого кадра. Да и семья...

– А что семья?

– Так где ж теперь Тамаре мужа-то найдёшь? И возраст у неё неподходящий, и дочка на руках.

– Выходит, стоило бы ему вернуться?

– Стоило бы, – Дубков немного помолчал. – Вот ведь и намекали ему, и тюрьмой пугали, а он никак.

– А если придёт, покается, тогда обратно примешь?

Дубков снова задумался. Глядя на него, Первый тоже размышлял: «Хитрый мужичок. Да только меня не проведёшь. Ишь, как встрепенулся, когда я о покаянии сказал!

– Ну-у-у... В принципе я не возражал бы. Хотя, конечно, ситуация уже не та, что год назад. Вот ведь как они дело раскрутили, – и посмотрел на Первого с едва скрываемой на-

деждой.

– Для нас это не проблема. Как раскрутили, так и закрутят. Понятно, что другим по первое число достанется, ну а Федюкина выведем как-нибудь из-под обстрела.

– Это какое же наказание ему будет? – настороженно поинтересовался Дубков.

– Тут, понимаешь ли, зашла речь об амнистии. У нашей Конституции скоро юбилей. Так вот мы под это дело...

– Совсем оправдать никак нельзя? – спросил Дубков.

«Вот ведь жох! Чего доброго, станет убеждать меня возвратить зятю пост военного министра. Нет, эти разговоры надо прекращать!»

– В общем, так. Если в течение недели явится к тебе с повинной, дело против него переквалифицируем. Там самая лёгкая статья – это халатность. А через пару месяцев и под амнистию попадёт.

Дубков внимательно смотрел на Первого, пытаясь понять, дальше-то ему что делать. То ли благодарить, то ли можно ещё надавить на жалость? Однако, поймав на себе строгий взгляд, понял, что ничего другого здесь уже не выгорит. Что ж, спасибо и на этом! Но тем, кто Федюкина подставил, он никогда этой подлянки не простит.

Вот потому и сказал:

– Благодарствую! Если бы не ты, даже и не знал бы, что мне делать.

– Да не за что благодарить. Своих на поле битвы не бро-

саем.

Что он имел в виду, Дубков сразу догадался. Только сказать что-нибудь толковое он тогда не мог, не было у него подходящих слов, поскольку, кто знает, как ещё может обернуться. Вот уже после разговора с зятем станет более или менее понятно. Ну а сейчас он срочно вылетел в Москву. Должен кто-то оставаться на хозяйстве, и с зятем надо бы всё обсудить, когда тот к тестю на коленях приползёт и будет каяться!

Глава 15. Зачистка территории

В то время как трое представителей власти обсуждали в одном из столичных кабинетов, можно ли спасти своё лицо, примерно такой же разговор происходил на вилле, где-то поблизости от Марбельи, что в Испании. И хотя исходные обстоятельства были те же, однако последствия для двух участников этой встречи могли быть куда более огорчительными – тут как бы остаться не только без лица. Речь шла о тех подельниках Федюкина, которые ещё оставались на свободе. Здесь, на открытой веранде, обдуваемой средиземноморским ветерком, сидели двое господ, довольно хорошо известных в тех кругах, где не принято афишировать род своих занятий. Один – весь из себя благообразный, с аккуратно подстриженной седой бородкой, и рядом с ним другой, с бритой головой и очень неприятным взглядом. Судя по всему, главным был тот, что с бородой.

– Вот с этими друзьями надо разобраться до конца. И с одним, и со вторым, и с остальными по возможности... Если нет, тогда они Аркашу нашего сдадут со всеми потрохами.

– Ты предлагаешь, просто мочить их, и всё? – поинтересовался тот, что с бритой головой.

– Я предлагаю нормально, цивилизованно решить эту проблему. Там, где можно обойтись без твоего участия, всё уже задействовано, люди работают, будет нужный результат.

– Но риск какой, если не получится по-тихому!

– Надо, чтобы получилось. Ты пойми, мы рисковать никак не можем. Слишком многое поставлено на кон.

– Мне кажется, это не совсем верное решение...

Тот, что с бородой, слегка побагровел и скорчил зверскую рожу:

– У меня к тебе простой вопрос: я могу рассчитывать на твои услуги или нет?

– Считаю, что убедил, – ответил побледневший собеседник.

– Неделя сроку, – это было сказано, как и положено, тоном, не терпящим ни малейших возражений.

– Ты меня прости, Мамон, но это нереально. Надо же подготовить всё как следует...

Эти слова были произнесены очень медленно, словно бы говоривший их пытался убедить, что он бы рад помочь, а если уж решился возражать, так исключительно из-за того, что боится провала операции.

– Ваха, я тебя понимаю, но и ты меня пойми. Знал бы ты, насколько это важно...

Как ни странно, столь резкий переход от гневных интонаций чуть ли не к унижительной просьбе вдруг подействовал. Ваха улыбнулся и кивнул.

– Ладно! Ты не сомневайся, всё будет, как в аптеке.

В сущности, тут нечему было удивляться, поскольку очень уж многое связывало этих людей. Лихие 90-е года

оставили неизгладимый след в их биографиях – даже если захочешь, не удастся обо всём забыть.

По странному совпадению через несколько дней недалеко от своего дома на восточном побережье Англии было найдено бездыханным тело некоего российского гражданина, причастного, как предполагало следствие, к нелегальному выводу денег из России за рубеж. Владелец фирмы, также замешанный в этом деле, умер от сердечной недостаточности. Ещё один подозреваемый в преступлении, управляющий коммерческого банка, ни с того ни с сего вдруг выпал из окна. Чуть позже несколько совсем не рядовых сотрудниц фирм, участвовавших в распродаже военного имущества, были вывезены в лес. Их «прессовали» до тех пор, пока они в полной мере не оценили преимущества молчания на следствии. Увы, где большие деньги, там и большие неприятности. Понятно, не для всех.

А вот какой разговор происходил поздним вечером в одном из московских ресторанов. Двое с виду весьма солидных господ, на самом деле всего лишь адвокат и политтехнолог, обсуждали пиар-акцию на телевидении. Предполагалось, что некая светская тусовщица с задатками бойкой журналистки возьмёт интервью у Василисы. Политолог энергично возражал:

– Такие вещи по телевидению показывать нельзя. Хотя бы и на малопосещаемом канале. Это же смех! Всё равно что старуху-процентщицу прославлять как спасительницу уми-

рающих от голода.

– Нет, всё не так! – настаивал на своём известный адвокат. – Что бы ты ни говорил, но Василиса тоже женщина. Ещё вполне может вызвать сострадание, если как надо всё преподнести.

– Это после обыска?! – возопил политтехнолог. – После того, как у неё изъяли целую грудку драгоценных камней и двадцать килограммов золота?

– Да о камнях все уже забыли! Теперь все судачат лишь о том, кому потребовалось разлучать двух любящих людей.

– Ну да! Вот не хватало ещё Василису в квартиру Федюкина устроить на постой.

– Кстати, об этом и просила.

– Вот баба! Ну до чего же обнаглела! Ей и служанку, и повара, и маникюршу подавай. Не говоря уже о многочасовых прогулках.

– Послушай, ты с нами или против нас? А то ведь так себя ведёшь...

– Да с вами, с вами! Только не хочу заниматься безнадёжной акцией. В случае провала меня ведь тоже по головке не погладят.

– Но в принципе ты допускаешь возможность её выступления на телевидении?

– В принципе – да! Но только не под этим соусом.

– То есть?

– Нужно показать её, как самую обычную женщину. Что-

бы рассказала о семье, об увлечениях. А все эти двенадцать комнат и килограммы драгоценностей – всё это пустяки, недостойные того, чтобы на них концентрировать внимание. Вот именно так она должна держаться. И кстати, никаких излишеств на столе. Ну скажем, чай без сахара и сушки.

– Может быть, хотя бы тортик... – облизнувшись, промолвил адвокат.

– Нет, нельзя! – возразил политтехнолог.

– Ну ладно, пусть будет так.

– Только на твоём месте я бы не рассчитывал, что после этой телепередачи что-нибудь изменится. Вряд ли её отпустят под залог.

– Пойми, нам надо Василису как-то поддержать. Чтобы не ощущала себя покинутой, чтобы не наговорила чего лишнего. А вот отпустят ли под залог? Да нет, я честно говорю, даже не надеюсь. Хотя ей это обещал. Ну предположим, всё-таки отпустят... И кто будет за это отвечать?

– Да всё тот же Стрекалов. Он мне уже сказал, чтобы я ему больше не звонил по такому поводу.

– Правильно. Бойтся, – усмехнулся адвокат.

– Естественно!

– Но это же беспредел! Ну сколько можно безнаказанно издеваться над человеком, ты мне объясни. Как это так?!

– И Стрекалова ни в чем не убедить, и Аркашу не спасти...

– А я считаю, что всё ещё возможно.

– Да ты пойми, его невозможно отгородить от остальных, это одно целое. Они пойдут на дно, и его утопят. А на фига тогда было это затевать? Тогда уж всё, финита!

– Опять ты за своё! Эта акция – единственный возможный вариант. Всё продумано, просчитано. А кроме этого мы сделать ничего не сможем.

– И тем не менее, показывать такие вещи по телевизору нельзя. Я просто боюсь, сможет ли она всё это выдержать, сыграть как надо...

– Однако, какие же всё-таки гады эту провокацию задумали!

«Что поделаешь? – размышлял адвокат, направляясь после встречи с политтехнологом домой. – Дело и впрямь совершенно безнадёжное, поскольку от нас мало что зависит. Но гонорар надо как-то обрабатывать!»

А через несколько дней другой адвокат, не менее известный, если припомнить проигранные им в суде дела, встречался с главным редактором солидной медиа-компании. Довольно эффектная женщина, к тому же не последний человек в своей профессии, готова была выполнить любые пожелания клиента. Ну как же, мало того, что хорошие деньги готов ей заплатить, так ещё и поднимет рейтинг их компании. Да кто бы сомневался, если речь о самом Федюкине!

– Мне нужна точечная акция, рассчитанная на две-три недели.

– Почему такой срок?

– Всё продумано. Формат и задачи определены. Нужно добиться, чтобы изменилось отношение к нему в масс-медиа.

– Но мы не можем так просто это изменить...

– Для начала у широкой публики должно возникнуть ощущение, что его подставили.

– Кому и зачем всё это надо? Я про подставу...

– Вы читали статью в «Рязанской правде»?

– Нет, не читала.

– Там утверждается, что всю эту аферу организовал не он. Федюкин просто выполнял приказ, проводил реформу армии, избавлялся от непрофильных активов, ну там, детсады и прочее. Но так случилось, что попал под влияние прожжённых аферистов. Короче, его просто обдурили! Ну а потом злые люди стали обвинять бог знает в чём.

– Охренеть! Я этого не знала! Хорошо, я буду думать, как бы его поддержать.

– Что значит поддержать? Нам нужны совместные действия по согласованной программе. От вас требуется добиться малого – чтобы у народа зародилось хоть какое-то сомнение. Тогда нам легче будет всё остальное организовать.

– Я поняла.

– Вот вам раскладка по дням с указанием конкретных сумм. Буду платить по результату, из своего кармана.

Это, конечно, вряд ли, что из своего. Но взглянув на суммы со многими нулями, обозначенные на бумаге, мадам почувствовала, что надо бы ещё кое-что поиметь с богатого

клиента.

– Послушайте, а почему бы не устроить интервью с Федюкиным на одном из наших сайтов в интернете?

Казалось, вот вроде бы здравая, вполне разумная мысль. Но не тут-то было:

– Вы шутите? – воскликнул адвокат.

– С чего вы так решили? – удивилась дама.

– Да этого никто смотреть не будет! Это же такая скукота!

Во время беседы с ним я не могу сдерживать зевету, просто сидя в кресле засыпаю. Кстати, поэтому и выбрал соответствующую тактику – чтоб на допросах он даже рта не раскрывал.

Когда адвокат ушёл, дама мысленно подвела итог этому разговору: «Дело Кайманского начисто просрал, а ведь туда же! Да я бы ему даже бракоразводного процесса не доверила!»

Глава 16. Стоя на коленях

После того, как всё было согласовано «наверху», дело оставалось за малым – убедить Федюкина. Однако тот упёрся:

– Нет, я не могу!

– Но почему? – недоумевал секретарь Совбеза Никодим Петрушин, которому поручили уломать Федюкина. – Не можешь свою пассивность забыть?

– При чём тут это? – Федюкин сморщился, словно бы от какой-нибудь кислоты во рту. – Дело это прошлое. Полностью отработанный материал.

– Ну и что тогда смущает?

Федюкин как-то неуверенно повёл головой и не глядя на собеседника проговорил:

– Ты понимаешь, я прогнуться не могу.

– Гордый, что ли? Неужто трудно повиниться перед брошенной женой?

Федюкин снова как-то странно покрутил могучей шеей.

– Ну вот представь, я встану на колени. И что потом?

– Да господи! Потом тебя простят, и все дела. Примете с тестем по сто грамм, и на этом вся история закончится.

– Не думаю.

– Слушай, у тебя что, проблемы с головой или с поясницей? Если с поясницей, так я могу предложить рецепт, сам

маюсь чуть не каждую неделю.

– Да нет, на здоровье вроде бы не жалуюсь.

– Тогда я тебя совсем не понимаю. Чего ты хочешь-то? Опять кресло военного министра?

– Да нет, зачем оно мне после этого позора? Но хоть какую-то должность могли бы предложить...

Секретарь Совбеза закусил губу. Ну как же так? Увлечлись распутыванием этого семейно-криминального узла, а куда потом Федюкина приткнуть, даже не подумали.

– Ты погоди, я сейчас. Я скоро...

Выйдя в другую комнату, Петрушин принялся названивать по разным номерам.

Только через полчаса, тяжело дыша и утирая пот со лба, он смог продолжить разговор с Федюкиным. Сошлись на должности гендиректора в бюджетном предприятии. Фирмочка так себе. Конечно, нет прежнего размаха, но и соблазнов куда меньше, что существенно. «Только бы он баб своих туда не перетащил. Тогда опять... Тогда начнётся снова!»

Что ж, и это уже кое-что! Окрылённый тем, что оставили «в обойме», Федюкин привёл себя в порядок, сменил костюм и отправился в ближайший цветочный магазин. Там выбрал подходящий букет и поехал напрямиком к Дубкову.

Встретили его не совсем так, как он рассчитывал. То ли секретарь Совбеза что-нибудь напутал, то ли сегодня постный день? В общем, с порога облили вонючими помоями:

– Опозорил! Обесчестил! Да был бы сейчас 37-й год, я бы

самолично тебя... – у Василия Степановича даже перехватило дух от злости.

– Я тут ни при чём, это всё они!

– Ну да, силком тебя в постель к этой курве затащили.

– Если б знал, я бы никогда...

– Да кто тебе дал право? Как можно так подставлять свою родню?

– Вы слишком уж драматизируете, папаша. К тому же не родился ещё тот человек, который сможет доказать...

– А мне и доказывать ничего не надо, – громыхал на весь дом Дубков, так что даже рюмки в серванте зазвенели. – За что мою Томочку обидел? С одним придурком ей не повезло, так теперь ты... Сколько можно над хорошим человеком измываться?

– Я больше не буду, Василь Степаныч.

– Чего?

– Не буду, говорю.

– А не врёшь?

– Честно, как на духу!

Дубков сделал вид, что призадумался. На самом деле всё было решено, только очень уж хотелось прижать этого раздолбая, чтоб на коленях перед ним валялся.

– Ведь ты не только дочь мне опозорил, ты будто самому мне наставил эти самые... рога. Смотрите, вот он, тот самый тесть, которого зять ни в грош не ставит. Разве уже забыл, что если бы не я...

– Как можно, Василь Степаныч? Да я по гроб жизни вам обязан.

– Так отчего же со мной так поступил?

– Бес попутал! Словно бы затмение на меня нашло.

– Ты уж что-нибудь одно – либо бес, либо затмение, – усмехнулся Дубков, постепенно остывая.

– Нет, правда. Словно бы её нарочно подослали, – как мог, оправдывался Федюкин. – Я даже подумал, уж не ваши ли враги?

Это был очень интересный поворот. Озабоченный судьбой любимой дочери, Дубков и подумать не мог, что всему виной может оказаться сам. Вон как зять всё повернул! Ловок, шельма! Только ведь проблема в том, что это его предположение недалеко от истины. Дубков даже забыл, что главной целью появления Федюкина в его доме было примирение с Тамарой. А когда об этом вспомнил, подумал так: «Да ладно! Куда он теперь денется. А она пусть немного подождёт – тут дело поважнее, тут дело государственное!»

Положим, явных врагов у Дубкова не было. Если кому-то насолил, перешёл дорогу, так это всё мелочь, недостойная внимания. Но были ещё куда более серьёзные силы, по сути, замышлявшие переворот. Он до сих пор удивлялся, как мог президент оказаться столь недалёководным? Как мог довериться пустомеле и позёру? Ведь у того же на лице написано, что либерал. Да тот о президентской должности, пожалуй, никогда не помышлял, в глубине души понимая, что не по

Сеньке эта шапка. Ему бы получить звание профессора, читать лекции в университете – такому больше ничего не надо. Однако в этих делах многое решал не он, а его жена – вот и последний генсек вроде бы вещал из-под каблука. Да и какой мужик это сможет выдержать, если она жужжит и жужжит, как та пчела: «Ну чем ты хуже других? Да если выпал шанс, надо же его использовать!»

Вот и получается, что главной мишенью в этом деле мог быть он, главная опора Первого ещё с тех пор, когда вместе в мэрии служили. Положим, опора не единственная, но если выбить хоть одну, так всё сооружение может закачаться. Этого нельзя было допустить. А прежде всего, следует понять, с чего всё началось, откуда взялась эта стерва Василиса и кто её к Федюкину привёл. Он-то, конечно, жеребец, но тут уж явно не обошлось без внешнего вмешательства. «Да чем моя Тамара хуже?»

Чтобы зятю развязать язык, надо для начала выпить:

– Ну что ж, в честь примирения можно и по маленькой. Аркаша, ты не против? – Кошей уже как-то не хотелось его называть, разве что чуть позже.

– Да после того, как дело завели, я в рот ни капли...

– Тогда сам бог велел.

Выпили. Потом ещё по одной. А после третьей – закусили. Только тогда Дубков и приступил к допросу, мол, что да как, надо бы тут разобраться, чтобы в другой раз не вляпаться. В итоге разговора выяснилось, если верить самому Федюкину,

что с Василисой его познакомил некто Резвин из московского правительства. Тот самый Резвин, стараниями которого столицу превратили во что-то среднее между Вавилоном и каким-нибудь захолустьем на окраине Калькутты. Хотя связи его были хорошо известны, надо бы ещё немного покопать. А вдруг он тому балаболу дальняя родня или ещё каким-то боком прислонился? Дубков этих «абрамов» на дух не переносил. Все они друг за друга держатся в ущерб нашим общим интересам. Их-то интерес вполне можно понять: как бы и где урвать побольше, а на остальных им наплевать. Вот и теперь главный их девиз: раздать всё в частные руки. Как бы не так! Да фиг вам такое счастье! Однако и то следует признать, что действуют умно, потому и решили прибрать к рукам военного министра. Это ведь не какой-то там главный управляющий культурой. Это же сила! Это армия!

Понятно, что назначили Аркадия на этот пост, поскольку Дубков долго и настойчиво внушал Первому, что только Федюкин может реформировать министерство. Остальные-то слабаки, где им справиться с прожорливыми генералами? И дело пошло, за несколько лет он там всё перелопатил. Конечно, не обошлось без перегибов, однако с кем не бывает, надо только прислушиваться к советам опытных людей. Да где ему, как закусил удила, так и понесло!

Вот ведь дурак! Ещё молодой, со временем мог бы и сам претендовать на высший пост. Вполне логично предположить, что пытались его перетянуть на другую сторону, ну а

когда не вышло, подсунули эту Василису, ни дна ей, ни по-
крышки! И зятя чуть не погубили, и самого Дубкова чуть не
закопали. Теперь без явных потерь из этой ямы им не вы-
браться. Так бы своими руками её и задушил! Да что гово-
рить, дело уже сделано. Только ведь и Дубков не лыком шит!
Если преподнести всю эту историю как заговор против Пер-
вого, можно не только заслужить прощение, но и к прежне-
му своему влиянию кое-что добавить – тут ведь даже спец-
службы проморгали.

Был и ещё один момент. Федюкин не сразу, но разгово-
рился. И выяснилась весьма занятная история. Оказывается,
заручившись для начала поддержкой Барчука – ему, види-
те ли, мало было влиятельного тестя – Федюкин попытался
установить приватные отношения с Аксельборгом. Вроде бы
так, на всякий случай. Но сколько ни подкатывал, всё впу-
стую.

«Странно, – задумался Дубков. – Это же надо быть пол-
ным дураком, чтобы игнорировать военного министра. С
ним ведь и дельце какое-нибудь можно повернуть, и вооб-
ще – как-никак допускают в Кремль без звука». Самое ло-
гичное объяснение было в том, что Аксельборг вёл свою иг-
ру, то есть задумал посадить на место Аркадия другого че-
ловека. А чем чёрт не шутит, может, и на более высокий
пост кого-то примерял. Надо же иметь ввиду, что многие те-
перь недовольны тем, что его стараниями творится в Востря-
ково. Инициатором этого проекта был нынешний премьер,

ну а финансовое управление получили Аксельборгу. Дубкову приходилось читать письма, которые писали и в правительство, и в Счётную палату. Тут и неоправданно высокие оклады приглашённым «из-за бугра», при том, что им было нечем заниматься – чётких задач пред ними никогда не ставили. Тут и отсутствие должного контроля за их работой, да и просто разбазаривание бюджетных средств – отчитались они за полученные деньги, а толку с этого никакого нету. Ну а про то, как влип депутат Госдумы со своими «липовыми» лекциями – про это все газеты написали. И тем не менее, Аксельборгу хоть бы хны, да и премьер по этому поводу помалкивает.

«Вот он, серый кардинал. Да что говорить, без его совета ни одно решение премьер не принимает, на все сто можно быть уверенным. Ну а Резвин – это скорее всего так, мальчик у него на побегушках».

До поры до времени Дубков не намерен был никого в это дело посвящать. Интуиция подсказывала, что он на верном пути, однако всё было пока вилами писано по воде, бездоказательно. Вот если бы удалось установить, что у Резвина с премьером имелись родственные связи, это был бы аргумент. Потому и хотел попросил Петрушина выяснить по своим каналам, что да как. Но в итоге Дубков пришёл к такому выводу: все эти мнимые связи в прошлом совершенно ни при чём, тут связь одна, но неоспоримая – оба прожжённые либералы, только они могли такую подлость для него устро-

ить.

Эти мысли о пятой колонне, о предателях настолько увлекли Дубкова, что он был уже не в состоянии работать. Ведь так можно и дуба дать, поскольку совершенно невозможно держать это в себе. Позвонил в сочинскую резиденцию и попросил о срочной встрече.

И вот снова сидят в кабинете, развалившись в креслах. Первый предложил было устроиться на веранде, на свежем воздухе, однако Дубков попросил, чтобы подальше от ненужных глаз.

Тут наконец решился:

– Ты как-то на днях говорил о поле битвы. Ну вроде бы, что своих мы с поля битвы на руках выносим.

– Про руки, это ты загнул, – усмехнулся Первый. – Я же вам не девчонка из батальонного санбата.

– Ну ладно, извини, не так выразился. Но речь тут о другом, – и посмотрев внимательно на Первого, спросил: – Ты хоть представляешь, с кем сражаешься?

«Вот уж удивил! Само собой, Дубков на нашей стороне, можно сказать, сидим в одном окопе. Только никогда прежде в тонкости закулисной борьбы он не вникал. Его дело – стрелять из берданки, в лучшем случае строчить из пулемёта. Ну а ходить в разведку и анализировать полученные сведения – для этого другие у меня найдутся. И всё же интересно, что он накопал?»

Следующие несколько минут только внимательно слушал.

Дубков, в основном, говорил о тех выводах, к которым пришёл, анализируя причины этой передрыги с зятем. Тут были упомянуты и премьер, и Василиса, и Резвин, и даже Аксельборг. В общем, все те персоны, о которых Первый знал довольно много, но вот оказалось, что не всё. Он молчал и, слушая Дубкова, всё пытался понять, насколько его собственные сведения стыкуются с тем, что говорит Дубков. И только когда тот закончил, так сказал:

– В общем-то, я в тебе никогда не сомневался. Ну а после того, что ты мне сообщил... – тут он развёл руками, улыбнулся. – Слушай, у тебя когда будет юбилей? То, что ты мне сообщил, тянет на Андрея Первозванного первой степени.

– Да ладно уж! Не за награды воюем. Была бы только Родина! – ответил Дубков, несколько перефразировав строки из любимых стихов.

После того, как Дубков отбыл восвояси, Первый ещё долго размышлял, сидя в кабинете. Конечно, из Дубкова аналитик ещё тот, однако и к его мнению следует прислушаться. В какой-то степени всё это напоминало гадание на кофейной гуще. Но даже если предположить, что Дубков перемудрил, рациональное зерно в его рассуждениях присутствовало.

«Что же мне делать с Аксельборгом? Можно при удобном случае лавочку эту в Востряково прикрыть, вот и Счётная палата много разных нарушений обнаружила. Но что это решает? Жаль, но Барчук тут не потянет – он против Аксельборга слабоват. Не совсем понятно и то, зачем они

добивались смещения Федюкина, ведь всё равно теперь в военном ведомстве преданный мне человек. Нет, что-то у Дубкова там не сходится. Ну разве что нужен им скандал, чтобы опорочить меня, а заодно и Барчука, у которого были какие-то свои дела с Федюкиным. Это возможно, но уж слишком сложная комбинация, а толку чуть. Подумаешь – имидж! Это дело поправимое, когда в руках центральные телеканалы.

Кстати, об имидже. В последнее время мой рейтинг на Западе упал. Тут и высокие цены на газ, и давление на Украину, грозившее перечеркнуть все их надежды подмять её промышленность под себя. А тут ещё Кайманского простить никак не могут...

Да, да, Кайманский. Ему уже недолго осталось сачковать на нарах. Можно было бы начать новое дело на основе старых фактов, но тогда поднимут такой вой! И это в преддверии Олимпиады. Однако и выпускать нельзя: вор должен сидеть! Сидеть в тюрьме или... Вот-вот, пусть и сидит – но только не в тюрьме, а там где-нибудь, за границей. Пусть там и корчит из себя политика. Недавний олигарх и бывший зэк, он на свободе никому нужен. Ну разве что своей семье. Политикам требуется мученик, страдалец, униженный и оскорблённый. А этот, упитанный, холёный после десяти лет отсидки, получит из швейцарского банка припрятанные миллиарды, и что тогда? Нет, вы только посмотрите – мученик в шикарном лимузине. Смехота!

Что ж, этот вариант вполне приемлем. Но при одном условии – если назад дороги нет. Ну чтобы даже духу его не было в России, чтобы не путался под ногами здесь, в Москве! Однако такую проблему не решить запретом. Лишение гражданства – это всё когда-то проходили. Нужен другой способ... А сделаем-ка вид, что и впрямь собираемся новое дело возбудить. Тогда, если не совсем дурак, после освобождения в Москву уже не сунется. Да если не поймёт сразу, то подскажут. Тогда уж он вприпрыжку отсюда побежит! А мы поможем в оформлении визы и доставим прямо к трапу самолёта. И все дела!

Может, он и вправду туповат? Да нет, скорее, слишком жаден! Вот ведь вернул бы деньги в кассу, тогда, глядишь, обошлось бы без суда. Честно говоря, трудно себе представить человека, который бы согласился десяток лет провести в тюрьме с условием, что после освобождения ему выплатят целый миллиард в валюте. Ну до чего всё-таки людей доводит алчность! Как он тогда выразился? Мол, для меня бизнес – это всего лишь игра, жёсткая игра с государством, в которой надо выйти победителем. А на Россию, на то, как живут простые люди, ему с пятого этажа нассать! Ну вот и получил всё, что причитается. Да стоило бы и ещё добавить!»

Глава 17. Добрый государь

Первое прошение Кайманский написал втайне от своих адвокатов всего через пару месяцев после того, как переступил двери барака в колонии строгого режима. Никто не собирался его там «прессовать», но, видимо, отличие условий тамошнего содержания от уютной камеры в Лефортово было столь разительным, что вызвало панику в душе бывшего олигарха. Он даже попросил о личной встрече. Что ж, если именитому зэку есть что сказать, так почему бы не послушать.

Несколько часов перелёта, и вот проситель здесь, стоит в кабинете перед ним. С наголо стриженной головой и запавшими от постоянного недоедания щеками он ничем не отличался от своих лагерных собратьев, только на скуле и на подбородке виднелись ссадины, видимо, следы побоев, да в потухших глазах едва угадывались остатки романтических иллюзий относительно превосходства развитого интеллекта над толпой.

– Здравствуй, добрый государь! – вымолвил арестант чуть слышно и поклонился.

«Уж не сошёл ли с ума? – промелькнуло в голове. – А может, просто издевается?»

– С чего это ты меня государем называешь и отчего – добрым? Я же тебя в тюрьму засадил, а ты будто благодаришь меня за это.

– Оттого и благодарю, что ты действуешь исключительно во благо государства, добрый государь, – арестант снова поклонился.

– Ну, что ты заладил – добрый, добрый! У тебя все, что ли, добрые – и следователь, и судья, и тюремщики, даже зеки в камере? Может, и Фима добрый? Как бы не так! Это же он руку приложил к тому, чтобы твой бизнес разорить! А ты что говоришь? Добрый! Небось, надоело на нарах чалиться, вот тогда про доброту и вспомнил.

Про Фиму он намеренно сказал. Пускай винит во всём другого олигарха, а «государь» как бы ни при чём.

– Нет, государь, дело тут совсем в другом. И даже не в Фиме – дал бы ты мне с ним поговорить, может и не пришлось бы тебе о его доброте рассуждать так иронично.

«И впрямь, блаженный. Должно быть, свихнулся на этой доброте. Так, может, вызвать доктора?» Потянулся, было, к звонку, но передумал. «Да нет, дело тут в другом. Им с Фимой только этого и надо – сговориться за моей спиной да поделить то, что ещё осталось в государстве». И вот тогда, выставив вперёд руку с указательным пальцем, будто нацеленным в лоб арестанту, словно бы выплеснул всю накопившуюся злость и заорал:

– Ты, блин, украденное в кассу верни, тогда и рассчитывай на нашу доброту!

Несколько секунд прошло в молчании.

– У тебя, наверное, голова болит оттого, что ты не знаешь,

где взять деньги для пополнения бюджета? – как бы смущаясь, выдавил из себя арестант.

– Уже не болит. С тех самых пор, как твою компанию расчехвостили, да в доход государства обратили, – «государь» уже успокоился и, словно бы вправду страдая головной болью, прикрыл глаза. – Так зачем же ты просил о встрече?

Арестант явно собирался с мыслями, вероятно, не зная, с чего бы стоило начать. Однако торопить его нельзя, поскольку решение о возврате всех оставшихся капиталов, тех, что разбросаны по зарубежным, пока что никому неизвестным счетам, он сам должен принять. Нужно было только аккуратно его подтолкнуть, обозначив иной вариант развития событий как крайне непривлекательный и бесперспективный. Ну так ведь сколько можно об одном и том же?!

«Интересно, каково это – миллиарды по собственной воле отдавать? Наверное, при этом испытываешь жуткие страдания. Иной даже с жизнью готов расстаться, лишь бы заветную кубышку не выпускать из рук. А этот... Только б не начинал среди ночи про либерально-демократическую дребедень, ведь и так все мозги уже проели придворные соратники. Им-то и впрямь свобода требуется – но только для себя. А о демократии мы, так уж повелось, если и вспоминаем, то лишь когда надо оправдать свои не слишком-то удачные действия ссылкой на волеизъявление народа».

«Государь» ещё раз исподлобья посмотрел на арестанта: «Итак, клиент, что называется, уже почти созрел, но что-то

ещё мешает ему принять окончательное решение. Возможно, признав фактический свой проигрыш, он просто не решается сказать об этом вслух. Только бы в обморок не упал, а то и ещё чего похуже...»

А в это время в сознании арестанта происходила страшная борьба. Он уже готов был произнести те самые слова, которые от него ждут. Но словно бы что-то постороннее возникло вдруг в его мозгу, и кто-то гнусавым и монотонным голосом принялся твердить, не замолкая ни на минуту, что ни в коем случае нельзя сдаваться. Что нужно драться до конца, пока не исчерпаны все возможности и остаются силы. Что мыслимо ли так вот, неважно, добровольно или по принуждению, отказываться от своих идей. Что всё случившееся с ним и все ещё предстоящие лишения оправданы великой целью. Затем к этому голосу присоединилось ещё несколько голосов и слышались упрёки в предательстве демократических основ, в отказе от либеральных ценностей. А вслед за тем случилось нечто и вовсе непереносимое – перед глазами возникли лица его детей, все в слезах, и, всхлипывая, срывающимися от волнения голосами, они кричали: «Папочка, не отдавай! Не оставляй нас нищими!»

Лицо арестанта исказилось, словно бы что-то разрывало его изнутри, рот изобразил подобие улыбки, обнажив крепкие белые зубы, а зрачки вдруг подпрыгнули и пропали куда-то, будто бы их и не было вовсе никогда. Вслед за этим тело рухнуло как от пушечного выстрела в затылок, и ес-

ли бы не расторопная охрана, арестант мог бы вконец попор-
тить себе лицо, а там разбирайся – били или не били, и если
били, то зачем?

Ясно было, однако, что так просто, то есть само собой, всё
это не могло произойти. «В конце концов, он же сам напро-
сил, значит, всё-таки принял окончательное решение, и не
таков этот человек, чтобы переменить всё в самый послед-
ний момент под влиянием неизвестно откуда нахлынувших
эмоций. Да и нищим-то его никто оставлять не собирался.
Ну, скажем, миллион евро – этого вполне достаточно, чтобы
прикупить сыродельню или какой иной заводик где-нибудь в
Швейцарии, дать достойное образование детям и тихо-мир-
но доживать свои дни, более не будоража политический бо-
монд и не вызывая зависти у своих сограждан».

Такие мысли пронеслись в голове хозяина кабинета, по-
ка охрана выносила арестанта в приёмную, а прибежавшие
врачи приводили его в чувство.

«Ну что ж, выходит, не судьба выгрести из этого жирно-
го котла валюту. Непонятно только, кого же следует пример-
но наказать. То ли лагерная администрация чего не догляде-
ла, то ли по дороге что произошло? Ну что ж, в тот раз не
повезло, а позже стало и совсем не до него. Если же сейчас
с Кайманским всё получится как надо, тогда и Аксельбор-
гу, и другим не сдобровать. Вот если бы возник у них аль-
янс, с таким тандемом справиться было бы тяжело. И
всё же, сколько ни ломаю голову, никак не пойму – ворочают

миллиардами, так чего же им неймётся? Неужели мало того, что уже награбили?! Слава богу, хоть Проша не разочаровал. Подёргался, подёргался, пару раз вляпался по самое оно и в итоге всё-таки решил не лезть в политику. Вот так и надо. Каждому своё! Кстати, его «закадычный дружок» Потутаев один раз тоже сунулся во власть, распихал госсобственность по частным лавочкам, не забыв, понятное дело, про себя, и был таков! Да кто после этого ему поверит? Нет больше дураков! Недавно заявил, будто бы жертвует своё состояние на благотворительность, в какой-то фонд. Понятно, что совесть тут совершенно ни при чём. Цель только в том, чтобы после развода бывшей жене ни копейки не досталось. Да, жадность куда только ни приведёт».

И вот теперь, после встречи с Дубковым, можно уже ставить точку в этом деле, поскольку он нашёл подходящее решение. Явившийся по вызову секретарь записал несколько поручений, которые следовало незамедлительно исполнить. Во-первых, сообщить адвокатам Кайманского, что тот может подавать прошение о помиловании, причём без каких-либо условий. Во-вторых, дать утечку в прессу, будто есть перспектива возбуждения нового дела против него и его партнёров. А самое главное поручение Первый дал исполнителям сам: собрать всю информацию о связях Аксельборга с премьером, а премьера с Резвиным, и копать, копать... Пока не накопают что-нибудь.

Эта проблема – кто есть кто? – возникла перед ним ещё

шесть лет назад, когда подбирал себе преемника. Кому можно в полной мере доверять? Кто не изменит выбранный им курс? Кто не предаст, не станет перетягивать одеяло на себя? Ну и наконец, кто через отведённые ему четыре года откажется от борьбы за переизбрание?

Увы, выбор был не велик, всего-то на всего пять-шесть человек. Да и то, не каждый из них подготовлен к этой должности. Ну, скажем, в преданности Дубкова он не сомневался, как-никак вместе уже много лет. Но вот беда, дальше своего носа Василий Степанович ничего не видит. К тому же бывший партийный функционер вряд ли мог вызвать симпатию у большинства электората. А если посмотреть на то, как он настырно проталкивает наверх своего зятя... Конечно, забота о своей семье – дело важное, но всё же иной раз это застит глаза, мешает верно оценить сложившуюся ситуацию.

Но вот другой – тот, что нынче его «правая рука». Ему всецело доверял ещё со времени работы «в органах». Однако было опасение, что не потянет, поскольку привык всегда быть на вторых ролях. С одной стороны, это и хорошо, но что же это за президент, если по каждому пустяку будет бегать за консультацией к премьеру? Вот и в экономике ничего не смыслит, и самое главное – на нём та самая печать гэбиста, то самое «проклятие», которое может вызвать отторжение его кандидатуры у немалой части избирателей, пострадавших от прежнего режима.

Так он их и перебирал: тот слишком мягок, не удержит

власть, этот может перебежать на сторону всё тех же либералов. Но главное опасение в другом. Ну вот найдётся подходящий «кадр» – по всем параметрам подходит, спокойный, рассудительный, имеет деловую хватку и вообще – ничего, кроме положительных эмоций общение с ним не вызывает. Но если так во всём хорош, если народ его полюбит, не возникнет ли у него желание сохранить за собой высокий пост и на последующие четыре года? И кто знает, не захочет ли тогда всё поменять, в корне изменить отлаженный механизм управления державой?

В итоге выбор стал неожиданным для всех. Не генерал и не гэбист, хотя и с юридическим образованием, однако в экономике до назначения на пост премьера ни шиша не смыслил. Да никому и в голову не могло прийти, что у него есть какие-то амбиции в борьбе за власть. В общем, поверил, что уж на этого можно всецело положиться.

И как же он потом ругал себя! Как матерился сквозь зубы, когда докладывали о новых причудах нерадивого соратника. Ну кто же мог предположить, что это вечное «второе я» вдруг возомнит себя спасителем державы, зачинателем подлинных реформ, символом грядущего процветания под знаменем либерализма? Да, прав Дубков – без постороннего влияния тут не обошлось. Уж слишком рано успокоился, решил, что с этим-то не будет никаких проблем. А тут на тебе – кто-то взял и перехватил инициативу. Это могла быть и слишком энергичная супруга, и её окружение либерального

пошиба. В своё время он запретил в этом направлении «копать», сказал, чтобы семью и друзей оставили в покое. У них ведь был в какой-то мере общий круг общения. Но выясняется, что проглядел. И вот теперь придётся начинать всё как бы заново.

Теперь ещё один вопрос: почему вновь назначил его на пост председателя правительства? Да просто вариантов почти не было. Либо в стране начнётся политический раздрай с непредсказуемыми результатами, либо придётся потерпеть, пока не представится удобный случай убрать с политической сцены этого ренегата. Тогда не получилось. Может быть, сейчас?

Глава 18. Шантаж

В кабинет Викулова, даже не постучав для порядка, вошли двое. Не представившись, сели перед ним на стулья, и только тогда один из них предъявил документ сотрудника Администрации. А после этого перешли прямо к делу:

– Нам надо ознакомиться с показаниями против Федюкина.

– Это закрытая информация, пока ведётся следствие.

– Закрытая даже для нас? – удивился один из них.

– Вот будет письменное распоряжение начальства, тогда и приходите.

– Первый раз вижу такого упёртого, – не сдержался один из них, тот, что помоложе.

– Ладно, не горячись! – придержал его другой. – А вам я бы посоветовал быть осторожнее. Генерал предупредил, что вы строптивый, но не до такой же степени. И чего он так держится за вас?

– Вы бы у него спросили.

– Спросим, если будет надо. Так что, категорический отказ?

На том беседа и закончилась. Удивило то, что они из Администрации. Насколько знал Викулов, их начальник почтения к бывшему министру не испытывал – его бы воля, он бы Федюкина в лагерной параше утопил. Тогда зачем все эти

вопросы? Не исключено, что там хотят быть в курсе, но это можно сделать и через Стрекалова. Видимо, тот не хотел раскрывать все козыри и предпочитал докладывать напрямую в Кремль, на самый верх.

Одно Викулов понимал: чем ближе дело к завершению, тем больше будет вот таких визитов, появятся посланцы от заинтересованных лиц, будут искать способы оказать на него давление. Причём интересы у них прямо противоположные – одни заинтересованы в том, чтобы дело форсировать и поскорее отправить Федюкина на нары, другие всеми доступными способами будут стараться его обелить. Однако того, что случилось через несколько дней, он никак не ожидал.

По субботам они с Элен выбирались куда-нибудь развеяться – в театр или в ресторан. В театр Егор соглашался пойти только ради того, чтобы не обижать супругу. А так – зачем ему вся эта дребедень? Да у него в кабинете чуть ли не по нескольку раз на дню разыгрывались такие драмы и трагедии! Даже Станиславскому ничего подобного не снилось. И вот когда в очередной раз припёрлись в «Современник», уже в антракте это и произошло – Элен отлучилась в дамскую комнату привести себя в порядок, и тут же перед ним, как из-под земли, выросли два приличного вида гражданина и попросили уделить им несколько минут, мол, это очень важно для него. Ну, отошли в сторону, где было поменьше народу, тут и началось:

– Егор Тимофеевич! Это неформальный разговор, поэто-

му, если позволите, представляться мы не будем.

«И что это они ходят только по двое?» Вспомнив о недавней встрече, Викулов уже понял, что предмет разговора снова будет иметь отношение к его делам. Егор избегал подобных встреч – это могло закончиться неприятностью, если бы о таких переговорах донесли начальству. Но здесь что-то подсказало: надо их обязательно выслушать, а уж потом решать, что делать дальше.

– Так что вам нужно?

– Видите ли, речь о вашей жене...

– Вот как? – Викулов и вправду удивился.

– Дело в том, что она совсем не то лицо, за которое себя выдаёт.

Мать честная! Неужели докопались? Но если даже так, предъявить им было нечего. Ну разве что попытаются взять клиента на испуг.

– Вам-то какое дело?

– Да в сущности, никакого. Мы только хотели бы обратить ваше внимание на то, что связь с бывшей подследственной, мягко говоря, не делает вам чести. Вы это понимаете?

Как стелет! Нет, на уголовников эти не похожи. Эфэсбэшникам такие разговоры тоже ни к чему. Да, слишком примитивно работают. Скорее всего, подослали подельники бывшего министра – из тех, что ещё не «засветились». Не исключено, что это след из прошлого, кое-кто мог забеспокоиться. Ведь если Федюкина не удастся вытащить, если начнёт

торговаться, вымаливать себе снисхождение, то может сдать тех, с кем проворачивал дела ещё в ту пору, когда занимался налогами и сборами. К сожалению, Викулову не удалось толком разобраться в тех давних, налоговых аферах. И времени для этого было недостаточно, да и фигуранты дела откровенностью не отличались, судя по материалам следствия. Ну что ж, надо бы послушать этих, а там уже можно делать выводы. Поэтому ответил просто, не дав себя на этом вопросе подловить – они-то наверняка рассчитывают, что он станет оправдываться, тем самым признав их правоту. Да мало ли какие у «следаков» бывают связи!

– Вы ошибаетесь. Моя жена тут совершенно ни при чём.

– Напрасно вы так! Мы знаем, что она проходила по делу, которое вы вели.

– Вы что-то путаете.

– Её узнал один из фигурантов того дела.

– Что ж, и протокол опознания готовы предъявить?

– Вот как заговорил! – возмутился один из них. – Я бы вам не советовал идти таким путём. А то ведь мало ли...

– Если руководство мне не доверяет, пусть отстраняет от работы.

– Погодите! – вмешался другой. – Никто не собирается вас отстранять. Вы только поймите, Егор Тимофеевич, что нам хотелось бы всё уладить по-хорошему. Мы очень рассчитываем на ваше понимание.

– И что же такое я обязан понять? – Викулову пришлось

сделать вид, что уступил нажиму.

– Да сущие пустяки! – обрадовался тот, другой. – Вы и сами это знаете. Мы лишь хотим напомнить, что залогом успешной карьеры являются дружба и взаимовыручка. Вот мы бы и хотели, чтобы вы нам кое в чём помогли.

– А почему бы вам не обратиться сразу к генералу?

– Если понадобится, обратимся. Однако не хотелось бы тревожить высших должностных лиц, если дело можно уладить и на этом уровне.

– На этом? Вы имеете в виду меня?

– Мне кажется, вы начинаете всё понимать.

– Так что вам нужно?

– Я же сказал, что сущие пустяки! Надо бы слегка подкорректировать признательные показания, в которых организатором или участником объявляется известный вам Аркадий. Надеюсь, фамилию не надо называть?

«Ах вот как! – усмехнулся Викулов. – Ну наконец-то до сути добрались. А то ведь Элен уже начала скучать – только взглянула на меня и поняла, что не стоит вмешиваться в этот разговор. Ну что ж, попробуем ещё кое-что вытащить из дилетантов. Придётся им немного подыграть».

– Послушайте, это всё детский лепет! Как я могу изменить показания подследственного? Да и генерал уже в курсе...

– Но ведь он протоколы не читал?

– Естественно. Ему и без этого дел хватает.

– Вот-вот! – сказали оба хором. – К этому мы и ведём.

Пусть имя Аркадия там остаётся, пусть даже будут обвинения в его адрес. Но всё это как бы предположительно, якобы со слов того же Тюлькина, но без малейших доказательств.

– И всё равно это не проходит, – возразил Викулов. – Мне же протокол допроса заново придётся оформлять. А вдруг подследственный заартачится, не захочет подписать?

– Не беспокойтесь! Уж с ним-то мы договоримся, – заулыбались оба.

– Вы полагаете, что Тюлькин согласится взять главную роль на себя?

– А почему бы нет? Что вас удивляет?

– Но это дополнительно три года к сроку.

– Господи! Какая забота о преступниках! Ну посидит ещё годик-другой, зато будет сыт, обут и главное – здоров!

Тут раздался третий звонок. Последние слова были сказаны на ходу:

– Так что, договорились?

– Я подумаю.

«Конечно, это блеф, – рассуждал Викулов, уже сидя в зале. – Да нет у них таких возможностей, чтобы доказать, что Элен и та Елена – это один и тот же человек. Здорово мы с ней следы запутали! Вот если только в деле сохранились какие-то подробности, тогда да... Единственный выход из этой ситуации – смотаться в Питер и там на месте попытаться разрулить...»

Дома Элен пристала – что, да как? Пришлось ей расска-

зять. Она всё сразу поняла:

– Тебе ни в коем случае нельзя ехать!

– Понятно, они только этого и ждут.

– Тогда поеду я сама.

Этого он никак не ожидал. Конечно, ей ничего не грозит, ну изменила фамилию на законных основаниях, подправили ей в паспортном столе имя. Где тут криминал? Но вот пойти на риск ради него, ради его карьеры...

– Нет, Элен! Это невозможно.

– Я справлюсь, вот увидишь!

– Но как?

– Там, на месте разберусь.

Откуда-то из дальних закоулков памяти возникла мысль: а вдруг опять? Вдруг примется за прежнее ремесло? С кем надо, переспит, ну и подчистят они то следственное дело. Видимо, эта мысль читалась в его взгляде, потому что она воскликнула:

– Егор! Ну как ты мог подумать?!

Тут слёзы появились на её глазах. Егор только и смог сказать:

– Какой же я дурак!

– Не дурак, а дурачина! Любимая моя дурачина.

Элен обняла его, прижалась тёплой грудью. Но, в общем-то, сейчас было не до нежностей.

Попробовали составить план. Викулов знал, что там ещё работает кое-кто из прежних сослуживцев. Некоторым он

когда-то абсолютно доверял, даже в таком щепетильном деле мог на них рассчитывать. Но что с ними стало за прошедшие годы? На кого они работают? Ведь не железные, могли за это время измениться, приспособиться к тому, что происходит.

Видимо, рискнуть всё-таки придётся. Но если только Элен почувствует, что там нечисто, надо сразу же дать ход назад. Чёрт с ней, с карьерой! Проживём. Ну вот, к примеру, можно было бы заняться частным сыском.

Элен его поддержала:

– С такими способностями ты не пропадёшь. Будет в России свой Эркюль Пуаро!

– Ну а ты попробуй стать Агатой Кристи.

Глава 19. Тапки для Федюкина

Как только Раечка со своей командой ввалилась в дом, хозяйка предложила всем снять обувь. Оператор с осветителем так и работали потом в носках, хорошо хоть не дырявые, а Раечке достались тапки, судя по всему, сорок пятого размера и к тому же явно ношенные. Раечка сразу догадалась, что к чему, однако решила свою догадку пока попридержать. Готовясь к этому интервью, она оделась поскромнее, ну а Василиса и вовсе выглядела как женщина, только недавно потерявшая своего кормильца. Вся в чёрном, волосы собраны в узел на затылке, а на лице только еле заметные следы от макияжа. Правда, её унылый вид плохо сочетался с роскошной обстановкой квартиры, характерной скорее для места обитания содержанки богатого банкира, а вовсе не для помещения, где подследственные проводят время в ожидании суда.

Как только уселись на кухне, хозяйка сразу перешла на «ты»:

– Располагайся, Раечка! Будь как дома. Сейчас чайку попьём, и я отвечу на все твои вопросы.

Попили чаю с сушками. Раечка против скромного стола не возражала, поскольку и в гостях старалась диету соблюдать. А Василиса, кроме сушек и чая, ничего пока не предлагала. Как-никак предстоял серьёзный разговор. Ну вот, Раечка достала свой блокнот и началось:

– Так ты признаёшь свою вину?

– Ой, Рая! Ты прямо как настоящий прокурор, – улыбнулась Василиса. – По-моему, тут всё предельно ясно. Мне нечего признавать, потому что ничего и не было. Я столько пользы нашему государству принесла, а они намерены, как это у них принято, замочить меня в сортире. И всё только потому, что не хочу никого оклеветать.

– А как к твоему аресту отнеслась Дина Марковна?

– Мама, конечно же, переживает. Но что поделаешь?

– Все журналисты в один голос говорят, что у тебя шикарная квартира, никак не соответствующая уровню доходов, – продолжала Раиса, время от времени заглядывая в свой блокнот.

– Враньё! Ты же сама видишь: квартирка так себе, всего несколько комнат, из которых только четыре предназначены лично для меня. Остальное – кладовка, комнаты для гостей и для прислуги, ну и всё такое прочее. Да у твоего папы наверняка квартира была больше!

– У нас была не квартира, а целый дом, – Раечка, судя по всему, обиделась за папу.

– Ну вот! А здесь из-за нескольких квадратных метров вой просто ужасный подняли. Совести у них нет, я так тебе скажу.

– Ещё говорят, что у тебя изъяли пять баулов с драгоценностями.

– Ох уж эти драгоценности? И не надоест их обсуждать?

Что-то мне подарила мама, что-то бабушка. Папа меня тоже баловал, я же у него одна. Да и сама тружусь, не покладая рук. Жаль, конечно, когда отбирают кровно заработанное.

Тут на глаза Василисы навернулись слёзы. Могло бы дойти и до истерики, если бы Раечка не пришла на помощь:

– Ах, как я тебя понимаю! У меня десять лет назад украли драгоценностей на пол-лимона баксов.

– Какой кошмар! – всплеснула руками Василиса. – И что?

– Живу, как видишь. И даже процветаю.

– И правда, что в этом особенного? Подумаешь, побрякушки...

– Ладно, давай не будем вспоминать о грустном. Я слышала, что ты теперь всё свободное время посвящаешь творчеству, вроде бы занялась литературой.

– Ну, это можно понять. Я знаю, ты и сама что-то пишешь. Но вот одни в прозе свои чувства излагают, а меня почему-то тянет на стихи.

– Что ж, вполне достойное занятие. Возможно, придёт время, и напишешь мемуары.

– Ну, это вряд ли, – Василиса замотала головой. – Разве что в стихах.

– Давай вернёмся к прошлому, на год назад. Как ты думаешь, из-за чего всё это началось? Почему так накинута на тебя и на Федюкина? Кто дал команду?

– Нет, Раечка, я не знаю, кому Федюкин дорогу перешёл. У каждого реформатора полным-полно врагов. И он не ис-

ключение.

– Да, по своему опыту скажу, что политика – это дело грязное. Тут ко всему надо быть готовым. Кстати, ты состоишь в какой-нибудь партии?

– Ой, что ты! – воскликнула Василиса. – Я вообще очень далека и от политиков, и от политики. Честно признаюсь, это не моё. Митинги, шествия, закулисные интриги... Я слышала, и ты, и очень многие достойные люди этим увлекаются, но только не я, – и развела руками, как бы извиняясь, а потом взглянула на Раечку с кокетливой улыбкой: – А всё же согласишься, у нас с тобой есть много общего. Я тоже была не прочь ночь провести в каком-нибудь закрытом клубе. Признаюсь, мы часто там гудели, так что дым коромыслом, а наутро хоть не просыпайся – совсем больная голова...

– И с кем ты там гудела?

– Ах, да какая разница! Кстати, хочешь по глотку шампанского?

– Нет, я совсем не пью. Во всяком случае, перед телекамерой.

– И правильно. Вот и здоровье у тебя отменное, не то что у меня.

– Ну ладно, две молодые светские львицы собрались, а говорим почему-то о здоровье, – рассмеялась Раечка.

Этот их разговор всё более стал напоминать посиделки на завалинке из «Дома-2» двух девочек-переростков, а не беседу с одной из обвиняемых по нашумевшему делу. Но ви-

димо, свою натуру невозможно изменить, и потому Раечка, выдержав небольшую паузу, задала главный свой вопрос. Ну просто невозможно было удержаться!

– Ты мне скажи, но только честно, у тебя с Федюкиным что-то было?

Василиса была явно смущена. Зачем ещё о чём-то спрашивать, если вся страна знает, что Федюкина застукали в одних трусах в её квартире. Растерянно посмотрев по сторонам, словно бы в поисках подсказки, Василиса обиженно сжала губы и тихо произнесла те самые слова, которые на всякий случай приготовила заранее:

– Раечка, ты извини, но я свои интимные связи не считаю возможным афишировать.

– А я вот никогда их не скрываю. И тем горжусь!

– Ну, для тебя это реклама. А мне пиариться вроде ни к чему.

– Напрасно ты так думаешь. Сейчас пиар тебе совсем не помешает.

– Но только не ценой предательства.

– Ну хоть на ушко мне тихонечко скажи.

– И не надейся! – рассмеялась Василиса.

– А тапки тогда чьи? – и Раечка подняла с пола огромный чёрный шлёпанец с серебряной нашлёпкой.

– Это же папины. Когда он приезжает, я ему всегда их подаю.

Ах так! Выходит, тут всего лишь забота о папаше. Тогда

Раечка пустила в ход последний аргумент:

– А ты знаешь, что Аркаша твой к жене вернулся?

Василиса побледнела и вся словно бы съёжилась, хотя при её комплекции это было нелегко.

– Не может быть! Кто тебе сказал?

– Ну как ты думаешь, почему его дело спускают на тор- мозах?

– Это же ясно. Я ничего им об Аркаше не сказала.

– Ну и наивна же ты, мать! Глядя на твои успехи в бизнесе, никому и в голову не придёт, что ты ни хрена не понимаешь в людях.

– Нет! Я тебе не верю! Это клевета! Он не мог так поступи- ть!

– Ну позвони ему, тогда всё сама узнаешь.

– Это невозможно.

– Неужели ты боишься?

– Просто мы договорились, чтобы не звонить. Только ко- гда всё уже закончится... – Василиса впилась глазами в Ра- ечку, словно бы пытаясь разглядеть в них правду. – Нет, всё равно тебе не верю, он не мог! – и помолчав, чуть слышно прошептала: – На ограде своей я повесила хмель, и дурма- нит трава всех прохожих отсель...

Раечка чуть не поперхнулась. Когда вела на телевидение программу для косноязычных недорослей, всякое приходи- лось слышать. Но чтобы так выражать свои чувства! Да уж, пытаешься любыми способами поднять культурный уровень

народа, но вот услышишь всего-то несколько слов и сразу же осознаёшь – всё без толку! Грустно это, что ни говори! А тут ещё Раечка припомнила ту давнюю кражу драгоценностей и совсем расстроилась.

Конец интервью оказался скомкан, но это дело поправимое – можно перемонтировать, подправить кое-что. А вот потерянное, к сожалению, уж не вернёшь. В сущности, все эти «цацки» ей подарили, но можно и так сказать, что собственным потом и кровью заработала. Ох, нелегка доля подружки «богатенького Буратино»! Ведь никогда не знаешь, чем может обернуться даже банальный адюльтер. Вот и мамаша угодила прямо из огня да в полымя. Пыталась отмазать от суда своего «хахаля», чего только не предпринимала – не помогло. Потом подозревали её в растрате каких-то там пожертвований. Да мелочь же! Какая дура из-за этого станет рисковать? А в результате выперли со всех постов – теперь, даже если на коленях у неё просить, ничего не сможет сделать. Да уж, судьба! Главное, другим всё сходит с рук, а тут чуть что – грозятся посадить на нары.

Глава 20. Игры «следаков»

Итак, они всё же решились на эту авантюру. Затея, что ни говори, бредовая, совсем как в детективном телесериале, но что поделаешь, если ничего другого не приходит в голову? Викулов заказал билет на самолёт до Сочи, вроде бы Элен решила отдохнуть. Пришлось даже расщедриться на бизнес-класс, поскольку других билетов уже не было, как-никак бархатный сезон. Ему-то придётся в этом году обойтись совсем без отпуска. Ну а Элен тем временем, где на электричке, где на перекладных добралась до Бологого и затем продолжила свой путь к конечной цели.

Но кто же мог предполагать, что через пару дней всё так изменится? Тюлькин внезапно попросился на допрос, хотя толку от него было уже мало – предстояло более предметно доказать его признания, а там можно снова взяться за главных фигурантов дела. Пришёл, как и прежде, со своим защитником. И вот чуть ли не с порога адвокат Тюлькина сообщает, что тот отказывается от прежних показаний. Как это? От всего, что за несколько месяцев наговорил? Нет, граждане, это не пройдёт!

– Мой подзащитный заявляет, что на него было оказано давление.

– Когда и кем?

– Как это кем? – возмутился адвокат. – Будто вы не знае-

те! Тюрьмой пугали. Грозили намотать срок, если откажется дать показания на Федюкина.

– У вас есть доказательства?

– А никаких доказательств и не надо. Достаточно только глянуть в УПК.

– Что вы хотите этим сказать?

– А то, что мой подзащитный утверждает, что знать ничего не знал про участие в их делах Федюкина. Вынужден был оговорить честного человека только потому, что испугался.

– Теперь не боится?

– Теперь нет.

– Но вы не хуже меня знаете, что суд может не принять во внимание его отказ от прежних показаний.

– Так ведь свою вину он не отрицает, а что касается показаний против Федюкина, это лишь ничем не подкреплённые слова. Сегодня одно сказал, а завтра что-то вспомнил, и понял, что соврал. С кем не бывает?

Дело принимало интересный оборот. Видимо, посчитали, что следователя шантажировать – себе дороже. Ну отстранят этого, а где гарантия, что на замену не придёт ещё более упёртый? Гораздо эффективнее иной подход – найти слабые места в материалах дела и хорошенько поработать с Тюлькиным. Но тут нужен толковый адвокат. А где его взять, если на всю Москву толковых – раз, два и обчёлся! Так что вряд ли у них что-нибудь получится, хотя для «следака» это дополнительные хлопоты и головная боль.

В общем, с одной стороны приходится признать, что генерал по головке не погладит. С другой – всё, что ни есть, всё к лучшему. То есть для дела не очень хорошо, зато шантаж становится неактуальным и отпадает необходимость в этой придуманной ими авантюре. Нужно было срочно сообщить Элен.

– Вы посидите тут минуточку, мне нужно позвонить.

– Да-да, посоветуйтесь. Я не возражаю, – усмехнулся адвокат.

Викулов вышел в коридор, выбрал место поукромнее и набрал номер мобильного Элен.

– Привет, милая! Я не могу долго говорить, но тут, похоже, что-то изменилось. Надеюсь, ты ничего не успела предпринять?

– Нет, пока ничего определённого.

– Ну вот и хорошо! Ты погуляй там пару дней, сходи в музей или в театр. Как только окончательно всё разъяснится, я позвоню. Целую, и до скорой встречи!

– И я тебя люблю!

Вернувшись в кабинет для допросов, Викулов сел за стол и с грустным, даже почти что обречённым видом заявил:

– Ну что ж, ничего тут не поделаешь. Давайте составим протокол.

Когда формальности были улажены, Викулов вернулся в управление, и тут же его вызвал генерал.

– Где ты там шляешься? Когда надо, так никого из следо-

вателей не могу найти.

Нельзя сказать, что генерал очень уж был расстроен или обозлён. Такой суровый тон в разговорах с подчинёнными стал для него нормой. Только с Викуловым позволял себе поговорить немного по душам, да и то не выходя за допустимые рамки общения следователя по особо важным делам с генерал-полковником юстиции.

– Ну что, Егор? Что там с этим Тюлькиным?

– Да вот, отказался от прежних показаний в отношении Федюкина.

– И больше никаких зацепок? Неужели нас переиграли?

– Да есть ещё кое-что, Аристарх Игнатьевич.

– Так не томи, давай выкладывай!

Викулов рассказывал не спеша, словно бы подбирая каждое слово. Но вовсе не для того, чтобы немного подразнить сурового генерала, а только чтобы не внушить раньше времени веру в окончательный успех.

– Есть некоторые эпизоды, связанные с распродажей военного имущества, где без прямых указаний Федюкина просто невозможно было обойтись. Ну скажем, лесные угодья вокруг военных полигонов. Никто, кроме министра, не мог подписать такой приказ. Да потому что это не какое-нибудь здание бывшей академии, госпиталя или детсадика, а территория, в той или иной степени связанная с боевой подготовкой армии.

– Что значит «в той или иной»? Что-то уж очень осторож-

но выражаешься.

– Тут ещё многое не ясно. По некоторым документам эти уголья числятся за армией, по другим – принадлежат лесхозу. Там ещё надо покопаться.

– Ну так давай, дерзай! Чего уселся?

Генерал после доклада Викулова явно подобрел, да если бы и не так, не привык Егор на начальство обижаться. Это ведь он работает, по сути, под прикрытием, потому как вряд ли что-то смог бы сделать без поддержки своего начальства. Ну а генерала кто будет прикрывать в случае чего? Нет, у начальства жизнь не сахар, того и глади можно угодить прямо в жернова.

Ну вот, генерала он кое в чём удовлетворил. Да и эта история с Элен вроде бы становится неактуальной. А всё равно не по себе, на сердце как-то уж очень беспокойно. Всё дело в том, что вряд ли удастся в чём-то серьёзном уличить Федюкина. Если эти уголья принадлежали министерству, он имел полное право их продать. Ну а заниженная цена – это зацепка очень хлипкая, да и не сам министр стоимость земли определял. Если же земли принадлежат лесхозу, тогда что же – привлекать его по статье за воровство? Да нет, всё равно отмажется, мол, знать не знал, что земля чужая, а во всём землемеры виноваты. Так что рано ещё успокаиваться, по-всякому может повернуться.

Было о чём подумать и Стрекалову. Но для начала пришлось позвонить и доложить. Всё честь по чести: что Тюль-

кин показания изменил, что протокол оформлен, и что теперь Федюкину «отсидка» по большому счёту не грозит. Это конечно, если не откроется что-то более серьёзное. Впрочем, об этом Стрекалов не сказал, пусть будет сюрпризом, если что получится, а пока пусть радуются. Уж очень не любил генерал такие игры. Если виноват, так должен сидеть – вне зависимости от должности и близости к власти кого-то из своей родни. А то ведь развели семейственность – папаши занимают высокие посты в правительстве или в госкомпаниях, а детки под их покровительством творят такое, что честный, ответственный перед своей Отчиной гражданин никогда не мог себе позволить.

Вот ставишь себе цель – бороться за уничтожение всякой скверны, все силы кладёшь на борьбу с ворюгами и коррупционерами. А потом вдруг раздаётся звонок из Администрации, и всё – сливай воду, генерал! Иногда просто желание работать пропадает. Ну да ничего, нас так просто не возьмёшь. Они нас с одного боку обойдут, а мы что-нибудь ещё придумаем. Впрочем, этих, из Администрации, он в последнее время просто посылал куда подальше. Нечего совать свой нос не в свои дела! Ну а когда приходится докладывать напрямую Первому, тут уж не пошлёшь, тут себе дороже выйдет, хотя по правде говоря, иногда тоже очень хочется.

Его не зря часто упрекали в невоздержанности. А что поделаешь, если характер очень непростой у правнука хуторского атамана? Всякое бывало. Как-то приструнил кое-кого

из этих журналюг, так они на всю Россию раззвонили: «Караул! Элиту нации, защитников всяческих свобод генералы избивают!» А как же их не мордовать, когда пишут совершеннейшую ахинею, лишь бы власть в чём-то обвинить. Лишь бы тень на плетень навести, и под это дело получить кое-какие дивиденды. Вот-вот, лают, как моська на слона! Любой пустяк раздувают до немыслимых размеров. Любую сплетню подхватывают, лишь бы спровоцировать скандал. Вставляют палки в колёса правоохранительным органам, защищают жуликов и извращенцев... Да что говорить, скверные нынче времена!

Если бы не поддержка Первого, он бы, наверное, давно ушёл в отставку. Конечно, жаль губить карьеру, тем более что не в пример некоторым он лет пятнадцать обитал где-то на задворках и лишь недавно получил свой шанс. В общем-то, он всё понимал тогда и не обижался. В те времена нужны были люди гибкие, потому как приходилось вести тонкую игру, ладить с теми же ворюгами – достаточно вспомнить пресловутую «семибанкирщину». Но вот теперь пришёл его черёд, терпеть этот бардак никаких сил уже не стало. И словно злобный пёс, сорвавшийся с цепи, он стал кусать налево и направо. Затем его опять на цепь сажали, а только хозяин где-нибудь не доглядит, он снова за своё.

Кстати, сравнение с цепным псом его ничуть не обижало. Пёс как пёс, не то, что какая-нибудь моська. Такого вполне можно натравить даже на здорового слона. Когда воз-

никала такая перспектива, Аристарх Игнатьевич чувствовал восторг, невиданный прилив сил и с упоением брался за большое дело. Кое-что удалось, об этом и теперь приятно вспомнить. Однако с сожалением приходится признать, что все его укусы оказались не смертельны. Да, польза есть, но в жизни мало что меняется. Одни ворюги уходят, другие приходят на их место – это у них ротацией кадров называется. Что ж, если так, то работы ему хватит на долгие года! А потому что такого злого пса им больше не сыскать!

На этом генерал успокоился и занялся текущими делами.

Глава 21. Три кита

Прошло два месяца. Викулов работал на пределе сил. Вроде бы грех на здоровье жаловаться, однако и адвокаты, и подследственные, и свидетели словно бы сговорились – все хором утверждали, что бывший министр тут совершенно ни при чём. Пришлось искать новые доказательства, другие аргументы, чтобы заставить их вернуться к прежним показаниям. Кое-что удалось, и вот когда стало уже ясно, на чём можно строить обвинение Федюкину, Викулова вызвал генерал. Как и положено, Егор рассказал о том, что в ближайшее время готов привлечь Федюкина по статье за превышение служебных полномочий.

– Так, значит, – сказал генерал, ничем не проявляя своего отношения к содержанию доклада. – Ну что, теперь твоя душенька довольна?

– Да вроде бы... Если лет на пять закроем этого Федюкина, другим и в голову не придёт так нагло воровать.

– И кому за это отвечать придётся?

– То есть как?

Викулов ничего не понимал. За последнее время от Стрелкова, кроме похвалы, ничего не приходилось слышать, а тут вдруг сразу такой резкий поворот. Что же это – ось Земли перевернулась или время пошло задом наперёд? А между тем генерал уже встал во весь свой громадный рост и, упира-

ясь руками в стол, буквально уничтожал подчинённого злобным взглядом, словно бы вдавливая его в пол. Кто бы поглядел со стороны, наверное, увидел бы крохотного лилипута рядом с великаном.

Егору было невдомёк, что точно в такой же ситуации оказался час назад и сам Стрекалов, когда его вызвали на ковёр. Даже несмотря на превосходство в росте, он чувствовал себя карликом рядом с Первым. А какие ещё ощущения могут быть, когда приходится вот такое слышать?

– Ты что себе позволяешь? Ты какие игры устраиваешь за моей спиной? Я же тебе ясно сказал: без моей санкции ничего против Федюкина не предпринимать!

Ему бы промолчать, а он с дуру возьми и ляпни:

– Так против фактов не попрёшь.

– А против меня, выходит, можно?!

– Я не то хотел сказать, Владлен Владленыч.

– Так говори, а то ведь скоро такую возможность можешь потерять! – никак не мог угомониться Первый.

«Язык, что ли, собирается отрезать?» – подумал Аристарх Игнатьевич, ну а пока такого не случилось, решил сказать, как на духу, всё то, что за последние годы наболело.

Пока Стрекалов говорил, Первый всё так же строго и внимательно смотрел ему в глаза, пытаясь уловить малейшие признаки того, что генерал лжёт, пытается вокруг пальца обвести. Это как на допросе – надо дать фигуранту выговориться, ну а затем попробовать прижать на противоречиях.

Но тут было не так, опыта в таких делах и у Стрекалова, и у Первого хватало. И всё же он склонялся к убеждению, что генерал искренен на этой исповеди.

«Неужели не врёт? – подумал он. – Неужели всерьёз полагает, что ещё можно что-то кардинально изменить? И откуда только берутся такие динозавры? Конечно, нетрудно вправить и этому мозги, чтобы без приказа не лез, куда не надо. Однако гораздо проще найти подходящую замену. С другой стороны, и такой вариант не избавляет от проблем, а в некоторых случаях может возникнуть ситуация, что остаётся только локти самому себе кусать. Вот как тогда, после назначения преемника – тот тоже обещал быть белым и пушистым...»

Так на кого же в этой ситуации рассчитывать? Как подобрать соратников? Формальное соответствие должности и чистая анкета тут несколько не помогут. Да всё это в нынешние времена гроша ломаного не стоит! Кстати, вот и Федюкин – классический пример. Ох, как же он меня подставил! Потому-то приходится держаться и за Дубкова, и за этого Стрекалова. Вроде бы люди старой закалки и твёрдых убеждений. Да он и сам такой. Только вот жизнь заставила понять, что не так всё просто, как поначалу кажется. Можно, кровь из носа, бороться за святые идеалы, а толку в результате не будет никакого».

От этих мыслей Первый загрустил. Даже решил повременить с увольнением Стрекалова. И так сказал:

– Ладно. Надеюсь, ты всё понял. И впредь, если захочешь кого-то покусать, не забудь, что пока что только я могу дать команду «Фас!».

Выходя из кабинета, Стрекалов если и не чувствовал себя побитым, то однозначно ощущал, что вот ещё минуту назад находился на грани катастрофы. Что ж, впредь будет урок! Видимо, что-то там у них переменялось. То ли Федюкина решили пожалеть, то ли возникли иные обстоятельства, о которых главе Следственного комитета и не нужно знать. У них ведь там всё время идёт подковёрная борьба, ну а Федюкин мог быть лишь разменной монетой, не более того. Да, похоже, сменились приоритеты, начались поиски нового врага. Если так, то и следствие не оставят без работы.

Вернувшись в комитет, Стрекалов приказал срочно разыскать Викулова. И вот стоит тот перед ним, довольный последними успехами, и по лицу видно, что так и рвётся доложить... Жаль парня, хороший был «следак». Неужто придётся распрощаться? Однако для начала придётся пострадать. И только после того, как до Викулова дошло, что ситуация сложилась хуже некуда, генерал смягчился, и дальше заговорил совсем спокойно:

– Егор! Есть мнение, что это дело надо спустить на тормозах.

– Товарищ генерал! Да как же так? Ведь столько сил потрачено, и всё оказывается зря?

– Ну, я бы не сказал, что зря. Факт крупного мошенниче-

ства установили. Тем самым способствовали наведению порядка в армии. Вот и военного министра нового назначили. Честь и хвала тебе за это!

– Служу России, товарищ генерал! Но я-то рассчитывал, что преступники получают по заслугам. А тут... даже и не знаю, как назвать.

– Егор! Ты не заводись. Спокойно обдумай ситуацию. Помимо уголовного кодекса есть ведь и другие нормативные акты, их мы тоже обязаны придерживаться. Ну вот, скажем, кодекс о семье. Семья, как тебе известно, – это становой хребет любого государства. И наша с тобой главная обязанность... Ну ты и сам всё понимаешь, – генерал недовольно сморщился, искоса поглядел на портрет, висевший за его спиной, и сказал: – Ладно уж, иди работай. А главным фигурантом сделай Тюлькина. Всё понял?

– Понял, товарищ генерал! – еле выдавил из себя Егор.

Время было уже позднее. Засиживаться на работе не имело смысла. Поэтому Викулов отправился в ресторан – не для того, чтобы горе утопить в вине, но хотя бы душу немного отвести и снять накопившееся напряжение.

После третьей рюмки коньяка в его голове зародилась некая мысль. Поначалу она слабо была выражена. Такое впечатление, что на секунду отвлечёшься, и её уж не поймать, останется лишь смутный намёк и недоказанные подозрения. Мысль словно бы изворачивалась, ускользала. Но вот прошло ещё несколько минут. Викулов всё это время сидел, гля-

дя в одну точку, и вдруг повезло – мысль полностью сформировалась:

– Господи! – мысленно воскликнул Викулов. – Неужто всё было затеяно только для того, чтобы вернуть загулявшего муженька в семью? Нет, не могу в это поверить. Это же сколько сил угробили! Сколько обысков, допросов, очных ставок! Вместо того, чтобы ловить злодеев и убийц, пришлось участвовать в семейных передрагах. Вот ведь дела! Господи, ну разве нельзя было этого Федюкина поугубить как-нибудь иначе?

И Господь отвечал Викулову:

– Да как же его напугаешь при такой охране? Моим архангелам против этого спецназа не устоять. Был бы какой-нибудь лейтенант или даже полковник... А тут вся надежда только на тебя.

– И всё равно не в состоянии понять. Весь аппарат Следственного комитета поставили на уши ради спокойствия одной семьи. Да пусть бы он гулял себе на стороне, ну чтобы от этого в природе изменилось? Можно подумать, что в июле выпал снег или разрушилась Асуанская плотина.

– Я вижу, что ты не вполне осознаёшь политический момент. В мире испокон веков борются силы добра и зла. Тут всё построено на принципе сдержек и противовесов. Так вот, есть такие семьи, на которых всё и держится. Если они распадутся – тогда не миновать большой беды!

– Я вроде бы слышал, что мир стоит на трёх китах...

– Вот-вот! Это они самые и есть.

– Может, назовёте и фамилии?

Господь почему-то замолчал, так и оставив собеседника в неведении. То ли и сам не знал, то ли чего-то опасался. Скорее всего, так – ведь если рухнет мир, тогда и Господь может оказаться не у дел.

Тем временем официант, озабоченный тем, что клиент пьёт, не закусывая, не выдержал и подошёл к столику:

– Извините, может быть, вам что-нибудь из горячего подать?

– Что? – пробормотал занятый своими мыслями Викулов. – Ах да... Кита!

– К сожалению, китов в ассортименте нет. Но есть фаршированная щука, – предложил официант.

Викулов поднял на него глаза, с какой-то ехидцей ухмыльнулся и сказал:

– Какая теперь из меня щука? Не те нынче времена.

Обиженный этой странной шуткой официант отошёл и больше уже не приставал к клиенту.

Часть 2. Капкан для либерала

Глава 22. Аксельборг и Докутович

«Итак, Федюкин – уже отыгранный материал. Сядет он или нет, от этого мало что изменится. А вот то, что спецслужбы накопили, это куда как интереснее, гораздо важнее для безопасности страны. Сейчас только заговора нам и не хватало! Правда, пока об этом речи нет, но если упустить момент, не пресечь такие поползновения в зародыше, всем мало не покажется».

Именно эти мысли беспокоили Первого после встречи со Стрекаловым. Что-то надо было срочно предпринять, нельзя только сидеть и ждать, пока на стол положат информацию. Есть разные возможности – иногда достаточно посмотреть в глаза, чтобы понять, какие мысли у человека в голове. Он вызвал секретаря, спросил, что там нового по «Востряково», и приказал договориться о встрече с Аксельборгом, который отвечал за финансовую составляющую этого инвестиционного проекта.

Встреча состоялась в тот же день. На этот раз Первый обошёлся без общих фраз о погоде, о семье и о футболе, тем более что оба они были к этому народному виду спорта совершенно равнодушны. Разговор начался с вопроса, задан-

ного в лоб:

– Тарас Фердинандович, так что там в Востряково?

Аксельборг против такого формата встречи не возражал и потому отвечал чётко, почти что по-военному:

– Да всё путём, Владлен Владленыч! Выделенные средства освоим вовремя.

– В этом я не сомневаюсь. А вот прошёл слухок, что кое-какие нарушения там обнаружили.

– Да как без этого, Владлен Владленыч? – засуетился Аксельборг. – Наука вообще дело тонкое, а уж когда взялись за инновации...

– Это мне понятно. Только по какой статье теперь списывать убытки?

– Даже и не знаю, – развёл руками Аксельборг.

– Может быть, на поддержку протестного движения? – усмехнулся Первый.

– Что вы, что вы!

– А мне говорили...

– Да нет! Я вас уверяю, всё совсем не так!

Аксельборг чувствовал себя участником водевиля на историческую тему. Будто он исполнял роль важного сановника на приёме у царя. Улыбка не сходила с его лица, а голубые, широко открытые глаза не позволяли усомниться в искренности. В сущности, это довольно просто – водить за нос государя, который понятия не имеет о том, что творится за стенами дворца. И никакие соглядатаи ему не помогут, по-

тому что объять всё невозможно.

– Ну ладно, не будем особого значения сплетням придавать, – Первый вроде бы не собирался спорить. – А вот ещё мне сообщали, что некто Звонарёв... Не знаете его? Черныавенький, с приметной такой лысиной на затылке. Так вот он будто бы разъезжает по России за бюджетный счёт. Выйдет на трибуну, скажет несколько слов, вроде бы даже выражаясь не вполне цензурно, а за это кругленькая сумма идёт прямым в его карман. Это что ж, опять наврали?

– Да нет, всего лишь перепутали! Деньги предназначались на поддержку инноваций, а вовсе не ему.

– Так может быть, в этом-то инновация и есть?

Вопрос был, что называется, на засыпку, поэтому Аксельсборг сразу не нашёлся, что сказать.

– Я разберусь, Владлен Владленыч!

– Да, вы уж разберитесь, а то как-то неудобно получается. Мы из бюджета миллиарды выделяем. На медицину и культуру оставляем шиш. А этот Звонарёв втихомолку карманы набивает. Так разберётесь?

– Прямо сегодня и займусь.

– И кстати вот ещё. Мне доложили, что многовато попрошаек в этом вашем «Востряково». Причём из Европы к нам повадились любители длинного рубля.

– Так ведь, Владлен Владленыч, ничего с ними не поделаешь. Время сейчас трудное, глобальный кризис, вот и надеются тут заработать.

– Мне список подготовили – когда и кто сколько получил. Даже есть графа «За что такая благодать?» Только смотрю, а в ней сплошные прочерки.

– Ах, как нехорошо! Как стыдно! Ай-ай-ай! – пробормотал, покачиваясь в кресле, Аксельборг.

– Вот и я о том же...

– Всё исправим, Владлен Владленыч! Графу переименуем, заполним, как положено. Да я на ящик хорошего французского вина готов держать пари, что всё исправим за неделю.

– Вино оставьте себе, а я предпочитаю пиво, – подумалось, вот не хватало ещё заключать пари с каким-то Аксельборгом. – Ну ладно, с недостатками, так и быть, покончили. Так что там с достижениями?

Аксельборг почувствовал, что настал критический момент. Если сейчас удастся избежать существенных потерь, тогда можно рассчитывать на вполне приемлемое завершение беседы. Собрав воедино все свои скромные познания в физике, ответил так:

– Владлен Владленыч! Ну что мне вам сказать? Наука, как я уже отмечал – это дело не только тонкое, но и очень тёмное. Одни только чёрные дыры чего стóят! А кто их видел-то на самом деле?

– Ну вот и мне рассказывали, что ваше «Востряково» – это одна большая чёрная дыра, за фасадом ничего не видно.

– Честное слово, врут завистники!

– Так ли?

– Я всё верну, Владлен Владленыч! – Аксельборг вскочил со стула и прижал руку к левой стороне груди, как при исполнении государственного гимна.

– Ну так идите, возвращайте.

Аксельборг ушёл, а Первый уже в который раз пытался разобраться, что к чему, сравнивая свои нынешние впечатления с тем, что говорил ему Дубков и ещё раньше сообщали сотрудники спецслужб. «Крайне неприятный тип. Глаза, как у того кота, который готов поклясться, что не нужна ему хозяйская сметана. А стоит только отвернуться, как он прыг!.. Да все они такие, и Аксельборг, и Губерман, недаром оба из "незалежней" Украины. Помнится, ещё десяток лет назад возникли на его счёт кое-какие подозрения, только и тогда сухим вышел из воды: вернул деньги, и дело решено было закрыть. Да, очень скользкий, никак такого не ухватишь. При том, что обещает вроде бы и нашим, и тем, другим, однако никому на верность не присягает, словно бы он сам по себе. Это подозрения и вызывает! И ведь тронуть жулика нельзя, потому что себе дороже может выйти – многое на него в экономике завязано, да и в Европе тут же завизжат».

Первый вызвал секретаря и приказал дать указание прокуратуре, чтобы не лезла в востряковские дела. Что толку, про тайные замыслы либералов они там ничего не накопают, а это сейчас самое главное.

Тем временем Тарас Фердинандович направился из Крем-

ля прямо в Востряково, по дороге вызвав туда и вице-премьера Докутовича. Можно было, конечно, поговорить и здесь, в Москве, однако там – без любопытных глаз.

Начал с места в карьер, хотя бы в этом подражая Первому:

– Костик, дорогой мой! Что же ты творишь? Хочешь подвести меня под монастырь?

– Что вы, что вы, Тарас Фердинандович! Как только вы могли подумать? – опешил Докутович, не ожидавший ничего подобного.

– Да тут и думать нечего!

– Но всё не так... – Докутович отчаянно защищался, ещё даже не подозревая, в чём его обвинят на этот раз.

– Вот именно, что не так. Где ты нашёл этого придурка? Он что, неграмотный, твой Звонарёв? Не мог у кого-нибудь списать? Теперь даже диссертации пишут под копирку, а тут всего лишь прочитать лекцию перед кучкой остолопов.

– Тарас Фердинандович! Да там делов-то всего на миллион.

– Тоньше надо работать! А ты увлёкся своей ускоренной приватизацией и дело чуть не завалил.

– Всё ещё можно наверстать.

– Что тут навёрстывать, когда статья нам светит.

– Да что вы говорите?! – ужаснулся вице-премьер.

– Говорят, бюджетные деньги тратим зря.

– Как это зря? Так ведь на святое дело!

– Да я-то знаю. А им как объяснишь? – Аксельборг мотнул

головой куда-то за спину.

– Так ведь и объяснять им ничего не надо.

– Вот ты это и скажи, когда придут из прокуратуры.

– Неужто до прокуратуры дошло? Ай-ай, так что же делать? – всхлипнул Докутович.

Всегда невозмутимый, бесстрастный на людях – на всё и всегда у него был готов ответ, – теперь он больше напоминал побитую хозяйкой собачонку, которую вот ещё чуть-чуть и выгонят за порог без малейшего шанса на прощение.

– Ну ладно, с этим разберёмся, – видя страдания Докутовича, поспешил успокоить Аксельборг. – В Кремле я уже переговорил. Думаю, всё улажу.

– Вы уж постарайтесь... А я не подведу. Как надо сделаю!

– Кстати, что ты на днях во время встречи с Гарри Лонгом говорил?

– Там-то что такое? – вице-премьер заёрзал в кресле, почувствовав, что рубашка прилипает к телу.

– Вот, утверждают, что опять что-то не так.

– Господи! Да это всё Полифактов разорялся! Ему только дай в руку микрофон...

– Ты на Полифактова не кивай, он человек заслуженный, ГКЧП противостоял, – погрозил пальцем Аксельборг. – Я вот о чём хочу сказать. Помнишь, как ты ещё года два назад говорил, будто твоя задача в том, чтобы способствовать исполнению решений президента?

– Ну, было дело, – пробормотал Докутович, пытаясь до-

гадаться, в чём подвох.

– А вот теперь на встрече с Лонгом плачешься, что слишком много в России государства. И как прикажешь это понимать?

– Да что тут понимать-то? Вы и сами знаете...

– Мне вот что странно: чем дольше об этом говорим, тем больше роль государства возрастает.

– Так что же делать-то? – всхлипнул вице-премьер, у которого от этого нагромождения обвинений и каверзных вопросов совсем помутилось в голове.

– Костик! Давно пора тактику менять. Ежу ясно, что прежняя метода не срабатывает.

– И что?

– Чего пристал? Ты у нас кандидат наук, вот и соображай!

Всю дорогу на обратном пути из Востряково в Белый дом Докутович раздумывал над словами Аксельборга, но ничего толкового в голову не приходило. Можно, конечно, попытаться устроить майдан на Красной площади, но это же вам не Украина – враз разгонят, и по закону будут совершенно правы. Да и кто теперь на прорыв пойдёт, когда такие проблемы с финансированием? Вспомнил опыт государственных переворотов ещё в прежние, советские времена – тогда всё решало Политбюро. Нужно только подготовить мнение, обговорить детали с нужными людьми, и никаких тебе проблем – всё решалось простым голосованием. Так и Никиту Хрущёва от власти отстраняли, ещё раньше – Булганина с

Кагановичем и Маленковым. А в Горбачёвские времена даже избавились от настырного Громыко – как он тогда на своего выдвиженца посмотрел! Докутович до сих пор испытывал восторг, глядя на эту фотографию с пленума ЦК КПСС, даже повесил её на стену в кабинете. Да, если бы не Михаил Сергеевич, о такой карьере даже мечтать было бесполезно, всё попусту. Честь и хвала ему за это!

Ну а потом – Борис Николаевич! Брезуновский тогда правильно сказал: «Это наш шанс, и мы просто обязаны его использовать!» Что ж, использовали на всю катушку. Теперь никакое Политбюро с этой позиции не скинет. А всё потому, что почти вся экономика у нас в руках. Чуть тронешь, и все инвесторы сразу разбегутся. Естественно, тут речи нет о газе и о нефти – надо отдать им должное, вовремя подсуетились. Ещё бы год-другой... Впрочем, с Кайманским это было исключением из правила – сам себя, недоумок, погубил. Да и Брезуновский тоже в итоге оказался бездарем – это ж надо так просчитаться с кандидатом в президенты! Да, все мы сильны задним умом, а чтобы предвидеть, как всё обернётся, тут наших способностей явно не хватает, для этого дела другие мыслители нужны. А где их взять? Самых разных прорицателей, политологов полным-полно, а толку-то? Им бы бабла срубить, а если что-то не сбылось, всегда есть возможность сослаться на форс-мажор, на непредвиденные обстоятельства. Или вот скажут, что не хватает информации, а где её возьмёшь, если спецслужбы находятся под чужим кон-

тролем? В общем, никакого просветления в этой крошечной тьме пока не видно, что крайне огорчительно.

С таким настроением Константин Викентьевич переступил порог своего кабинета в Белом доме, а там опять сюрприз – развалившись в казённом кресле, надменно улыбаясь, на Докутовича глядела его собственная жена.

– Нелечка! Какой сюрприз! Как ты сюда попала, дорогая?

– Да как и все, ножками.

– Чай, кофе? – засуетился Докутович. – Я сейчас распоряджусь, только секретарши что-то вот не вижу...

– Я её уволила! – сказала, как отрезала, жена.

– Как это? – не понял Докутович.

– Да так! Посмела не впустить меня в твой кабинет. Ты представляешь? Говорит, он второпях уехал, оставив на столе важные бумаги, – Нелечка сделала совсем круглые глаза. – Так что, я теперь для тебя совсем чужая?

– Помилуй бог! Как ты могла подумать? – Докутович уже готов был стать перед супругой на колени, однако прежде хотелось получить ответ на свой вопрос: – Но как тебе это удалось, то есть я хочу сказать – уволить?

– К счастью, нашлись в Белом доме люди, которым известно, что я не только жена вице-премьера, но и не последний человек в российском бизнесе. Теперь эта стерва будет знать!

– Ну зачем ты так? – от огорчения у Докутовича сморщилось лицо. – Из-за пустяка раздувать скандал...

– Ага! Я поняла! – воскликнула Нелли Осиповна. – У тебя

с ней что-то было.

– Ох, Нелли, опять ты за своё! Пойми, кроме тебя у меня никого нет и, наверное, никогда уже не будет.

– Похоже, тебя это огорчает? – не унималась жена.

– О, господи! Да при такой работе скоро импотентом станешь...

– Не заговаривай мне зубы! Где ты пропадал последние два часа? – настаивала жена.

– Нелли! Но так нельзя. Это просто невозможно... Да знаешь ли, кто меня вызвал?

– Неужели сам?

– Да, сам Тарас Фердинандович, собственной персоной, – сказано это было шёпотом, поскольку, несмотря на заверения службы безопасности Аксельборга, вице-премьер эти стенам не очень доверял.

– И что? – спросила Нелли тоже шёпотом, однако её глаза словно бы кричали, выражая одновременно надежду и отчаяние.

– Всё идёт примерно так, как и задумывали, – успокоил Докутович.

– И когда?

– Нелли! Здесь не время и не место...

– Ну ладно, ладно, я пошла. Так не забудь, сегодня вечером мы у Сухоруковых.

– Я помню, – устало молвил Докутович, провожая супругу к выходу из кабинета.

Опять предстоит пустая трепотня. Ну почему Аксельборг не выгнал этого недоумка из проекта «Востряково»? А ведь мог бы настоять. Да, Сухоруков – это типичный пустомеля, к тому же с весьма скверной репутацией. Пользы от него никакой не будет. Тоже мне, мастер закулисных интриг! Одно дело прикармливать депутатов или применять административный ресурс на выборах в Госдуму. И совсем другое – нынешняя ситуация. Ведь как только возникли более серьёзные проблемы, так силовики враз его переиграли, что называется, загнали в угол. Вот пусть теперь сам и выбирается оттуда!

А тут ещё новая напасть – видимо, придётся подыскивать другую секретаршу. Только ведь не каждой можно такое ответственное место предложить. Рекомендации, чистая биография – разумеется, это важно, но совершенно не достаточно. Да что говорить, последнее слово останется за Нелей – секретарша, прежде всего, ей должна понравиться. А где такую найдёшь, при том, что не хотелось бы иметь рядом с собой уж совсем уродину?

Глава 23. Миражи

С утра у Вени Полифактова как-то не заладилось. Не то, чтобы встал не с той ноги, да и не пил накануне вечером ни-сколь-ко, однако голова была явно не своя и во рту ощущение просто гадкое. Надо сказать, что с недавних пор Веню одолевал ночной кошмар – будто бы от него уходит жена и остаётся он отцом-одиночкой с тремя детьми на руках. Самое странное и потому пугающее неожиданным пророчеством заключалось в том, что у Полифактовых был всего один ребёнок. Подумывали о пополнении потомства, но потом рас-судили, точнее, так решил он, что дело, то есть политика, куда важнее, ну а там посмотрим. Просыпаясь всякий раз после регулярно случавшегося наваждения и с тоскою глядя на белеющее в темноте тело жены, Веня терзал себя вопросом: «Неужели Ирина способна на такую подлость, чтобы родить мне двойню и уйти к другому? И почему именно двойню?». Странно было и то, что всё это должно случиться, несмотря на огорчительно устойчивое убеждение, сложившееся у него ещё примерно год назад, будто в известном смысле он ничего уже почти не может. Видимо, сказалась напряженная работа последних лет и реакция не слишком устойчивой психики на падение авторитета его любимцев, Ленцова и Яблонско-го. Как ни старался Веня, буквально выбиваясь из последних сил, но социологические опросы слушателей его радиостан-

ции давали крайне неутешительные результаты. Кстати, и на интернет-форумах, которые он тоже рассматривал как некий социологический инструмент, было далеко не ладно. И вот в такой-то ситуации,неважно, что пока лишь в его снах, всё навязчивее поднимается тема о той самой пресловутой двойне, которая, видимо, вот-вот должна была родиться. Да кому она нужна?! А в эту ночь произошло нечто и вовсе не поддающееся доходчивому объяснению – ему приснилось отрезанное ухо.

Наутро Веня сидел в своём кабинете и курил одну сигарету за другой. В вазе на рабочем столе, словно предвещая что-то угрюмо безнадежное, желтели подсолнухи – подарок поклонников из Ботанического сада. Глядя на поникшие под тяжестью семян цветы, так и хотелось сказать, что головку убогие не держат. Веня выхватил из вазы один, самый крупный подсолнух, а остальные вместе с вазой без сожаления бросил в корзину для бумаг. «Нет, пора со всеми этими незаконнорожденными детьми лейтенанта Шмидта кончать! Раз и навсегда! А ведь сколько их на моих форумах расплодилось – на каждом по сотне болтунов, молодых, здоровых, злых». Веня припомнил, как они издеваются над самыми святыми для него понятиями, и ему стало стыдно. Стыдно за то, что ради сиюминутной выгоды от привлечения новых слушателей, повышения рейтинга передач и увеличения доходов от рекламы, ради призрачной надежды на то, что на форумах удачно работает примитивный агитпроп – ради

всего этого он столько времени терпел у себя на сайте бог знает что! И вот наступает час расплаты.

Ну а вчера он обнаружил на одном из форумов новый текст. Веня включил ноутбук и вывел на дисплей ранее сохранный страницу:

«Был в кунсткамере. Видел ёлку:

Вместо еловых шишек – контрацептивы болтаются с надписями «Правое дело», "Яблоко", "Парнас". Всё предназначено для защиты от вредоносного влияния "ЕдРа".

Рядом – синие груши, которыми гэбня Литвиненко отравила.

Далее – чек на три миллиарда баксов, которым Фима Рабинович себе свободу у Кремля купил.

Тут же копия гроба Брезуновского для любителей поплясать на свеженькой могиле.

А вот и подарки под ёлочкой лежат:

Ведро с помоями – как последний аргумент в споре.

Смирительная рубашка – рабочая одежда для инакомыслящих.

Набор удилиц без лески и крючков – вклад никелевого олигарха Потутаева в развитие частного предпринимательства.

Тюремная роба, пропитанная одеколоном самого Кайманского – это на любителя.

Оранжевый галстук – последний привет от лондонского сидельца Брезуновского.

Есть ещё подарочки:

"Оковы демократии" – цацка из пропавшей коллекции депутатши из Саратова.

Дырка от бублика, в кредит – от Кедрина.

Ломоть справедливости – от Мирошкина.

Кандалы под названием "Единство" – от Грызунова.

Транспарант с надписью "От каждого по потребности" – сделан руками столоначальников московских жилконтор и Департамента жилья.

Рядом персональные подарки.

Урна-плевательница для тех, кто собирается голосовать против всех на грядущих выборах.

Красная маска палача – для "независимых" судей.

Ширма с надписью "Демократия" – для любителей нажираться за чужой счёт.

Весы с неустранимым недовесом и набор гирек для защиты от конкуренции – апологетам рыночной экономики.

Рукавица-самобранка – для миллиардера-рейдера Дерябкина.

Сборник непечатных выражений в качестве наглядного пособия для общения с представителями власти – в каждый дом.

Блинчики с бакалавриатом под соусом из магистратуры – для бывшего главы Минобразования.

Тельняшка с надписью "Не забуду Смольный институт!" – для распознавания кандидатов на должности по типу "свой

– чужой".

А на верхушке ёлки вместо спиля отрезанная головка отца ваучеризации прилажена – из натурального папье-маше. И называется всё это – "Древо лицемерия"».

Веня снова перечитал текст, и хотя среди упомянутых там вир-персон пока отсутствовала его собственная фамилия, кто знает, какая ещё мерзость придёт в голову этому неизвестному автору на следующий день. Веня выбрал из меню функцию администратора сайта и начал без сожаления удалять темы того самого форума, где «загонщиком» был некогда его старинный приятель Терещенко, типичный журналист-неудачник, под крылом у которого и выросло это гнусное, отвратительное «древо». Однако тем на форуме было очень много, и тогда Веня стал удалять все форумы – один за другим, один за другим. И лишь когда на странице, прежде озаглавленной «Форумы радиостанции "Слухи столицы"», стало белым-бело, лишь тогда он почувствовал, что немного полегчало.

Прошло время, а Веня всё сидел и смотрел не отрываясь на это белое пятно на дисплее, и чем дольше он смотрел, тем отчётливее в середине этого пятна проступало некое изображение. Да, это лицо! Веня узнал его – Винсент Ван Гог! Ван Гог сразу после того, как он отрезал себе ухо... Веня схватился за голову: «Что же я наделал?!» Только теперь ему стало понятно и появление «вангоговских» подсолнухов на столе, и приснившееся накануне отрезанное ухо, – ухо-фо-

рум! – и даже грядущее появление незаконных наследников стало ему понятно – осиротевшие форумчане, несомненно, создадут свои форумы и снова примутся за своё, только уже будучи совершенно ему не подконтрольны. Что же остаётся? Веня сфотографировал единственный оставшийся на столе подсолнух и перенёс его изображение в середину белого пятна на некогда столь привлекательной для либеральной публики странице своего сайта. «Вот так! Хотели порезвиться за мой счёт, хотели свободы, ну так получите!». Веня и сам не до конца понимал, почему он не поместил на сайте объявление – так, мол, и так, вы все мне надоели, – а вместо этого сунул туда ярко жёлтый с угрюмо-чёрными семенами, печальный и почти трагический цветок.

Согласно твёрдому его убеждению, большинство людей не способно воспринимать жизнь как таковую, то есть непосредственно. У них, по-видимому, врождённый ужас перед реальностью и они предпочитают общаться с миражами. Причем эти миражи им дороги именно в силу их вопиющего расхождения с реальной жизнью: миражи справедливости, миражи свободы и братства, миражи демократии. Как можно общаться с миражами, он и сам себе не представлял, но коль скоро население по-прежнему остаётся при идеях ненависти к богатым и покорности властям, тут не может быть сомнения, что оно этого набралось именно благодаря общению с миражами. А где ж ещё?

«А между тем, вся эта мерзость на маргинальной закваске

расцветает вовсе не от того, что наконец-то наступила свобода, вовсе нет! Причина в них самих, поскольку антилиберальные взгляды изначально присущи тем, у кого рабский, холопский менталитет. А коли так, то все реформаторские идеи будут обречены на провал, если не заниматься принудительным изменением менталитета российского народа! Нам же вместо этого под видом уважительного отношения к истории постоянно внушают холопские ценности и соответствующий образ мышления. Похоже, властная элита очень хочет, чтобы мы гордились тем, что мы все холопы с тысячелетней историей. Даже составили для нас списочек исторических заслуг – победы над татаро-монголами, над Наполеоном и над Гитлером, – которые просто невозможно отделить от холопского менталитета!»

Веня закурил новую сигарету и продолжал свой безмолвный монолог, с каждым словом всё более возбуждаясь:

«Да, я действительно не вижу вокруг себя достаточного количества нормальных людей, всё больше толстожопые холуи, и многие из них вполне успешны по жизни, причём продвинутых дебилов – выше крыши. Но что особенно угнетает, так это навязанное свыше, насквозь пропитанное ложью представление о своём народе. "Народ правду видит" – враньё! "Народ не обманешь" – враньё! "Народ разобрался в демократах" – враньё! Кругом одно враньё и вопиющее отсутствие истинного представления о собственном народе!»

После таких признаний оставалось только отхватить себе

ножом какое-нибудь ухо и втиснуть его в центр изображения подсолнуха на дисплее ноутбука. Однако для этого у Вени уже не хватило сил, силы потребовались для другого. Только теперь он понял, что этот виртуальный подсолнух ни что иное, как мираж! Родившийся под палящими лучами некоего воображаемого светила мираж как символ того, к чему он всегда стремился, чему посвятил последние пятнадцать лет своей нелёгкой жизни, чему без остатка отдавал всего себя. «Так к чему же я пришёл? Чего добился? И кто больше лгал – власть, озабоченная тем, чтобы держать в повиновении людей, или же я, желавший власти для себя, чтобы навязывать другим свои идеи?».

На этом размышления закончились, поскольку подошло время выходить в эфир, и Полифактов поспешил в аппаратную – прежде ни разу не случалось, чтобы опоздал. И вот уже включил свой микрофон, надел наушники:

– На моём «Пате Филипп» восемнадцать часов девять минут с секундами. Всем добрый вечер! Я напоминаю, что вышел в свет новый наш гляцевый журнал – это «Воскресный сплетник». Уверен, об истраченных деньгах не пожалеете. Подписку можете оформить прямо хоть сейчас на нашем сайте. Ну вот, пожалуй, всё, – Веня перевёл дух, глотнул водички и продолжал: – Итак, сегодня в эфире радиостанции «Слухи столицы» известный вам человек, сделавший за постперестроечные годы просто поразительную, небывалую карьеру. Бывший замглавы Администрации, бывший

вице-премьер и вот теперь – обыкновенный российский безработный Артём Захарыч Сухоруков. Артём Захарыч, как вам это удалось?

– Да что сказать? В жизни всё так – то чёрная полоса, то белая. Ну вот уволили, сам даже не знаю почему.

– Ну и подайте в суд.

– Это на кого же? – в глазах Сухорукова наметился испуг.

– Впрочем, что я говорю! С нашим правосудием лучше дела не иметь, себе дороже будет. Кстати, вам не приходилось?

– Бог миловал.

– И то ладно! Я вот ещё о чём хотел спросить, вы вроде бы трудились когда-то в фирме Губермана?

– Да, несколько лет служил в его «Бета-банке» старшим менеджером.

– Так что, оттуда тоже выгнали?

– И вовсе нет! – возмутился Сухоруков. – Осип Герасимыч меня ценил, поэтому и рекомендовал для работы сотрудником Администрации.

– Вот это верное решение! Свой человек в Кремле никогда не помешает.

– Ну, я бы не сказал, что причина в этом.

– А в чём?

– Да просто лучших представителей бизнеса всегда делегируют во власть. Так сказать, жертвуют собственными интересами ради процветания державы. Это же вполне есте-

ственно!

– Ну хорошо, к этому вопросу мы ещё вернёмся. А сейчас у нас звонок. Говорите, мы вас слушаем.

Раздался голос по телефонной линии:

– Зачем пригласили этого козла? Я, как услышу его, сразу хочется блевать!

– Милейший! Вы бы занялись собственным здоровьем, а с кем беседовать в эфире, я сам буду решать.

– Но он же никому не интересен.

– А вы вообще не при делах! Это моё право – приглашать кого-то или же не приглашать. Это мои проблемы, а не ваши. Не нравится – не слушайте! Вас никто не заставляет.

– Ну ты и козёл!

– Всё, отключите этого...

– У вас всегда так? – поинтересовался слегка шокированный перебранкой Сухоруков.

– По-разному бывает. Видите ли, в чём тут дело. Наша радиостанция не занимается воспитанием, здесь такого нет, мы просто выше этого. У нас есть функция информировать и просвещать, есть функция развлекать и рекламировать. А воспитательные функции – это пережиток прошлого, отрывка тоталитарного режима. Наша точка зрения – пусть воспитанием занимается семья.

– Но если большую часть времени человек проводит за пределами дома, конечно, не считая сна...

– Это не мои проблемы, как я уже сказал. Да пусть родите-

ли хоть во сне его воспитывают, – Полифактов почесал развесистую шевелюру и пробормотал: – Так мы на чём остановились? Ах да! За что же это вас попёрли из правительства?

– Да я же говорю – не знаю.

– Говорят, главного нашего «следака» Стрекалова осмелились критиковать?

На лице Сухорукова возникла виноватая улыбка:

– Что тут поделаешь? Было дело, не сдержался.

– Слышал, дело связано с проектом «Востряково».

– Да с чего вы взяли? – вздрогнул Сухоруков, и пояснил, при этом опасливо озираясь по сторонам. – Нет никакого дела. Типун вам на язык!

– И всё же, в чём причина?

– Ну, как бы вам сказать? Этот Стрекалов тоже виноват. Поднял руку на самое святое. Вам же известно, что мы поставили цель модернизировать страну.

– На базе всё того же «Востряково»?

Полифактов продолжал гнуть своё, и Сухорукова это стало раздражать:

– В какой-то степени. Но я не стал бы на этом проекте так уж заострять внимание.

– Что вас смущает?

– Да потому что возник в последнее время некий нездоровый интерес. Нашлись крохоборы, которые стали спрашивать за каждую копейку.

– Вы про финансовые потоки из бюджета?

– Господи ты, боже мой! Но вы должны понять, что такую модернизацию бесплатно сделать невозможно.

– А вам не кажется, что этот проект закончится ничем, как и все другие ваши начинания?

– Ну почему ничем? – обиделся Сухоруков. – Нынешний парламент это в основном моя заслуга! Значительная часть законов принята благодаря моим стараниям! Знали бы, сколько времени я этому делу посвятил.

– Да, да! – поддакнул Полифактов. – Все силы отданы на благо Родины, и вот закономерный результат – крах головокружительной карьеры, разбитая судьба, разочарование где-то на грани суицида...

– Что вы, что вы!

Сухорукова прямо отбросило от микрофона. Подумалось: ещё немного и этот шут гороховый станет уговаривать, чтобы прыгнул из окна, причём желательно – в прямом эфире. Тогда уж точно, у них отбоя не будет от рекламодателей!

А Полифактов тем временем продолжал давить:

– Не отпирайтесь! По вашему лицу видно, что вы уже почти на грани выживания. Не собираетесь выйти на паперть и на пропитание просить?

– Да у меня вроде бы работающая жена... – ляпнул, не подумав, Сухоруков.

– Ну, это не аргумент, – усмехнулся Веня. – Ну разве что у неё собственная фирма...

– В сущности, так оно и есть! – Сухоруков никак не мог

сообразить, к чему этот Полифактов клонит.

– Ну что ж, тогда я за ваше будущее вполне спокоен. Если надоест валяться на диване, супруга пристроит вас вышибалой в своём офисе.

– Вы шутите? – обиделся Сухоруков.

– А в наше время как без этого? – скорчил рожу Полифактов. – Кстати, вот ещё из раздела шуток. Говорят, будто на средства, выделенные для «Востряково», вы финансировали митинги протеста до и после выборов.

– Клевета! Поклёп! Ничего такого не было! – для убедительности Сухоруков выгнул грудь и принялся размахивать руками.

– И как только Стрекалов выявил этот ручеёк, – продолжал Полифактов, не обращая внимания на телодвижения Сухорукова, – так сразу и возник вопрос, что дальше делать?

– Да не было никаких вопросов! – Сухоруков продолжал отбиваться, как только мог.

– Однако, согласитесь, кого-то надо было наказать хотя бы за утечку информации. И вот именно вас выбрали в качестве этого самого «козла»...

Судя по тому, что последовало дальше, Артём Захарович окончательно потерял самообладание. Терпел, терпел, но сколько же ещё можно это слушать? Сначала вежливо пригласят в эфир, а после... Это уже не интервью, а допрос по всей форме, да ещё с пристрастием! Не хватает только, чтобы заковали в кандалы, а там и распнут на радость пуб-

лике.

– Ты издеваешься, Веня?! А ведь вместе выпивали, и не раз! Да если б знал, что когда-нибудь вот так... Уж я бы точно не пришёл! И можешь быть уверен, что руки тебе больше не подам ни при каких условиях!

Тут уже Веня почувствовал, что перегнул. Видимо, сказалось дурное настроение, которое копилось с самого утра.

– Артюша, милый, ну зачем так обижаться? Пойми, тут ради красного словца родную мать готов продать...

– Я понял! Я очень хорошо всё понял! Можешь что угодно продавать, но только... только без меня!

Сухоруков снял наушники, встал из-за слова и, как говорится, сделал дяде ручкой.

Полифактову пришлось срочно завершать эфир:

– Ну что ж друзья, теперь самое время для рекламы: любимый корм для вашего домашнего кота. Ну а потом, даст бог, ещё что-нибудь интересное придумаем.

Впрочем, реклама затянулась на полчаса, поскольку главный редактор покинул аппаратную и попросту ударился в бега.

Глава 24. Веня и прорицатель

Сидеть в прокуренном кабинете и, не отрываясь, смотреть на склонивший голову цветок – для этого не было уже никакой возможности. А тут ещё эфир с Сухоруковым сорвался. Воистину ужасный день! Веня отменил все встречи, перепоручил ближайшие радиointервью своим сотрудникам и убежал на улицу. Ноги несли его сами, куда – он и представить себе этого не мог.

Как хорошо было просто идти и идти, и ни о чём не думать, только не вполне осмысленным взглядом поводя по сторонам, словно последней частичкой уставшей от недомумения души ещё надеясь найти хоть какую-то зацепку, что-то такое, что бы подсказало, зачем всё это и почему?

Он крался по холсту расписанного пожелтевшими липами бульвара, немного подождал, когда перестанет подмигивать кому-то светофор, первым пересёк финишную черту ещё не стартовавшего марафона по Бульварному кольцу. И шёл, шёл, не замечая изумлённых взглядов праздно фланирующих параллельными курсами прохожих, не слыша приветственных возгласов пожилых поклонниц, сидящих на скамейках в сквере, под склонёнными патлами ожидающих своей участи дряхлых лип и тополей. Он и сам, наверное, был похож на такое дерево, причём дерево, надолго задержавшееся в этом уютном городе, будто не нашло оно для себя

более подходящего уголка природы.

Вечерело. И вот уже к исходу ни на что не похожего, за-полненного неожиданными откровениями дня Веня оказал-ся у того самого пруда, где прежде, в такой далёкой и неотя-гощённой нынешними заботами юности любил прогуляться в компании приятелей, обсуждая то ли последние шедевры андеграунда, то ли новый фильм Антоньони или ожидаемый приезд короля американского джаза. Впрочем, что касается джаза, это было уже потом. А пока что Веня присел на ска-мейку и, глядя на удивительно спокойную в наступающих су-мерках воду, тщетно пытался найти в отражениях окружаю-щих его деревьев и домов что-то осмысленное, что-то такое, что подсказало бы ему: как и для чего? «Опять одни мира-жи!» Веня вздохнул и, уже собравшись уходить, потому что солнце почти скатилось за крыши, заметил вдруг лежащий рядом с ним на скамейке сложенный вчетверо клочок бума-ги. «А что, может быть здесь и таится то, что я искал?» Он развернул бумагу и увидел несколько неряшливо, видимо, впопыхах написанных строчек, наползавших одна на другую примерно так же, как сошедшие с рельсов вагоны несутся под откос, не разбирая для себя пути. Записка хранила текст следующего содержания: «Он пришёл!» Далее был написан телефонный номер и имя: Захар Глыба.

Имя впечатляло! Вене вспомнились благословенные вре-мена, когда Россией правил воистину настоящий президент. Да что говорить, вождь был на загляденье! Впрочем, тогда

Веня эти эмоции тщательно скрывал, предпочитая критиковать неудачные действия кремлёвской власти. А что теперь? Увы, теперь президентов никто не выбирает – приходится брать то, что дают. За нынешнего он не голосовал, а прошлый, как ни обидно, оказался не в силах сделать то, что обещал.

Впрочем, если бы не тоска, которая мучила Веню с самого утра, он бы не обратил на эту писульку ни малейшего внимания. Но тут подумалось: «А вдруг?» Вдруг на необъятных просторах матушки России появился тот, которого так долго ждут? Вдруг этот человек знает, как всё перевернуть, как всё преобразовать, чтобы установилось, наконец-то, столь желанное всеми процветание?

Жаль, что на этом имени послание заканчивалось, оставляя без ответа самый главный вопрос: кто он, этот Глыба? Не долго думая, – чего уж тут тянуть? – Веня набрал на мобильнике написанный на клочке бумаги номер телефона, однако в ответ услышал только голос девушки-оператора, пробормотавшей, что абонент был недоступен. Недоступен, неухожен, неустроен – какие грустные и какие значимые слова! Вот этот Глыба наконец пришёл, а никто на его пришествие не обратил ни малейшего внимания. Да, дело принимало серьёзный оборот. Теперь, по-видимому, лишь от Полифактова зависело, какими скверными последствиями всё это может обернуться для России, а возможно, не только для неё, если ему так и не удастся дозвониться. Однако к тому вре-

мени, когда Веня добрался до своего кабинета, абонент наконец-то возник словно бы из небытия.

– Надо срочно увидеться! – закричал Веня, опасаясь, как бы этот Глыба снова куда-то не пропал.

А в ответ услышал сказанные низким голосом слова:

– Назначьте время и место. Только желательно подальше от геопатогенных зон и тектонических разломов.

– Дом журналистов подойдёт?

– Это у Арбатской площади? Годится.

– Тогда ровно в девять. Столик я закажу.

Всё дальнейшее происходило словно бы в тумане. Он отдавал распоряжения, кому-то даже выговор объявил, заключил договор на рекламу с фирмой, производящей рукомошники и унитазаы. Однако все мысли были о другом.

Очнулся Полифактов уже только в ресторане. Наличие закуски и выпивки на столе ничуть не удивили, зато поразили первые же слова Захара Глыбы после того, как он сел за стол. Всякое приходилось слышать, даже нецензурную брань политиков в прямом эфире, но этот собеседник всех их превзошёл.

– Милостивый государь! Во избежание не вполне корректных толкований результатов нашей встречи, считаю себя обязанным сразу сообщить, что в действительности моя фамилия не Глыба. Я вообще не человек!

– Но кто же? – Веня буквально выпучил на него глаза.

Эта непривычная манера разговора и впрямь наталкивала

на подозрение, будто что-то здесь не так. То ли иностранец, толком не владеющий русским языком, то ли заброшен из другого времени. Вот и к еде даже не притронулся. За свою жизнь Веня привык ничему не удивляться, поскольку невероятные предположения на поверку оказывались чепухой, и самым странным событиям всегда находилось простое объяснение. Но тут было ощущение чего-то запредельного, так что оставалось ждать, что скажет этот незнакомец.

– Я был бы рад дать вам представление о том, что я такое. Только боюсь, вы не поймёте.

Полифактов словно бы собрал в кулак весь свой интеллект, весь свой немалый опыт, который он приобрёл, работая в должности учителя начальных классов:

– Я всё же попытаюсь, если вы позволите.

– Дело в том, что я и другие, мне подобные – мы все мыслящие субъекты, являющиеся частью одного целого. Это целое ваши писания и называют Богом.

– А нельзя ли чуть подробнее?

Мысленно Веня уже каялся, что не решился пригласить этого субъекта сразу же в эфир. Вот так всегда – значительные личности проходят мимо, ну а выспрашивать приходится, в основном, придурков, не считая явных дураков.

– Вообще-то я не люблю много рассказывать о себе, – скромно ответил тот, кто назвался Глыбой. – Я по натуре отшельник. Моё призвание состоит в том, чтобы не оглядываться по сторонам, а только ждать, когда истина сама себя

покажет.

– Тогда зачем же вы пришли?

– Мой приход совпал с появлением на Земле предпосылок к радикальным изменениям в сторону подлинной свободы и могущества. Людям предлагается стать не просто тварями Божиими, но партнёрами Бога, творящими реальность вместе с ним.

– Вы имеете в виду наше культурное сообщество?

– Культурные стереотипы человечества мешают продуктивному мышлению при решении общемировых проблем.

– Вот как?

Веня был слегка разочарован. Шут его знает! Возможно, для того, чтобы творить, и в самом деле требовалось нечто большее, чем обыкновенная культура. Ведь никого из тех вождей, чьи имена у народа на слуху, нельзя отнести к поклонникам Ван Гога или же Пикассо, а ведь сколько успели наворочать! Чтобы залезть на броневик или на танк, и впрямь не требуется знать наизусть ни Шекспира, ни Булгакова.

– Но вам уже приходилось бывать прежде на Земле?

– Да, конечно! И не раз. Я появлялся в те ключевые моменты вашей истории, когда возникал вопрос «быть или не быть?». Ну скажем, когда предстояла передача власти от одного вождя к другому. В своё время именно я подсказал, что надо власть передать Дракону.

– А кто это? – поинтересовался Веня, догадавшись, что здесь не обошлось без астрологии.

– Дракон – это символ верховной власти. Человек, рожденный в год Дракона – это готовый вождь, мощный лидер, обладающий высоким внутренним потенциалом от природы. Такие люди великолепно формулируют цели, четко ставят задачи. Однако рядом должны быть его соратники, которые помогли бы в реализации этих планов.

– Ну и кому же полагается быть рядом с ним?

– Змея! Змея – это помощник Дракона во всех его начинаниях. Змеи всегда сопутствуют Драконам.

В Вениной голове возникла мысль: ведь нынешний – он же именно Дракон по гороскопу! Вот ведь дела! Ну а премьер – тот вроде бы Змея...

– Так это что же? Уж не вы ли посоветовали президенту искать себе преемника среди Змей?

– Не следует доверять подобным слухам, я никогда таких советов президенту не давал. Напротив, если бы оказался рядом, сумел бы подсказать, что этого делать ни в коем случае нельзя. Это просто неразумно! Видимо, в его окружении был некий шарлатан, который выдавал себя за прорицателя или, как это здесь называют, за астролога.

«А я-то думал, что можно ставить на Змею. Неужто всё так просто объясняется?» Сам Веня в астрологии был не силен, поэтому последовал такой вопрос:

– Ну ладно! А если всё же Змея окажется у власти?

– Тогда беда! Змеи думают только о себе. Они довольно удачливы, однако, уstraивая собственные дела, не заботятся

о том, что кто-то пострадает от их действий. Предпочитают не рисковать, а бить наверняка, если представилась удобная возможность. Змеи крайне недоверчивы от природы, умеют тщательно скрывать свои истинные чувства с милой улыбкой на лице. Я бы сказал, классические лицемеры! Они не скупы, но в некоторых ситуациях ведут себя крайне бессердечно. Чтобы добиться своего, без зазрения совести пойдут на неблагоприятные поступки, предпочитая при этом вести дела с минимальной долей риска для себя. К сожалению, они слишком азартны, и потому их невозможно переубедить, если что-нибудь втемяшит в голову. Но главный их недостаток не в этом, а совсем в другом. Вы когда-нибудь видели удава, который бы по кусочку откусывал барашка? Нет, он заглатывает всего барана сразу, целиком, а потом несколько дней лежит где-нибудь в тени, под баобабом и потихоньку переваривает. Нет уж, со Змеями мы предпочитаем не работать.

Удав под баобабом? Это Веня пропустил мимо ушей. Он был настолько увлечён откровениями своего собеседника, что готов был даже поверить в божественное происхождение Вселенной, вопреки мнению Президиума Академии наук. Только бы удалось получить ценную информацию, что называется, из первых рук.

– А не могли бы вы как-то продемонстрировать свои способности. Я имею в виду способность предугадывать будущее. Ну вот скажите, надолго ли у нас власть нынешнего Дракона и не заменит ли его в скором времени Змея?

– Должен вас огорчить. Я не имею ничего общего с гадалками. Но в принципе, если возникнет такая необходимость, могу здесь и сейчас посредством психотехники дистанционно построить любого человека, со всеми его болячками и недостатками. Могу повертеть его и так и сяк, посмотреть, что у него внутри. Однако давать политические прогнозы – это удел ваших убогих политологов. Мне не хотелось бы у несчастных отбирать их хлеб, и без того жизнь теперь трудна. Строго говоря, мы вообще не имеем права давать открытые прогнозы в этой сфере. А по некоторым людям будущее себя как бы закрывает. Единственное, что могу сказать – перемены вас ожидают в августе. И в первую очередь они коснутся должности премьера.

– Но почему в августе? – возмутился Веня. – Август уже был. Да сколько можно, натерпелись! Неужели так трудно перенести эти события на другое время? К тому же в августе все приличные люди в отпусках.

– Время не выбирают, милостивый государь! Оно либо есть, либо его нет, – незнакомец глянул на часы, и уже направляясь к выходу из ресторана, пробормотал, но так, чтобы Веня это слышал: – А бифштекс по-суворовски был не дожарен.

Ну вот! Толком ничего не разъяснил и тут же смылся. Станный человек! У Полифактова возникла мысль: «А что если и впрямь прислали к нам из космоса? Тогда мог и правду говорить. Что-то он такое мне сказал... Кроме Драконов,

Змей, испорченного отпуска ещё что-то было. Ах да! Уволят нашего премьера. Как же я пропустил это мимо ушей? Надо бы его догнать, порасспросить подробнее – да где уж теперь, его и след простыл».

Похоже, в жизни начиналась чёрная полоса. Веня вспомнил про подсолнух – несомненно, это был знак судьбы! Вот и для Ван Гога все эти подсолнухи стали словно бы свидетельством напрасно потраченных усилий. «Да, да, мы с ним оба неудачники!»

Так и не понял Полифактов, кто был этот незнакомец. То ли человек, то ли сверхчеловек, то ли просто осведомлённое лицо не установленной породы. Одно было ясно – следует как можно скорее поделиться тем, что только что узнал. Все огорчения – ерунда, если на этом деле удастся заработать.

Глава 25. Агентесса

После очередного совещания Стрекалов попросил Егора задержаться. Викулов чувствовал, что разговор предстоит весьма серьёзный. Да в принципе иного не могло быть – в последнее время работать приходилось на пределе сил, тут не до сантиментов, не до шуток. Стрекалов крутил в руке сигарету, перекладывал предметы на рабочем столе. Но вот неожиданно поднял взгляд, посмотрел на Викулова и спросил:

– Егор, я могу тебе доверять?

– Аристарх Игнатьевич! Даже и не знаю, что ответить?

Викулов развёл руками, действительно не зная, как выразить своё недоумение. Такого вопроса в лоб он никак не ожидал. Уж столько раз успел доказать свою лояльность! Но генерал настаивал:

– А ты скажи прямо: да или нет?

– Конечно, да, товарищ генерал! – и вдруг, набравшись смелости, добавил: – Только, пожалуйста, не надо больше задавать таких вопросов. По-моему, я этого не заслуживаю.

– Ну, ладно. Ты извини, если что не так.

Вот это да! Подобных слов от генерала Викулов никогда ещё не слышал. Да что случилось-то? Неужели в отставку собрался подавать? Вот это было бы совсем некстати...

Немного помолчали.

– Тут вот какое дело, Егор! Первого беспокоит ситуация, сложившаяся в министерстве экономики. Есть мнение, что министр Аникеев играет свою игру. Он как бы сам по себе, не вписывается в нашу вертикаль, а потому возникают сбои, задержки с принятием решений. Вполне возможно, что и на руку не чист. Да что тут говорить, как был чубайсовским подголоском, так им и остался.

– Аристарх Игнатьевич! Но это же чистая политика! Мы-то здесь при чём?

Стрекалов усмехнулся:

– Неужто сдрейфил?

– Да нет! Просто не наш профиль.

– Егор, ты пойми! Именно мы должны разобраться с этим делом. Раскрутить и доложить Первому по всей форме, есть там крамола или нет. Именно мы должны это сделать, а не ФСБ или ФСО. Ты запомни!

– Я готов. Всё сделаю, что смогу.

– Да от тебя ничего особенного и не потребуется. Только анализ информации. А чтобы её получить... В общем, на ловца и зверь бежит. Дело в том, что экономику в правительстве курирует вице-премьер Докутович, а через него можно подобраться к Аникееву. Так вот как раз сейчас Докутович ищет секретаршу. Прежнюю от него то ли сама сбежала, то ли он её уволил... Мы, конечно, с ней поработаем, но хотелось бы знать, что будет, а не только то, что было. Тот персонал, что есть в кадровом резерве Белого дома и Админи-

страции, ему почему-то не подходит. Есть подозрение, что его жена их всех забраковала.

– Вот даже как!

– Та ещё штучка! Ревнивая и вздорная. Так вот, надо подобрать человека со стороны, незапятнанного связями с нашими спецслужбами. Чтобы соответствовала всем критериям, чтобы знала английский язык, чтобы на «ты» была с компьютером и другой оргтехникой. И самое главное – чтобы понравилась не только Докутовичу, но главное – его жене.

– Так от меня что требуется?

– Нет ли у тебя подходящей кандидатуры на примете? Если подыщешь, никто не будет знать, кроме нас двоих, – Стрелков прищурился, с надеждой и сомнением глядя на Викулова. – Ну как, найдёшь?

«Ничего себе задачка!» – чертыхался Викулов по дороге в свой кабинет. – Мало того, что жуликов приходится на чистую воду выводить, так ещё и готовить агентуру для заброски в логово врага. Вот работёнка-то!» И вот уже когда привычно расположился в кресле, закурил сигарету и даже слегка прикрыл глаза, намереваясь чуть расслабиться, вдруг в голове возникла мысль. Мысль неожиданная, по сути своей крайне авантюрная. Да он и не собирался эту идею развивать, но она словно бы существовала сама по себе, ему от неё никак не удавалось отвязаться.

Перекрасить волосы, изменить причёску – это каждая женщина умеет. А представить публике совершенно новое

лицо – для этого нужен особенный талант. Конечно, такие лица, как у Любови Орловой, Анни Жирардо, Софи Лорен или Анжелины Джоли трудно изменить до неузнаваемости. В них слишком много характерных черт, от которых не избавишься даже при желании. А вот с Элен не так. Красивое лицо, однако ничего такого, что выделяло бы её из общей массы симпатичных женщин. Таковую в толпе, если и захочешь, не признаешь. Бывало так, что Элен подойдёт к нему на улице, встанет рядом и ждёт, когда Егор обратит на неё внимание. Но то ли одежда непривычная, только что купила в магазине, то ли сменила шерстяной платок на вязаную шапочку. И самое главное – лицо! Красивое, но совсем чужое.

«Паршивый из меня "следак", если собственную жену не могу узнать!» – сокрушался после такого случая Викулов. Элен его успокаивала, как могла, но неприятное чувство оставалось. Потом, правда, он об этом забывал. А вот теперь вдруг вспомнил: «Ведь если я её не узнаю, другие и подавно не узнают». Он сразу же поспешил доложить об этом генералу:

– Есть у меня подходящая кандидатура на примете. Вот только не уверен, согласится ли она.

Получив предварительно «добро», вечером рассказал Элен о своей задумке, поначалу не упоминая ни имён, ни других специфических деталей.

Как ни странно, Элен за эту идею сразу ухватилась:

– Ты знаешь, я от этой жизни в последнее время заскуча-

ла. Ни стрельбы тебе, ни погонь, – виновато улыбнулась. – Наверное, есть во мне что-то авантюрное, может быть, давний предок служил по этой части ещё в охранном отделении.

– Учти, дело это опасное.

– С тобой я ничего не боюсь.

В общем, многое тогда обговорили. И вот что удивительно – всё вроде бы одно к одному. Элен давно уже сидеть дома надоело. Выучила английский язык, закончила какие-то курсы и в итоге устроилась секретарём в одну из торгово-посреднических компаний, которых теперь расплодилось видимо-невидимо. Брак Егора с Элен не был зарегистрирован – так решила она во избежание нежелательных последствий для его карьеры, если вдруг что-то раскопают. В общем, никому и в голову не могло прийти, что эта милая женщина живёт со «следаком» и строит планы, как проникнуть в ближайшее окружение министра экономики. Ну разве что адрес их прописки совпадал. Но даже если бы люди из окружения Докутовича что-то заподозрили, тут должен был сработать простой психологический эффект. Да потому что внедрённый спецслужбами агент никак не мог допустить подобную оплошность!

Так рассуждал Викулов. Наверное, так рассуждал бы на его месте любой самоуверенный дилетант, насмотревшись телесериалов и начитавшись книг о подвигах бойцов невидимого фронта. Однако, когда Викулов доложил об этих своих соображениях генералу, тот остался недоволен, хотя кан-

дидатуру Элен в принципе одобрил. В итоге к делу подключился один из руководителей Федеральной службы охраны, что однозначно указывало на заинтересованность Первого лица. После того, как Викулов вкратце рассказал об истории своего знакомства с будущей женой, – чего не сделаешь ради дела! – решили так: воспользоваться реальной биографией Элен, но сделать вид, что до её прошлых связей с криминалом ФСО в спешке так и не успела докопаться. Тогда у тех, кто стоит за спиной Докутовича, может появиться шанс... То есть не только шанс, но, безусловно, и желание шантажировать Элен, а через неё выйти на Викулова. Завербовать одного из ближайших сотрудников самого главного в России «следака» – кто из нечистых на руку дельцов об этом не мечтает?

Конечно, такой вариант с «открытой биографией» Элен мог поставить под удар его служебную карьеру, и все их старания «замести следы» пошли бы прахом, но дело стоило того. К тому же Стрекалов обещал прикрыть в самом крайнем случае. Да в принципе к подобному повороту они давно уже готовы – Викулов станет частным детективом, а она займётся сочинительством. Такого количества самых заковыристых сюжетов, которые роились в его голове, никому из нынешних писак даже и не снилось!

В общем, так они и сделали. К счастью, жене Докутовича новая претендентка на должность секретарши приглянулась. Держит себя скромно, макияж выбрала неброский, говорит

отрывисто, по-деловому, не отвлекаясь по пустякам. Эдакий японский робот в юбке.

Понятно, что сам Докутович на первых порах ей не доверял. Лишь когда убедился, что она не старается слишком уж вникать в его дела, то есть не сует свой нос куда не нужно, всё наладилось, пошло так, как они вначале и предполагали.

На первый взгляд, никакой особенно интересной информации Элен не сообщала. Однако если проанализировать всё в комплексе, то возникала уже довольно цельная картина. Складывалось впечатление, подтверждаемое рядом документов, что Докутович из кожи вон лезет, чтобы реализовать давнюю идею либералов – раздать топливно-энергетические компании в частные руки, причём максимально быстро и с минимальной выгодой для государства. Это уже наводило на некоторые подозрения, а уж фамилии претендентов на раздачу словно бы сами просили, чтобы отнеслись к ним более внимательно.

Был и ещё один момент, который заслуживал внимания. Многие теперь недовольны тем, что при поддержке министерства экономики происходит в «Востряково». Правда, сейчас в этом инновационном центре тишь да гладь, не придерёшься. То ли слишком засекретились после обвинений в разбазаривании средств, то ли решили финансовые потоки направить по другим каналам. Не исключено, что задача финансирования оппозиции была поставлена перед будущими обладателями намеченного к приватизации куска отече-

ственного пирога. Это ещё предстояло выяснить.

Но как-то вечером придя домой, Егор почувствовал – что-то произошло. Он только переступил порог, не успел ещё раздеться, а Элен уже оказалась тут как тут, загадочно посмотрела на него и приложила палец к губам... Только уже потом, в постели, прижалась к его уху и зашептала:

– Всё получилось так, как мы надеялись. Теперь я работаю на них, а ты у меня «под колпаком», – и тихо засмеялась. – Похоже, они мне в мобильник что-то запихнули. Я зашла в кабинет Докутовича, он мне письмо долго диктовал, а когда вернулась, заметила, что мобильник лежит не так, как я его положила. Думаю, что они нас слушают, – и оглянулась на тумбочку рядом с кроватью, где лежал телефонный аппарат.

– Ну что ж, теперь дома придётся вести только эротические разговоры.

– Я не против, – в тон Егору ответила Элен. – Пусть получат удовольствие хотя бы так.

На следующий день генералы, посоветовавшись, пришли к выводу: поскольку вербовать Викулова никто не собирается, пора самим приступить к активным действиям. По принципу, если гора не идёт к Магомету, то... В общем, решили Докутовичу подкинуть «дезу». Надо было эту свору расшевелить, заставить их почувствовать опасность. Если возникнет паника, начнутся интенсивные контакты, тут-то и можно отследить все связи. К тому же, когда человек очень уж торопится, он непременно ошибётся.

Но прежде надо было сделать так, чтобы в СМИ просочилась информация, желательно, из уст какого-нибудь политолога, будто кресло под премьер-министром зашаталось, что вот-вот будет принято решение о его отставке. Такой способ зондирования общественного мнения не раз уже прежде применялся. А вслед за этим Викулов должен был проговориться жене, точнее пожаловаться на то, что это всё его уже достало, что будто бы Стрекалов задумал какой-то план, после реализации которого полетят большие головы. Ну а ему, Викулову, это зачем? В случае неудачи Стрекалову дадут под зад, да и Викулов может остаться без работы.

Машина вскоре заработала, однако на первых порах толку никакого не было. Но вот недели через полторы после описанных событий Элен получила приглашение. В загородном доме Докутовича намечалась вечеринка для «своих» – некий корпоратив из числа соратников по проекту «Востряково», сотрудников его аппарата в Белом доме и группы особо приближённых бизнесменов. Замысел был вполне демократичным, в духе происходящих в мире перемен, когда высшая знать демонстрируют единение со своим народом, в роли которого на сей раз выступали исключительно «белые воротнички». Присутствие жён или мужей было обязательно – в этом-то собака и была зарыта. Викулов понял, что предстоит приватный разговор, к которому ещё нужно подготовиться.

Глава 26. Вербовка при свечах

Нечто подобное Викулов видел на одном малоизвестном телеканале. Там клиента обрабатывали впятером – что называется, вели допрос с пристрастием! Такое даже в Следственном комитете теперь не практикуют. Правда, здесь их было только четверо. И то слава богу! Журналист с радио, всем известный Полифактов. Адвокат с бородкой – это сам Ной Маркович Евинзон. Рядом – вроде бы какой-то политолог, тоже физиономия знакомая. Ну и в компании с ними была плоскогрудая дама весьма экстравагантной внешности – ещё немного череп поскоблить и можно использовать вместо зеркала. Дама в основном молчала, а задавали вопросы журналист и политолог. Адвокат только поддакивал либо давал юридическую справку, если была необходимость.

– Нет, Егор! – Полифактов ещё в начале разговора перешёл на «ты». – Человеческую природу не исправить. В основе поведения индивида – желание разбогатеть любой ценой. Так уж всё устроено и незачем это изменять. Ну вот скажи, чем тебе наша нынешняя жизнь не нравится? Кругом всего навалом – и развлечений, и барахла. Только успевай деньги зарабатывать и тратить!

Будь Егор среди друзей, он бы знал, что им сказать. Всё было продумано и передумано не раз. Но тут совсем не то – тут приходилось изворачиваться. Не мог же он им сооб-

щить, что презирает созданное ими общество до глубины души. Стоило сорваться и произнести что-то в этом роде, и всё – Элен останется без работы, да и Стрекалов решит, что его лучший «следак», похоже, с дуба рухнул, раз позволил себе откровенничать в подобных обстоятельствах. Но самое главное, вся эта шобла затаится и будет снова творить свои чёрные дела. Этого Егор допустить не мог. Вот потому-то и сказал:

– Вы меня простите, но я в гуманитарных вопросах слабоват. Если бы предложили раскрыть какое-нибудь преступление, я бы с удовольствием. А тут я пас! Только одно скажу. Мне приходилось встречать людей, в прошлом вольных или невольных соучастников преступления, которые стали на верный путь и больше уже не помышляют о том, чтобы красть или мошенничать. Так что тут дело не в природе.

– Статистика говорит о том, что процент таких перерожденцев очень незначителен, – заметил адвокат.

– Вот видите! – воскликнул Полифактов. – А всё потому, что большинство людей поняло простую истину. Общество движет к процветанию только алчность наиболее активных его членов. Это закон! Это неопровержимо, потому что об этом нам говорит история нашего развития за последние двести... Да что я говорю? Это подтверждает весь путь, который пройден человечеством!

Егор не собирался возражать. Только хотелось бы найти пример в истории, напрочь опровергающий этого вихрастого

оратора. И вот вроде бы нашёл:

– Вениамин! Вы не могли бы мне напомнить, к чему привела алчность вождей Третьего Рейха.

Дама захлопала в ладоши:

– Ха! Славно вы его уделали!

Полифактов растерялся и уже готов был признать собственное поражение, если бы не помощь политолога:

– Видите ли, милейший! Это ещё не факт, что после победы Сталина в Европе стало лучше. Германия, в отличие от Советского Союза, была вполне цивилизованной страной. Ну, устранили бы со временем этого кривляку Гитлера, и всё пошло бы тем путём, по которому сейчас идёт большая часть человечества.

– Вот ведь хватил! – возмутился адвокат. – Вы что, забыли о Холокосте? Миллионы людей погибли в газовых камерах. Это, по-вашему, и есть цивилизация?

– Ну, это как посмотреть, – ушёл от ответа политолог.

Зато Веня не собирался отступать:

– Егор, я понял! Всё дело в том, что ты не любишь энергичных, предприимчивых людей.

– Что вы такое говорите! – картинно возмутился Егор. – Я и сам из энергичных. Поинтересуйтесь у начальства, если мне не верите.

– Да ладно! У тебя же на лице написано, что ненавидишь всей душой богатых!

– С чего вы взяли? Нет, совсем не так, – на пару секунд

Егор замолчал, чтобы покопаться в памяти. – Вот был такой Рубик, многие его наверно помнят. Изобрёл игрушку. Когда-то этим кубиком Рубика все от мала до велика увлекались. В итоге изобретатель стал миллионером. За что же его, позвольте, ненавидеть?

– Господи, Егор! – не унимался Полифактов. – Это исключение из правила, частный случай. Тоже мне изобретатель! Да незачем так напрягать свои мозги, если есть более простые способы. Имея инсайдерскую информацию, скупить акции на бирже, а потом с выгодой продать. Что миллионы? Так даже миллиарды можно заработать.

– Тут возникает вопрос, – вмешался адвокат. – А где прикажете взять начальный капитал? Он, как известно, на дороге не валяется.

– Всякое дело надо начинать с того, чтобы подыскать себе покровителя, желательно с толстым кошельком, – со знанием дела заметил политолог.

«Вон они куда подталкивают! Играют прямо, как по нотам. Один – в роли провокатора, другие – на подхвате. Только эта дама как бы ни при чём».

Тут эта дама и прорезалась:

– Как я понимаю, Егор, вы в своих руках больших денег сроду не держали. И мне почему-то кажется, что будь у вас солидный счёт в банке, роскошная вилла и шестисотый «мерседес», вы бы сейчас иначе рассуждали.

– Возможно, вы правы, – для вида согласился Егор, поняв,

что эту бодрягу пора, наконец-то, завершать.

– Ха! Я всегда права! – радостно вскричала дама.

По счастью, тут его окликнула Элен. Викулов извинился и покинул дружную компанию. Когда он подошёл к жене, та улыбнулась и спросила тихо, чтобы никто не слышал:

– Я вовремя?

– Да уж! – так же тихо ответил ей Егор. – Ещё несколько минут, и я бы их всех арестовал.

– Это за что же?

– За попытку ввести в заблуждение представителя Следственного комитета.

Их беседу прервал Докутович и на правах хозяина дома так вот, запросто увёл у Викулова жену. Егор снова почувствовал себя одиноким в этой толпе людей, в той или иной степени причастных к бизнесу – здесь были не только предприниматели, но и чиновники из тех, кому по должности полагается обслуживать частный бизнес. Но не успел он толком огорчиться, как рядом возник лысоватый гражданин с очаровательной улыбкой на лице и какой-то особенной искоркой во взгляде, что наводило на мысль проверить содержимое своего бумажника сразу после того, как этот лысый отойдёт.

– Позвольте представиться. Аксельборг Тарас Фердинандович. А вы, насколько я знаю, муж этой очаровательной сеньоры, – и указал на Элен.

– Очень приятно, – кивнул Викулов, назвав свою фами-

лию. – Мне приходилось о вас слышать.

– Да, теперь о моих делах много говорят. Долгий путь пришлось пройти, много было и неудач, и напрасных ожиданий, но вот теперь я на коне. И как вполне законопослушный гражданин могу даже позволить себе выпить в компании авторитетного специалиста из Следственного комитета.

– Ну, вы мой авторитет преувеличиваете. Я там всего лишь один из очень многих.

– Не скромничайте. Несмотря на режим секретности в вашем ведомстве, до нас, простых смертных, кое-что доходит. Это ведь вы раскрутили дело бывшего военного министра?

– А толку что? – при воспоминании об этом Викулов и впрямь затосковал, так что ему даже не пришлось изображать из себя человека, опечаленного перспективами своей карьеры.

Итак, судя по тону разговора, они не решились использовать все доступные им средства. Иначе Аксельборг упомянул бы про обстоятельства знакомства Викулова с Элен. Конечно, не барское это дело – заниматься шантажом. Да и зачем? Клиент, по сути, сам напрашивается – ведь что ни день, придя с работы, жалуется на свою судьбу. Тут требуются совсем другие методы вербовки.

– Увы, с Федюкиным вам не повезло, – скорчив грустную мину, заметил Аксельборг. – А причина в том, что вы слишком далеки оказались от реальности. С утра до вечера возитесь с протоколами опознаний, с вещдоками, а жизнь видите

только через окно кабинета для допросов в Лефортовском СИЗО.

– Не вам судить, как и на что мне приходится смотреть, – довольно грубо отвечал Викулов, как бы демонстрируя, что вовсе не заинтересован в этом разговоре.

– Егор Тимофеевич! – снова заулыбался Аксельборг. – Мы же с вами цивилизованные люди, так зачем нам ссориться? Всегда можно найти общий язык. Вы с этим согласны?

– Почему бы нет? Только что у нас общего? Я ведь к бизнесу не имею никакого отношения.

– Ну, это дело поправимое... – Аксельборг сделал вид, что у него возникла мысль: – А что, в самом деле, это был бы очень перспективный вариант! Представьте, вы становитесь главой солидной фирмы, а Елена Матвеевна будет работать, скажем, исполнительным директором. По мнению Кости Докутовича, она вполне для этого подходит.

– Нереально! – отмахнулся Егор.

– Да что вы! С вашими связями в силовых структурах капитал вы быстро сделаете. А я на первых порах готов выделить кредит.

– С чего бы такое одолжение?

– Выгодное размещение капитала, не более того.

– Даже и не знаю, – Егор сделал вид, что его мучают сомнения. – Как-то неожиданно всё это...

– Нечего тут раздумывать, соглашайтесь! Удача в жизни выпадает только раз.

«Ну ладно. Поломался немного, и хватит. Думаю, этого вполне достаточно. А теперь надо бы перейти поближе к делу», – именно так решил Егор.

– Тарас Фердинандович! Я всё же не пойму, с чего такой интерес к моей персоне?

– Мне кажется, что вы всё прекрасно понимаете. Я только поясню, что этот мир держится на неформальных связях. Не нами заведено, не нам и отменять такой порядок. А тем, кто против... – тут он замолчал и выразительно посмотрел на Егора.

– Это угроза?

– Боже упаси! – рассмеялся Аксельборг. – Это не мой метод – кому-то угрожать. Но вы же сами видите, сколько кругом талантливых людей, которым в жизни, увы, не повезло. А всё потому, что вовремя сделать верный шаг так и не решились.

– Шаг-то уж больно ответственный! – Егор сделал вид, что вытирает пот со лба.

– Егор Тимофеевич, поверьте, я искренне желаю вам добра! Такими людьми, как вы, так просто не бросаются, а в Следственном комитете вы уж точно пропадёте. Там ведь всё время какие-то интриги: одних увольняют, других подсиживают. Кошмар! Я слышал, некоторых ваших коллег даже под суд отдали по надуманному обвинению. Вам-то, дорогой мой, зачем всё это нужно? – и чуть ли не вплотную придвинулся к Викулову. – Так что, принимаете моё пред-

ложение?

– Ну допустим. А что дальше будет?

– Прежде всего, вы должны почувствовать себя членом нашей замечательной команды. Так сказать, со всеми вытекающими.

– То есть?

– Но это же понятно! Для начала хотелось бы получить от вас кое-какую информацию.

– Тарас Фердинандович! – сказал Викулов, покачивая головой. – Я ведь не первый год замужем. Меня на мякине невозможно провести. Ну вот я выложу вам эту информацию, и что?

– Как что? Продолжим наше сотрудничество на взаимовыгодной основе.

– Ой ли? Я, видите ли, служебные секреты должен им раскрыть, а потом меня этим самым станут шантажировать. Нет, так дело не пойдёт!

– Вы слишком подозрительны, Егор Тимофеевич, – ничуть не обидевшись, усмехнулся Аксельборг.

– А вы неубедительны, Тарас Фердинандович! Если у вас всё, то я бы хотел отыскать, наконец, свою жену. Наверное, заждалась уже.

– Подождите! Подождите, Егор! Но что вас может убедить в серьёзности моих намерений? Назовите сумму.

– Вы предлагаете мне взятку?

– Ну что за дела! – Аксельборг замолчал, видимо, не зная,

как ещё можно уломать этого упёртого служителя закона. – Ладно, какой вариант сотрудничества вы предпочитаете?

– Да ничего я не предпочитаю! Вам это нужно, вот и думайте. Но как я могу почувствовать себя членом этой вашей команды... Вы ведь так сказали? Как это может быть, если вы мне не доверяете?

Аксельборг задумался. В его голове шла борьба двух мнений, словно бы схлестнулись два противника, которых очень трудно примирить. С одной стороны воображаемой баррикады был инстинкт самосохранения, с другой – желание реализовать задуманные планы. А посреди – этот несговорчивый «следак», который мог оказаться провокатором. Вот пропустить бы через полиграф! Да как его заставишь?

Но время, к сожалению, не терпит, и потому срочно надо кое-что понять. Если его сегодня же представить, ввести в курс дела хотя бы в общих чертах, чем это может угрожать в самом крайнем случае? Главное, чтобы ничего лишнего не сболтнул кто-то из соратников, тогда риск минимален. Что ж, пожалуй. Только прежде надо бы всех проинструктировать.

– Так и быть, Егор Тимофеевич! Через полчаса я соберу всех ваших будущих друзей. Тогда и поговорим. Есть возражения?

– Да нет, – с видимым безразличием отвечал Викулов. – Ну, я пока пойду, а то Елена, наверно, беспокоится.

Глава 27. Заговорщики

Собрались в кабинете Докутовича. Помимо самого хозяина и Аксельборга, здесь были двое из Союза предпринимателей – сам Мякин и его правая рука, некто Фоккер. Присутствовал и бывший депутат Госдумы Пирожков. Рядом с ним, по-видимому, кое-кто из бизнеса, однако Викулов никого из них не знал. Были бы в списке «Форбс» – тогда совсем другое дело. Ещё несколько человек, причастных к проекту «Востряково» – среди них он заметил депутата Звонарёва. Вот, пожалуй, и всё, если не считать хмурого, необщительного господина, которого Егор определил как начальника службы безопасности при Аксельборге. А вот ни Полифактова, ни ту слегка истеричную даму они не пригласили. Надо понимать, что здесь собрались люди куда более серьёзные.

Беседу начал, как и ожидалось, Аксельборг:

– Хочу вам представить, господа, нашего дорогого гостя. Прошу любить и жаловать! Викулов Егор Тимофеевич, из Следственного комитета, – Аксельборг усмехнулся. – По счастью, он здесь отнюдь не по служебной надобности.

У Викулова чуть дрогнуло лицо. Его предупреждали, что сохранить спокойствие или выбрать нужную манеру поведения будет очень трудно. Однако есть способ – надо только убедить себя, что, в самом деле, готов предать Стрекалова,

что вот погнался за большим рублём, потому и оказался среди этих. Ну да, только и всего! В разведчики его прежде не готовили, но опыт следователя изрядно пригодился – не раз пришлось с преступниками вести очень сложную игру, чтобы «расколоть», заставить признаться в совершенном преступлении. Вот так и здесь. Только с этими надо быть гораздо осторожнее.

– Ну что ж, мы рады, что нашего полку, как говорится, прибыло, – это взял слово Докутович. – По сути, мы представляем из себя некий закрытый клуб, однако достойным людям место среди нас всегда найдётся.

Затем к беседе подключился Мякин:

– Вы только не подумайте, мы здесь не заговорщики какие-нибудь и не оппозиция. Мы просто радеем за судьбу страны. Как говорится, была б Россия, а больше нам ничего не надо.

«Куда уж больше? Чуть ли не всё приватизировали, – прокомментировал Егор, но тут же отбросил эти мысли. – Нет, надо держать себя в руках, а то как бы не выйти из заданного образа».

– Так вот, – продолжил Мякин, – чтобы успешно развивалась экономика, требуется подходящий климат. Я говорю об условиях для инвестиций. Но вот беда – власть то и дело меняет условия игры, а мы с моими коллегами оказываемся не всегда к этому готовы. Если бы нас заранее предупреждали, бизнес развивался бы куда успешнее. Вы понимаете, о чём

я говорю?

– Не совсем, – Егор смущённо улыбнулся. – То есть ваши пожелания мне понятны, но я-то здесь причём? Было бы самонадеянно с моей стороны и даже нелогично заявлять, будто я знаю о намерениях правительства гораздо больше, чем присутствующий здесь вице-премьер, – Егор посмотрел на Докутовича.

Константин Викентьевич не возражал:

– Да-да, конечно, я информирую. Вы же понимаете, мы здесь одна команда. Но речь тут о другом. Как бы вам проще это объяснить...

Тут Докутович смешался, так и не сообразив, как бы яснее выразить свою мысль. Вот если бы речь шла о состоянии потребительского рынка или перспективах роста поголовья крупного рогатого скота...

– Позвольте я, – пришёл на выручку вице-премьеру Аксельборг. – Видите ли, Егор Тимофеевич, хотя собрались здесь, в основном, бизнесмены и экономисты, нам небезразлична политическая ситуация в России. Все эти митинги... не дай бог, ещё будут забастовки – нам это по большому счёту ни к чему. То есть пусть будет даже в некотором роде политический застой. Нам главное знать, что всё движется в нужном направлении.

– Что вы имеете в виду? – искренне недоумевая, спросил Егор.

Тут снова в разговор вмешался Мякин:

– Ну вот, к примеру, более либеральное законодательство, снижение вывозных пошлин. Сейчас непомерные налоги уничтожают бизнес на корню...

– Вы забыли про коррупцию, – пришёл на помощь ему Фоккер. – Пока значительная часть экономики в руках прожорливых чиновников, мы с этой заразой никогда не справимся.

– В общем, полагаю, ситуация вам понятна, – подвёл итог этому краткому обзору Аксельборг. – Демократия, права человека – и это тоже нас волнует. Однако на первом месте всё же материальный базис. Ведь так нас ещё в прежние времена учили?

Тут, видимо, Егору следовало прослезиться, проникнуться, так сказать, заботами окружающих его людей, проявить сострадание и присягнуть на верность, клятвенно пообещав всё сделать для процветания отечественного бизнеса. Но ничего этого он не сделал, хотя бы потому, что помешали:

– Тарас Фердинандович! Ну при чём тут это? – не выдержал Звонарёв. – Надо ставить вопрос ребром, а вы всё ходите кругами вокруг да около. Они вот-вот окончательно приберут страну к рукам, и мы ничего уже не сможем сделать!

– Да помолчи ты, Гарик! Только всё испортишь, – попытался уговорить депутата Пирожков.

– Ты сам заткнись! – возмутился Звонарёв. – После твоего отказа поддержать единого кандидата от оппозиции всем стало ясно, что одеяло тянешь только на себя. Надеешься на

подачки спонсоров?

– Да все здесь знают, что у тебя свой бизнес в Черногории. То же мне, борец за справедливость!

– Господа! Но так нельзя! – Докутович не на шутку рассердился, поскольку эта перебранка двух болтунов могла всё испортить. – Стоит вам оказаться вместе в одной аудитории, как сразу начинается бардак. Ну подождите хотя бы полчаса, а там хоть бейте по мордасам, если есть желание.

– Таковую идею загубили! – не унимался Звонарёв.

– Если не прекратите, я прикажу вас вывести.

После того, как Пирожков и Звонарёв уgomонились, Аксельборг счёл необходимым дать кое-какие пояснения:

– Что поделаешь, Егор Тимофеевич, в политике всякое бывает. Случается, страсти перехлестывают.

– Я понимаю, – согласился Егор.

– Ну вот и хорошо. Будем считать инцидент исчерпанным. Затем хозяин кабинета предоставил слово Фоккеру.

– Егор Тимофеевич! Я вот о чём хочу сказать. Хочу как бы уточнить нашу позицию. Даже не столько позицию, но разъяснить, в чём наш главный интерес. Ну вот представьте, изменится состав правительства, появятся новые лица на ключевых постах. Так нам бы надо подготовиться к этим переменам! Ведь только на падении курса акций мы столько можем потерять! – эти слова Фоккер сопровождал красноречивыми жестами, видимо, пытаясь описать своё отчаяние.

Впрочем, и Егор с трудом сдерживал свои эмоции: «Вот-

вот! Только зачем нужно было вешать лапшу на уши про то, как вы заботитесь о своей стране? На самом-то деле всё гораздо проще. Вам лишь бы набить свои карманы!»

В сущности, так оно и было. Присутствующие в один голос поддерживали Фоккера. Все наперебой заявляли о своих опасениях, о том, что может им грозить, если не изменится курс, если экономика не станет более либеральной. Было сказано немало резких слов в адрес некоторых министров, дошло и до упрёков в адрес президента.

«Вот ведь как всё складывается! – размышлял тем временем Егор. – Буквально ни слова не сказали ни о премьере, ни о министре экономики. Будто они совершенно ни при чём. И ведь как тонко касаются интересующей их темы! Видимо, я сам должен догадаться. Нетрудно предположить, что интересно им одно – действительно ли в Кремле рассматривается вопрос об кадровых изменениях в правительстве, прежде всего, в финансово-экономическом блоке? Ну что ж, ещё немного поиграем. Что тут поделаешь, если я такой тупой?»

Пришла пора и ему вмешаться в разговор:

– Тарас Фердинандович! Господа! Мне вполне понятна ваша озабоченность, но чем же я могу помочь? Вы уж извините, но у меня нет осведомителей ни в Кремле, ни на Старой площади.

– Ну а Стрекалов? Уж он-то частый гость в Кремле. Тут все об этом знают, – воскликнул Звонарёв.

– А что Стрекалов? Он мне не докладывает, – Егор для видимости попытался оправдаться. – Поймите, я рад бы вам помочь, но это не мой уровень... Хотя... – тут он сделал вид, что в голову пришла неожиданная мысль.

Это был решающий момент, можно сказать, кульминация! Егор почувствовал это по напряжённым взглядам, устремлённым на него. «Только не надо бы спешить! Теперь нужно не торопясь, осторожно выложить всё то, о чём со Стрекаловым заранее договорились. Главное, чтобы не возникло подозрений, будто он их просчитал, и эта его догадка вовсе не догадка, а всё заранее продумано».

– Так что там у вас, Егор? Ну не томите! – первым не выдержал Аксельборг. – Здесь все свои. Могу гарантировать, что за пределы этого кабинета информация не выйдет.

– Видите ли, я не совсем уверен... В общем, так. Недавно, когда я был на докладе у Стрекалова, снова зашла речь о бывшем военном министре, о Федюкине.

– Но дело уж два года, как закрыли, – удивился Пирожков.

– Не совсем так. Правда, оно еле теплится. А тут шеф почему-то заинтересовался теми связями Федюкина, которые мы не успели отработать. И вот когда я упомянул премьеру...

– Простите, а он-то здесь при чём? – дрожащий голос Докутовича выдавал его волнение.

– Так ведь премьер в бытность свою президентом санкционировал заказы на поставку импортных вооружений для

нашей армии, – пояснил Егор.

– И в чём тут криминал? – снова упёрся Докутович.

– Так я же говорю, мы этим тогда не занимались. Просто руки не дошли.

– Ну а теперь?

– Теперь, стоило мне упомянуть премьера в связи с тем случаем, как получил приказ выкинуть это из головы.

– Так прямо и сказал?

– Нет, просто намекнул, что этим другие люди занимаются. Впрочем, дословно я не помню.

Как принято в таких случаях говорить, в кабинете повисла тишина. Только кто-то каблуком словно бы чечётку выбивал, да настенные часы глухо отсчитывали минуты и секунды...

Прощаясь с Викуловым, Аксельборг ничем не выдал озабоченности, даже постарался улыбнуться:

– Ладно, Егор Тимофеевич! Моё предложение остаётся в силе, но в наших общих интересах, чтобы вы пока оставались в своей нынешней позиции. Не так ли?

Так-то оно так, был бы толк от такой позиции.

Глава 28. Фима

Как известно, предпочтения у людей бывают разные. Один доволен уже тем, что отхватил место старшего приказчика в галантерейном магазине. Другому пост управляющего в солидном банке подавай. Третьего увлекает не слишком рискованная игра на бирже, само собой при наличии приватно сообщённой информации, приносящей миллионные доходы. Ну а четвёртый – тот готов даже лечь в постель с придурковатой дочкой своего хозяина, привлекательной не более, чем неструганная доска или заспиртованный африканский крокодил, лишь бы наварить себе толику начального капитала в виде приличного куса госсобственности. Да что тут говорить – если с дочкой не удастся, хоть с хозяйским псом! Любые неудобства оправдывает выгода.

Так вот, Фима не укладывался ни в одну из перечисленных категорий – ему всюду было тесно и мало. Видимо, поэтому его заветной мечтой стала возможность «кидать лохов» направо и налево, оставаясь всё время под защитой Первого лица. Попадались, конечно, и те, на ком зубы можно обломать или ссориться попросту не имело смысла, но, за редким исключением, всё шло своим налаженным путём. Ещё прадед по отцовской линии, Лейба Элевич Рабинович, служил в Гродненской губернии по этой части – был непременным членом уездного раскладочного присутствия... Ну

в общем, что-то там такое по налогам и сборам. Вот Фима и унаследовал от него привычку – буквально всё прибираться к своим рукам!

Сейчас он лежал на верхней палубе яхты, подставляя усыпаные веснушками, слегка поросшие рыжеватой растительностью плечи тёплому ветру Атлантики – увы, загар его толком никогда не брал. Нельзя сказать, что при взгляде на Фиму впечатление складывалось приятное, однако и отвращения он на первый взгляд не вызывал. Чересчур покатые плечи, пожалуй, не шире талии, которая практически не прощупывалась, дряблые телесные покровы вместо мышц и вообще – довольно бесформенный, хотя и вполне приемлемый по габаритам силуэт. Вероятно, в закрытом купальном костюмчике эпохи пляжного целомудрия он выглядел бы куда как симпатичнее.

Итак, Фима лежал, и его одолевало нехорошее предчувствие, а одолев, заставило надолго призадуматься. Во всех своих жизненных коллизиях он следовал правилу: «Не жди, когда тебя ударят – избегай ситуаций, чреватых мордобитием». Ошибаются те, кто думают, что патологическая боязнь за собственную жизнь и состояние здоровья появилась у него только сейчас, то есть когда такое счастье привалило. Нет, всё случилось гораздо раньше, в незапамятные времена, когда, провернув дырочку в дощатой стенке, разделяющей женскую и мужскую половины туалета на окраине городского парка, он прильнул к отверстию и с замиранием

сердца ждал, когда там, за стенкой кто-нибудь появится. Может быть, именно поэтому Фима так и не заметил, как вошли двое, закрыв за собой дверцу на щеколду, один зажал ему рот, а другой, одним движением сорвав с Фимы короткие штаны...

Теперь-то он даже не уверен, был ли тот кошмар на самом деле или достался в наказание за какие-то грехи, однако с недавних пор вся эта мерзость всё чаще возникала перед его глазами, причём в самый неподходящий для подобного зрелища момент. И тогда Фиме становилось худо, и оставалось лишь одно – замкнуться в себе и ничего не замечать. И даже столь желанные прежде обстоятельства, когда все козыри на руках и если бы ещё и прикуп сносить не надо было – даже это его уже не радовало.

Что бы ещё такое сделать, чтобы заглушить в себе боль, избавиться от раздражающего его хрупкую, весьма ранимую натуру воспоминания о пережитом унижении? Прежде успокаивало, если ему приносили ещё один сундук, набитый асигнациями. Потом он нашёл удовлетворение в том, чтобы тратить припасённый капитал на зависть тем, другим, среди которых, возможно, числились и его тогдашние мучители. Теперь же и это не спасало – потому что хотелось забыть, а не забывалось ничего.

От грустных размышлений Фиму отвлёк секретарь, сообщивший, что вот уже полчаса, как разговора с ним добивается некто Веня Полифактов. Но поскольку было приказано

ни с кем не соединять, секретарь не решился послушаться до тех пор, пока тот не стал названивать каждые пять минут.

Когда-то Фима был знаком с этим Полифактовым. Ещё один столичный обормот с уникальной внешностью, напоминающей то ли степное перекаати-поле, то ли припорошенное инеем ветвистое дерево с насквозь прогнившим, отвратительным нутром. К тому же претендует со своим вонючим радио на титул властителя дум свобододолюбивой части публики. Особой надобности в нём не было, однако все московские слухи сыпались из Вениного рта, как из рога изобилия. Кое-какую пользу из этих слухов Фима всё же извлекал, если надо было, не привлекая к себе внимания, выяснить намерения конкурента или собрать компромат на крупного чиновника, который оказался недостаточно покладистым. В последнее же время Фима радио не слушал, а уж эрудированных раздолбаев всегда на дух не выносил. Но в этот раз ничего другого не оставалось, как именно прислушаться, поскольку чутьё подсказывало, что события назревают слишком важные, чтобы на всё это махнуть рукой.

Причина его настороженности была в том, что некоторое время назад Первый счёл возможным помиловать Кайманского. Как Фима ни доказывал, что этого делать ни в коем случае нельзя, так и не смог переубедить. Да, прежнего нетрудно было уломать, а этот упирается, как бык, и если не представишь железных аргументов, всё напрасно. А тут одно-единственное соображение – Кайманский будет мстить.

Надо сказать, что совесть при воспоминаниях о своих партнёрах Фиму никогда не мучила. Не то, чтобы не было её вовсе, как не быть, где-нибудь наверняка имеется, но явного её присутствия он никогда не ощущал. Ну вот, к примеру, один из них ввёл Фиму в ближний круг тогдашнего хозяина Кремля. Естественно, Фима не мог этим не воспользоваться. Так что, теперь до гробовой доски – чур меня, чур! – должен ему лапки целовать? А уж то, что в одной берлоге двум ко-солапым не бывать – это известный всем закон природы. К тому же своими политическими авантюрами Борис Абрамович всех уже достал, не хватало ещё, чтобы подставил Фиму. Тогда бы всё, о чём мечтал, все длительное время вынашиваемые планы в одночасье могли бы превратиться в пыль.

С Кайманским было не совсем так. Уж очень жадный, буквально всё грёб под себя, ничем не брезговал. Правда, на дело денег не жалел – спонсировал и правых, и левых депутатов. В итоге начал складываться параллельный центр власти. Фиме это было ни к чему – тогдашняя ситуация его вполне устраивала. Собственно говоря, поэтому и подсказал Первому некий вариант, а уж они потом сами всё устроили. В итоге не только не проиграл, но и получил бонус в размере трёх миллиардов баксов – это был аванс, предоплата по сделке, которая тогда не состоялась. Ну что поделаешь, если форс-мажорные обстоятельства оказались сильнее джентльменских обязательств!

Итак, придётся выслушать этого Полифактова:

– Здравствуйте, Ефим Петрович! Извините, что в неурочный час.

– Слушаю, Вениамин. Что там у вас случилось?

– Да у меня всё слава богу! А как у вас?

Фима насторожился:

– Вы на что же намекаете?

– Ой, нет, я ничего такого... С другой стороны, как знать...

– Да объясните же внятно, а то я вынужден буду прекратить этот разговор.

Вот не хватало ещё, чтобы какой-то замухрышка пугал миллиардера из первой десятки российского «списка Форбс»!

– Ой-ой, только не надо прерывать, Ефим Петрович! Тут, понимаете, такие события, что я был вынужден... Хотя в нынешних обстоятельствах двести граммов коньяка – это именно то, что нужно.

– Так вы пьяны?!

Фима сам почти не пил, да и другим это не советовал. А уж разговаривать с пьянчужой... Вот до чего довели реформаторы страну!

– Ефим Петрович! Были бы на моём месте, так тут и литра Чивас Ригал не хватило бы!

«А что если не врёт? А что если и впрямь что-то там случилось?»

– Веня! Ты не мог бы обойтись без этих алкогольных от-

ступлений?

– Так я и говорю! Случилось невозможное, невероятное!

– Ну что такое? В Кремле пробурили нефтяную скважину, забил фонтан?

– Пока что нет. Но думаю, что-то в этом роде скоро будет...

– Ну что же?!

– В общем, Ефим Петрович, так. На меня вышел некий человек. Впрочем, говорит, что он не человек вовсе, но это и не важно. А важно то, что он всё мне объяснил – и то, что было, и то, что только предстоит. Что касается прошлого, тютелька в тютельку совпало, и про Дракона, и про Змею.

– Гадалка, что ли?

Фима был разочарован. Вместо того, чтобы беречь нервную систему, как предписали доктора, он вынужден выслушивать этого пьяного болвана.

– Нет, Ефим Петрович! Вы не подумайте, я совсем немного выпил, а он и вовсе ничего... Но дайте досказать! Так вот, он говорит, что в августе случится смена власти.

– Но почему в августе? Опять?

– Вот и я о том его спросил!

– И что?

– А он ушёл. Однако напоследок мне сказал, что будет новый человек на посту премьера.

Это было уже достаточно серьёзно. Не потому что Фима однозначно верил Полифактову, но дело в том, что и до него

дошли такие слухи. А когда слышишь одно и то же из разных уст, это наводит уже на размышления.

«Вот так всегда! Вроде бы ни к кому не пристаю, сижу себе, на айфоне в крестики-нолики играю. И вдруг как снег на голову! Причём, где-то поблизости от побережья экваториальной Африки. Такое впечатление, что это моё тихое счастье кому-то покоя не даёт. Что тут поделаешь, завистников везде хватает – и в Лондоне, и в России, и даже здесь, на этой мега-яхте. Наверно, рулевой все локти себе искусал, глядя на Кристин. Знал бы, сколько я денег в неё вбухал прежде, чем поцеловать себя позволила».

Вот именно, что так всегда – ничто в мире бесплатно не даётся, за всё приходится платить, желательно в евро или в долларах. Тут главное – не только не продешевить, но и быстро принять нужное решение. А то ведь будет, как на аукционе Сотбис – чуть пожадничал, промедлил, ну и всё! В лучшем случае получишь залежалый товар, а то и вовсе нечто, никому не нужное. Помнится, ещё великий вождь пролетариата указывал на опасность промедления.

В принципе, это вероятное событие, то, о чём Веня рассказал, не должно было его коснуться. Россия очень далеко, и только единственное обстоятельство могло обеспокоить – его связь с нынешним премьером. Связь, можно сказать, платоническая, поскольку к политике это никакого отношения не имело. Да просто выступил посредником в сделке с производителями вооружений из Западной Европы, ко-

гда у Барчука что-то не заладилось. Выгода для него грошовая, однако как можно отказать – всё-таки президент просил, хотя и временный. Чем чёрт не шутит – а вдруг когда-нибудь поможет?

Когда следствие вышло на Федюкина, Фима запаниковал. Если дело в этих заказах, если начнут копать, могут в итоге выйти на него. А это могло окончательно испортить репутацию в глазах бывших соотечественников и европейского бомонда. Уж эти отставные генералы найдут, как всё расписать. А там недалеко и до претензий Генпрокуратуры. Чего доброго, потребуют его выдачи, а это значит, что снова предстоит процесс, снова тратиться на адвокатов... По счастью, дело Федюкина замяли! Но вот теперь, если и впрямь решили наехать на премьера, всё может принять гораздо более опасный оборот. Да при желании могут навесить что угодно – вплоть до участия в заговоре против Первого лица.

А между прочим, в той сделке с вооружениями вполне могли обойтись и без него. Он ещё тогда подумал, что заигрывают, пытаются переманить на свою сторону. Да фиг вам, нашли тоже дурака! Но лишь теперь Фима понял, что стоит перед довольно жёстким выбором – то есть сдавать или не сдавать? Если промолчишь, если станет известно о его участии, тогда начнётся вся эта канитель с допросами и адвокатами. В сущности, только одно смогли бы предъявить: будто бы ставит сразу на обоих – и на нынешнего, и на прежнего. А там и ещё что-то приплетут. Им ведь только дай повод,

фантазии на это хватит! Что ж, ничего другого не остаётся, кроме как попытаться предупредить неприятные события.

Конечно, жаль премьера, у них довольно много общего. Фима никак не мог поверить, что кто-то может добиваться власти, лезть наверх, рискуя жизнью и здоровьем, исключительно ради процветания своей страны. И в Европе лезут вверх, имея в виду конкретный шкурный интерес, то же и в России. Именно это их с премьером объединяет, а вот отличием является способ достижения желанной цели. Премьеру просто напросто не повезло – не в той среде воспитан, деловая хватка начисто отсутствует, поэтому и вынужден пойти в политику. К тому же, внимание восторженной толпы приятно греет самолюбие – уж это Фима понимал. Но вот ему лично такое внимание совершенно ни к чему.

Так сдать или не сдать? Проблема в том, что обвинить премьера ему по большому счёту не в чем. Честно говоря, тут попросту шаром покати – ни единой зацепки, ни одного листочка компромата. Вот когда подставлял Кайманского, был богатый выбор, а здесь ну буквально ничего! Что ж, придётся использовать то, что сможет подсказать фантазия. К примеру, чем не вариант – заговор либералов, во главе которого стоит премьер. Тут главное – любым способом перевести стрелки на него и продемонстрировать свою лояльность действующей власти. Ну а народная молва при помощи таких, как Веня, вполне способна превратить домыслы в убийственные факты.

Глава 29. Козни Соломона

Пожалуй, никто не станет отрицать, что при взгляде на Соломона Бляхера перед глазами словно бы возникает личность Аксельборга. Поставь их рядом, и при всём старании не сможешь отличить. Ну разве что какие-то мелкие, второстепенные детали. А так, и характерный прищур глаз, и даже ироническая усмешка – всё это указывало на общность их происхождения. Кто знает, может, дальние родственники, только признать это не хотят. Правда, одному крупно повезло, с другим же судьба обошлась весьма неласково. Увы, такое иногда бывает.

Как можно предположить, причина неудачи Соломона в том, что не сумел вовремя родиться. Вот оказался бы в начале 90-х в расцвете сил... Да что тут говорить, заткнул бы за пояс и Рабиновича, и Брезуновского. Увы, на раздачу Бляхер не успел – как раз в это время протирал штаны на лекциях, изучая основы кибернетики. Ай, да кому она теперь нужна? В общем, спохватился он тогда, когда каждая лотошница на Ленинском проспекте уже имела свою «крышу».

Осталась единственная возможность – «крышевать», то есть обслуживать политиков. Понятно, что тут доход совсем не тот, что в бизнесе, какие-то объедки с барского стола, но кое-что перепало, в частности, из рук Бориса Брезуновского. Первой удачей стала публикация доклада о госпере-

вороте, который якобы замышляют олигархи. Борис Абрамович был вполне доволен, даже к обещанному гонорару добавил премиальные в размере тридцати процентов. Мог бы, конечно, и расщедриться, удвоив гонорар, но в эмиграции у него возникли новые расходы. Соломон отнёсся с пониманием, тем более что куда больше радовал итог его стараний – Кайманского прямиком отправили на нары, а это вызывало дополнительное уважение к самому себе, к своим талантам и возможностям. С тех пор любимым занятием Соломона стало вот это оптимальное сочетание реальных фактов, логики и необузданной фантазии, которое не раз давало самые неожиданные результаты.

Не избежал участи заочно пообщаться с Бляхером и Кайманский. К тому времени успев потратить кучу денег на бездарных адвокатов, он ухватился за предложение Соломона, как за последний шанс. Что ещё ему оставалось, если больше нет сил это терпеть, а прокурор отказывается слышать призывы мировой общественности? Итак, Соломон написал несколько слезливых текстов – это были якобы письма из тюремной камеры. В них Кайманский признавал, что был не прав, что напрасно поверил в западную демократию и либерализм, что у России должен быть свой собственный путь к процветанию и социальной справедливости. Рассчитывал, видимо, на то, что в Кремле прочитают это покаяние, тут же прослезятся и поймут, что он не враг, что многое успел переосмыслить и потому уж точно заслужил прощение. Увы,

результат публичного унижения был совсем иной – второе дело и новый приговор. Мало того, многие Кайманскому так и не простили его отказ от либеральных убеждений.

Странность этой истории ещё и в том, что именно Соломон сочинил доклад о заговоре олигархов, который подтолкнул власть к принятию жёстких мер в отношении Кайманского. И вот теперь тот же Соломон предложил свои услуги по спасению, ну а Кайманский почему-то взял и согласился! Тут одно из двух: либо бывшего олигарха окончательно загнали в угол, либо же он вовсе не умён, как когда-то кому-то показалось. Всё это и позволило Бляхеру рискнуть, предложить воспользоваться своим удивительным талантом, однако риск был минимален – главное, он получил свой гонорар, а с остальным разберутся без него.

Вспомнился телефонный разговор с заказчиком уже после того, как был опубликован тот доклад по наводке Брезуновского. Новый клиент требовал это дело раскрутить, нужно было продолжать публикации по злободневной теме. Понятно, что Соломона волновал, прежде всего, денежный вопрос:

– Так что там по деньгам?

– Не дрейфь, Соломон! Деньги – это не проблема.

– Но мне важно знать заранее. Ну хотя бы небольшой аванс...

– Главное – есть промежуточный результат. Эти там запаниковали, ну а с Первым мы работаем. Так и вы тоже поста-

райтесь!

– Да мы стараемся! Шумим, создаём нужную атмосферу... – Соломон давал нужные пояснения, а затем возвращался к прежнему вопросу: – А всё же с деньгами как?

– Предварительные договорённости остаются в силе.

– Вы меня правильно поймите. Это же особый случай! Одно дело, когда надо обвинить соседа в том, что он собрался отравить вас выхлопными газами. Ну а тут совсем другое!

– Мы это учтём.

– Надеюсь. Что ж, тогда до встречи.

– Пока, я ещё перезвоню.

Конечно, Соломон не стал бы отрицать своё участие в этой провокации. Но в том, что в итоге произошло с Кайманским, он однозначно винил только Чесина. Загадочная личность! У кого ни спрашивал, никто не знает, откуда он явился. Словно бы прилетел в Луны! Да что говорить, и внешность крайне неприятная, да и доверия явно не внушает. Такого встретишь в тёмном переулке, даже если не попросит, всё отдашь – от портмоне с деньгами до шнурков на поношенных ботинках.

Да, эдакий Малюта Скуратов в современном оформлении! Хотя, пожалуй, нет – скорее, нечто среднее между Малютой и тем Александром Меншиковым, что благоденствовал при Петре Великом. Увы, судьбе любимца Екатерины и Петра не позавидуешь. Был в звании генералиссимуса, дочь оброчилась с наследником царя, но вот итог – ни званий, ни

наград, ни капиталов, а умер где-то в деревеньке под Тобольском. Печальная судьба! Неблагодарные потомки! Впрочем, как ни странно, жестокому Малюте куда больше повезло. Вот интересно, что ожидает Чесина? Да он и сам этого наверняка не знает.

Рассказывали, что по убеждениям он социалист, когда-то увлекался Че Геварой. Однако столько времени с тех пор прошло – совсем другие кумиры, иные интересы. И тем не менее, частному бизнесу предпочитает государственное управление, хотя не причисляет себя к коммунистам. Но вот что ещё больше удивляет: будто бы власть для него важнее денег! Ну где ещё найдёшь такого... чудака? На самом деле, всё достаточно логично. Деньги – это действительно не важно, пока есть власть. А вот лишится власти – тогда накопленные капиталы будут очень кстати. И даже то, что не творец, а только исполнитель – это хорошо. Хорошо для Первого – вроде бы исполнителем он вполне доволен. А потому что более преданного человека не сыскать. Во всяком случае, пока Первый сохраняет власть. Что будет после этого – на эту тему нет смысла рассуждать.

Итак, оставим в покое и Чесина, и то, что случилось десять лет назад. Что было потом? Потом Соломон подставил Рогова, одного из основателей модной тогда Партии российских патриотов. Её представители даже были избраны в Госдуму, однако Соломон здесь ни при чём – решающую роль сыграла возможность пригвоздить к позорному столбу во-

ждей тогдашних правых партий, которые существовали в основном на средства, выделенные Кайманским. Тот уже сидел в СИЗО, что авторитета «правым» не прибавило. Ну а подстава заключалась в том, что Соломон посоветовал Рогову после успешных выборов «пойти на вы». Тот взял, что называется, «левый крен», разругался начисто с Кремлём и в результате мог навсегда вылететь из большой политики, как многие ослушники вылетали до него. Если бы чуть позже не предложили солидную должность на госслужбе, так бы и куковал где-то на задворках, никто о нём теперь бы и не слышал.

При воспоминании о «белокурой бестии» из незалежной Украины, Соломону до сих пор икается. Вот ведь и она теперь сидит, а всё потому что наслушалась его советов. Что он доведёт даму до ворот тюрьмы – этого Соломон даже предположить не мог, поскольку намерения у него были вполне прозрачные – хоть что-то заработать там, где ещё нуждаются в его услугах. Как и в случае с Кайманским, успокаивало лишь то соображение, что, несомненно, они сами виноваты, раз уж решили довериться ему.

Ну а про дела Соломона Бляхера с экс-шахматистом и другими «бывшими» и вовсе не стоит вспоминать. Претензия на роль главного идеолога так и не сбылась, ни всенародного бунта, ни всеобщей забастовки не случилось – так, только мелкие шалости и вопли недовольных. В итоге Соломон бросил дело, которое не сулило ни малейшей выгоды.

Так вот, именно Бляхер получил заказ. Было бы странно, если бы Фима выбрал кого-нибудь другого – несколько лет назад Бляхер уже имел возможность угодить, написав книжку «Мемуары Рабиновича». Слегка облагородил Фимин имидж, только и всего. Теперь же предстояло продолжить начатое дело – взять за основу реальные события, а после раскрутить всё так, чтобы Фима весь оказался в белом, ну а нынешний премьер, соответственно, в дерьме! Задача, конечно, не простая, но Бляхер за свою карьеру брехуна и провокатора не такое вытворял. Можно быть уверенным, что справится.

И правда, уже через неделю на страницах газеты «Московский сплетник» появилась первая скандальная статья из целой серии. Материал был, что называется, убойный! Если бы не одно «но» – фамилия нынешнего премьера не упоминалась, однако нетрудно было догадаться, что речь шла именно о нём.

Вот первый опус Соломона, цитируемый с незначительными сокращениями:

«Ровно два года назад был смещён со своего поста Аркадий Евграфович Федюкин. В то время – один из самых влиятельных людей России, краса и гордость армии, военный министр, успешно проводивший непопулярные реформы, самый энергичный управленец постсоветской эпохи. У него везде, на всех этапах его многотрудной деятельности, всё было отлажено и схвачено. Такой человек, разумеется,

никак не мог попасть в тюрьму. И, тем не менее, едва не оказался за решёткой.

Зачем хотели посадить Федюкина? Политологи из разряда патриотов, несомненно, скажут – чтобы искоренить коррупцию, чтобы навести порядок в нашей армии, чтобы спасти от разграбления значительные бюджетные средства. Нет и ещё раз нет! Бюджет здесь совершенно ни при чём. Реальная причина гонений в том, что Федюкин оказался либералом...

Смещение Федюкина было предостережением, первым словом в кровавой надписи на каменной стене. Вопрос – "почему именно он, самый эффективный и решительный?" – содержит в себе ответ. Именно поэтому! Чтобы менее эффективные и не такие решительные поняли, что их в дальнейшем ожидает. Увы, российская либеральная элита так ничего и не поняла. Она просто подумала: ну пусть один сгорел, а нам-то уж точно не придётся. Мы будем верить, что наши идеалы непорочны, ещё крепче сплотим ряды и будем двигаться вперёд, к белому зданию либерализма на горизонте.

Однако так ли уж прочны ряды, так ли уж непорочны идеалы? Вспомним недавнюю историю с поставкой импортных вооружений для российской армии. Неужто кому-то в голову придёт, что наша промышленность не в состоянии сделать что-нибудь подобное? Уж что-что, а с этим у нас был всегда порядок, даже в ядерном оружии сохранился паритет. Так

кто же стал инициатором этой странной сделки? И главное – зачем? Вполне логичный ответ – приказ исходил от тогдашнего верховного главнокомандующего, ну а Федюкин с радостью взял под козырёк. Но для чего? Не для того же, чтобы получить мизерный откат в несколько миллионов долларов? И вот выясняется пугающая своей определённой тенденция. Заказ на импортное вооружение явился составной частью тщательно продуманного плана о переходе на европейские стандарты. Оказывается, всё было сделано в расчёте на перспективу скорейшего вступления России в НАТО! Но как же так? Ведь нам много лет внушали, что кругом одни враги, что нас со всех сторон обложили военными базами, обставили ракетами. И вдруг... Уж не измена ли это, господа? Уж не готовят ли нам новый переворот, куда более радикальный, шоковый, чем двадцать с лишним лет назад?..

Когда над Федюкиным завис дамоклов меч, самым популярным стал вопрос: "Кто следующий?". Пока ни одного претендента не нашлось, но это вовсе ничего не значит. Потому что в очереди к палачу, тому, что ждёт на эшафоте, стоите вы, владельцы престижных "ауди" с мигалками и чёрных бронированных "мерседесов". Дела на вас давно уже заведены, свидетельские показания собраны, доказательства подшиты. Так что умоляю, не назначайте деловых встреч на завтра, господа. Если за вами не пришли вчера, не думайте, что опасность миновала. А потому что вероятность встречи с прокурором с каждой минутой только повышается».

Фима опусом Бляхера был вполне доволен. Главное, что он в этой сделке остался как бы ни при чём, поскольку никогда не тусовался с либералами. Но даже если начнут копать, озвученные Соломоном коварные планы заговорщиков затмят столь малозначительную деталь, как фигура мелкого посредника, который и не догадывался, что они готовят.

Самое удивительное в том, что очень скоро обнаружилось, что и генералам Бляхер угодил. Можно подумать, что это они статью заказывали. Стрекалов радовался, как ребёнок, ходил туда-сюда по кабинету и беспрестанно повторял, помахивая перед лицом Егора этой газетёнкой:

– Вот как надо работать! Ни тебе протоколов допросов, ни опознаний, ни очных ставок, а результаты налицо!

– Так вроде бы нет ещё никакого результата, – попытался остудить пыл своего начальника Викулов.

– Как это нет? – воскликнул генерал. – Впрочем, с тебя-то чего взять? В таких делах ты ничего не понимаешь. Ну ладно, популярно объясню. Бывают такие ситуации в политике, когда явно прищучить противника не удаётся, а вот подготовить общественное мнение, заставить врага запаниковать – это вполне реальная задача. Тут возникают возможности, которые ни следователю, ни прокурору и не снились, – Стрекалов уселся в кресло, закурил и на лице его появилось выражение блаженства. – Да, брат! Кое-что и мы можем! А всё-таки приятно, когда задуманное получается! Сначала наш агент под видом прорицателя, затем этот журналюга Поли-

фактов, потом информация дошла до Фимы Рабиновича, а тот уже нанял этого писаку Соломона Блюхера. Довольно сложная цепочка, однако же сработало, а мы как бы ни при чём!

– Аристарх Игнатъич! А в чём же заключается итог?

– Ты лошадей-то не гони, Егор! Мы свой процент сделали, а подведение итогов будет там, – и оглянулся на портрет, висевший за его спиной.

Тут только Викулов понял, что и возня с Федюкиным, и шашни с Аксельборгом, и внедрение Элен в аппарат вице-преьера Докутовича – всё это только ради одного. В мозгу, как бы помимо его желания возникла мысль. Мысль была ясна, кристально очевидна, но формулировать её он не решился, было как-то боязно. А всё потому, что это их дела, ему вовсе незачем туда соваться. Тем более пытаться понять суть их телодвижений, не имея достоверной информации.

Да, видимо, чем-то не угодил Первому премьер. Возможно, оказался оголтелым либералом или засланным агентом Запада. Или донельзя огорчил своим непослушанием. Вот если бы он имел зарубежные счета, виллу на Мальдивах или регулярно получал откаты от соратников по бизнесу – в этом случае и Егор мог бы оказаться при делах. То есть стал бы, как положено согласно УПК, проводить следствие, кого бы это не касалось. Просто потому, что этого требовал закон.

Да уж, размечтался! Понятно ведь, что ему даже пальцем не дали бы пошевелить. Что можно Цезарю, то не дозволено

простому «следаку». Там всё не так! Там всё делается скрытно – но скрытно лишь от наших глаз! Там назначают виновных, и находят оправдание преступникам. Там могут фактически похоронить живого, лишив его должности и привилегий, и там же могут вознести на недостижимую высоту прежде никак не проявившую себя посредственность. Всё от них зависит, но только не от нас! Мы лишь послушные исполнители их воли, что бы кому-то ни привиделось – даже в тот миг блаженного торжества, когда кричим «долой!» и рвём в клочья свой бюллетень на глазах у членов избирательной комиссии по выборам в Госдуму.

Глава 30. Сделайте пюре!

Статья Соломона Бляхера в «Московском сплетнике» была напечатана в четверг. А на следующий день Элен вошла в кабинет своего шефа, чтобы уточнить расписание встреч на будущую неделю, и обомлела. Всегда такой деятельный и энергичный, с утра до позднего вечера в делах, Докутович сидел за столом и, подперев голову рукой, смотрел в окно. Чем-то донельзя опечаленный, он даже не заметил появления секретарши. На лице вице-премьера присутствовали явные признаки апатии, а в глазах читалась безнадежность.

Вечером того же дня Докутович был вызван на дачу к Аксельборгу. Туда же пригласили и Викулова. Если Докутович был в состоянии депрессии, то Аксельборг находился на грани истерии:

– Ну вот, уже до премьера добрались! Неужели всё начнётся снова? Снова налоговые претензии, суд и приговор? Да вы попробуйте найти хоть одного приличного предпринимателя, у которого не было бы двойной бухгалтерии, серых схем оптимизации налогов, офшорных компаний где-то на Виргинских островах и подставных директоров фирм-однодневок, в роли которых выступают слесаря из жилконторы!

– Да, надо что-то делать, – еле ворочая языком, пытался выразить свою озабоченность Докутович. – Мы же не можем просто так сидеть и ждать, чем всё закончится.

– Это провал! – не унимался Аксельборг. – Завтра наедет налоговая, а послезавтра... Костик! Может, мне уехать в Лондон? Или попросить политического убежища в ЮАР?

Пришло время вмешаться в разговор Викулову:

– Вы меня простите, но мне кажется, что вы слегка преувеличиваете опасность. Даже если назначат нового премьера, ничего, по сути, не изменится.

– Да что вы понимаете, – вяло возражал Егору Докутович. – Это была последняя надежда. Единственная возможность что-то изменить. Ну а теперь осталось лишь признать наше поражение.

– И всё же есть один вариант. Клин, как известно, выбивают клином. В данном случае против чёрного пиара надо использовать антикомпромат, – предложил Викулов.

– И где его взять? – Аксельборг вроде бы заинтересовался идеей, однако сомневался в её осуществимости. – Я вообще не представляю, что это такое.

– Тут нужен опытный профессионал, – заметил Докутович.

– Послушайте, а почему бы не привлечь Соломона Бляхера?

– Ты что такое говоришь, Егор? С ума сошёл! Он же по сути нас подставил!

– Господи! Да при чём тут он? Соломон – это всего лишь пешка, послушный исполнитель чужой воли. За бабки он что угодно сделает. Вчера его наняли они, а завтра вы ему запла-

тите.

Аксельборг задумался. Выпятил нижнюю губу, чем-то напоминая в эти минуты Бенито Муссолини, покачал головой и, наконец-то решившись, произнёс:

– Что ж, деньги не проблема. Но будет ли нужный результат?

– Так надо с ним поговорить, – оживился Докутович. – Посмотрим, что предложит.

– Вот ты этим и займись. И срочно! Ноги в руки!

Аксельборг глядел вслед убегающему Докутовичу, по-прежнему не проявляя оптимизма:

– Золотой парень! Нет ему цены! Вот только если начинает паниковать, тогда триндец! Как говорится, сливай воду! – Затем перевёл взгляд на Викулова: – Ну да ладно, Егор! У меня к тебе ещё один вопрос.

– Я к вашим услугам, Тарас Фердинандович! Чем могу помочь?

– Да пустяки! – и внимательно посмотрел прямо в глаза Егору. – Не появилась ли у тебя информация о том, что они там намечают... Я имею в виду то дело, которое готовят против нашего премьера. Неужели всё сводится лишь к тому, что этот Бляхер написал?

– Так я же говорил, Тарас Фердинандович! Меня к этому не подпускают.

– Не доверяют, что ли?

Егор пожал плечами:

– Всё может быть, однако думаю, что причина тут в другом.

– И в чём?

– Я предполагаю, что эту тему военная контрразведка разрабатывает. А кое-кто из наших у них только на подхвате.

– Так кто?

– Этого пока не знаю.

– Узнай.

– Я постараюсь.

Викулов отправился домой. После всей этой бесполезной болтовни хотелось отдохнуть, но прежде предстояло составить для Стрекалова отчёт – так он делал каждый раз, когда встречался с Аксельборгом или Докутовичем. К счастью, с Элен они теперь могли свободно говорить, поскольку её мобильник перестали использовать в качестве «прослушки» – в этом уже не было никакого смысла.

Странно, но вот сейчас, поднимаясь в лифте на свой этаж, он даже немного сочувствовал Докутовичу – вместо того, чтобы сидеть в тапочках перед телевизором, тот вынужден обрабатывать этого пройдоху Бляхера. Да так оно и было, причём вице-премьеру на это потребовалось несколько часов и бутылка выдержанного виски...

После разговора с Докутовичем в мозгу Соломона Бляхера словно заиграла музыка. Ну кто бы мог подумать, что он теперь станет нарасхват? Что благодаря ему будут назначать премьеров и свергать правительства. Что к нему будут ло-

миться и стар и млад в надежде реализовать свои заветные мечты. Да никакому волшебнику такое и не снилось!

Только представьте, перед его кабинетом на тридцатом этаже в Москоу-сити выстраивается офигительная очередь. И все наперебой просят, требуют, размахивают кейсами с валютой... Вполне возможно, что среди этих страждущих будут лица с прямо противоположными желаниями. Ну что ж, тогда придётся устраивать аукцион. Кто больше предложит, тот и станет победителем в этом споре денежных мешков. Впрочем, кабинета ещё нет, есть только квартирка на окраине Москвы, но для начала и этого достаточно.

Когда Докутович предложил работу, Соломон насторожился.

– Даже и не знаю, что сказать. Всё это слишком неожиданно. Я ведь ещё для них должен поработать.

– В чём дело, милейший Соломон? – удивился Докутович. – Тебя не устраивает гонорар или опасаясь за своё здоровье?

– Дело тут совсем в другом. Если я их кину, ко мне никто больше и не сунется. Поймите, для человека моей профессии репутация очень много значит.

– Так чего они хотят?

– Я должен написать ещё серию статей, в которых окончательно «замочу» вашего премьер-министра.

– Это невозможно! – взвизгнул Докутович.

– В том-то и дело, что ваши пожелания с их пожеланиями

очень трудно совместить, – согласился Соломон. – Но вы не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю.

– Так что, я могу надеяться?

– А что ещё вам остаётся?

И вот теперь, после недолгой эйфории, связанной с получением солидного заказа, Соломон стал составлять свой план. Ежу ясно, что вариант с аукционом не пройдёт. Да, слишком поздно! Впредь будет наука – сначала собрать информацию о тайных намерениях предполагаемых клиентов, а уж потом...

Но как же удовлетворить их – и этих, и других? Можно мозги себе сломать! Да потому что намечается типичнейший цугцванг. Ведь невозможно услужить и тем, и этим! И тут Соломон припомнил, как играл сам с собою в шахматы. Всё очень просто: сначала делаешь ход за белых, затем переворачиваешь доску, и находишь лучший ход за чёрных. Потом наоборот... А чем закончится игра, этого даже мудрый ребёнок вам не скажет. Как в том анекдоте: у него спросили, как накормить семью из пяти человек, имея всего лишь три картофелины, на что мудрец ответил: «Так сделайте им пюре!» А в самом деле, может быть и здесь так поступить?

Разумеется, работать пришлось под разными именами. Если, к примеру, Иванов на чём свет стоит ругал премьера, то Сидоров не то чтобы оправдывал – нет, он только сомневался в достоверности того, что пишет Иванов, находил противоречия, неточности в формулировках. Короче, Сидоров

действовал как дипломированный адвокат, который только и способен придирается к мелочам, затягивать судебный процесс или в крайнем случае взять больничный лист, если не придумал ничего другого. К счастью, до больничного так и не дошло – некогда болеть, когда можно денежки грести чуть ли не лопатой. А вот продлить эту многоходовую пикировку, изобразить нечто вроде фехтования на деревянных шпагах – это самое оно! Надо же иметь в виду, что те и другие платили за каждую статью, за каждое выступление на телевидении.

Так всё и шло. В одной статье он доказывал вред от создания госкорпораций – мол, чиновники воруют, скоро вообще ничего не оставят от бюджета. В другой статье, которая выходила в свет через неделю, эту мысль опровергал, убеждая читателей в том, что бизнесмены ничем не лучше прожорливых чиновников, да просто много хуже, а потому государство просто обязано всю экономику держать в своих руках. Самое удивительное, что заказчики довольны – пока на слуху у всех была одна статья, клиенты успевали принять решения, которые позволяли укрепить позиции и даже перейти в контрнаступление. Ну а через неделю эти уходили в глухую оборону, консолидировали свои силы, а другие использовали ситуацию, чтобы успехи оппонентов, по возможности, свести на нет.

Всё бы ничего, но Соломона огорчало то, что эта потешная игра Иванова с Сидоровым когда-нибудь закончится. Он так привык к этим двоим, что перспективы расставания

его попросту пугали. Не успокаивало даже то, что вслед за прежними наверняка новые заказчики появятся. И вот тогда Соломон придумал, как всё это можно было бы продлить. Достаточно вообразить, что появился третий клиент, у которого свои собственные интересы. Теперь этот новоявленный Петров начнёт воевать и с Сидоровым, и с Ивановым, всё более нагнетая обстановку и не стесняясь в выражениях. Понятно, что консенсуса Соломон не должен допустить, поскольку продолжение этой свары в его личных интересах.

Глава 31. Жаркая ночь в эфире

Всех, кто в этот поздний час не спал и догадался настроить приёмник на волну радиостанции «Слухи столицы», ожидал сюрприз. Вместо рекламы, музыки и надоевших новостей о том, как хорошо Кайманскому живётся на свободе, из репродукторов слышалось нечто такое, что этому времени никак не соответствовало. Давно такого не было, чтобы по ночам, в прямом эфире развёртывалась жаркая дискуссия, да ещё на столь животрепещущую тему:

– Здравствуйте, дорогие друзья! Сейчас за окном глубокая ночь, но мы собрались здесь, в «Закрытой студии», потому что дольше ждать уже нельзя. Вот только что нам сообщили, что утром произойдёт событие из ряда вон выходящее... – слышались всхлипывания. – Итак, в студии я, Александра Шанская, Вениамин Полифактов и наш гость Соломон Бляхер, известный политолог. Какие у вас ощущения, господа?

– Вы знаете, чем-то всё это напоминает ночь с третьего на четвёртое октября, когда я стоял в толпе у Моссовета.

– А мне вспоминается август, девятнадцатого числа. Моросящий дождь и такая, знаете ли, тоска!

– Ну что касается тоски, Соломон, так тут не обошлось без вашего участия.

– Я-то тут причём?

– Не вы ли нам твердили про «премьерского кота», про «громоотвод», про мальчиков для битья, окопавшихся в правительстве?

– Не вижу ничего обидного в «громоотводе», если премьер и в самом деле президента в чём-то прикрывал. Вот если бы «козёл отпущения»...

– У вас нет ни капли сострадания, Соломон!

– Сашенька! Можно подумать, что завтра вы напьётесь с горя.

– Так, давайте обойдёмся без намёков.

– Да я не намекаю. Просто хочу сказать, что народу это пофиг.

– Мне кажется, Соломон, что ты не прав. Те тысячи людей, которых мы видели на проспекте Сахарова, на Болотной... им не всё равно, – вмешался в беседу Полифактов.

– Ну, если у них есть потребность в клоунаде...

– Соломон! Веня! Давайте отнесёмся к этому более серьёзно. Я всё-таки хочу найти второе дно.

– Какое ещё дно, Сашенька? Это лишь дырявый тазик! – усмехнулся Соломон.

– А я думаю, что премьер и после отставки как-нибудь устроится. С голоду уж точно не помрёт, – резонно заметил Полифактов.

– Господи! Да я же не о том! Вы понимаете, что все наши потуги теряют теперь всякий смысл. Зачем расшатывать эту власть, зачем гнобить тех, кто сидит в Кремле, если не в со-

стоянии никого предложить взамен?

– Я думаю, Саша, ты не права. Россия всегда была богата самородками.

– Где ты их видел, Вениамин? В тюрьме?

– Положим, Кайманский уже гуляет на свободе.

– Да-да, по земле обетованной. И кушает устрицы, запиная «Шабли» 2007-го года.

– Не ёрничайте, Соломон! Он это заслужил. После десяти лет на нарах можно кое-что себе позволить.

– Боюсь, пример Кайманского доказал, что никто из нас на жертвы однозначно не способен. То есть я хочу сказать, что одежды мученика никто не станет надевать. Так же, как и тащить свой крест на ту самую Голгофу.

– Я с вами не согласна! Вот, скажем, театр постоянно прогрессирует, несмотря на катастрофическое положение с финансами.

– Это ваше личное мнение. А я в театр не хожу. Если понадобится, так два пальца в рот... Хотя бы на билетах экономлю.

– Фу, Соломон! Не забывайте, мы в эфире... А ты что думаешь, Веня?

– А что тут думать? Меня давно уже предупреждали, что так будет.

– Что, цыганка нагадала?

– Типа того. Вы не смейтесь, Соломон. Тут дело в том, что правительства приходят и уходят, а он остаётся. Всё потому

что он Дракон, а не Змея.

– Ну вот, и ты ударился в эту астрологию.

– По-моему, она всё объясняет.

– Я всё же не пойму, господа – но почему снова этот август? Разве нельзя было выбрать другое время, не накануне отпусков? Ваше мнение, Соломон.

– По-моему, тут всё предельно просто. После Олимпиады несколько месяцев можно было поживать на лаврах, следовало воспользоваться ситуацией, чтобы укрепить авторитет кремлёвской власти. Майские праздники, да и вообще весь май тоже не подходит – может возникнуть подозрение, что смещение премьера у них ассоциируется с победой над заклятым врагом. Ну а затем потребовалась пара месяцев, чтобы подготовить общественное мнение и довести рейтинг премьера до нуля. Вот вам и получается этот самый август.

– Так что же теперь делать?

– А что можно предпринять, если ввязались в чьи-то там разборки? Мы-то тут при чём?

– Веня, я от тебя этого не ожидала.

– Ну вот и дождалась. Поверь мне, брось ты это! Пиши о своём театре, если нравится, а в политику не лезь.

– Согласен! Это совсем не бабье дело.

– Прекратите, Соломон! Или вас отсюда выведут!

– Молчу, молчу! Только Веня прав – на шахматной доске всего один король и куча пешек. Так и на что ещё надеяться?

– Похоже, вас это не смущает...

– На мой век и придурков хватит, и дураков!

– Ну, знаете ли!..

На этом разговор прервался, в эфире послышался грохот падающих стульев, чей-то визг...

Сашенька ещё долго не могла успокоиться. Да как так можно? Ей, хрупкой женщине, приходится вразумлять взрослых мужиков! Где они набрались всей этой ереси? Или прежде тщательно скрывали? В её понимании только тот достоин уважения, кто остаётся верен своим принципам до самого конца – если, конечно, эти принципы не противоречат идеям равноправия и свободы. Само собой, каждый может ошибаться, но важно, чтобы он хотел понять смысл того, что происходит в мире и в стране. Вот и она не сразу осознала «подлость и коварство» тех, кто правил государством ещё на заре её карьеры.

В юности Сашенька мечтала стать актрисой. Хотела бы порхать по сцене, как Нина Заречная из чеховской «Чайки», хотела быть любимой зрителями, хотела, чтобы дарили ей цветы... Увы, с самого начала что-то не заладилось. Она бы не решилась никогда признаться в отсутствии таланта, но даже в тех небольших ролях, которые ей поручали, не смогла показать всего, на что способна. Короче, зритель её не любил, а вслед за тем и главный режиссёр разочаровался. Поняв, что выдающейся актрисы из неё не выйдет, Сашенька стала пить, не миновав судьбы других своих коллег-артистов. Но если во многих случаях оправданием этому пагуб-

ному увлечению в какой-то степени может быть талант, то Сашеньку так и не простили. В итоге она оказалась обузой для театра, и пришлось искать новую профессию.

Если бы не Полифактов, пошла бы, наверное, пивом торговать – это только так говорят, что у нас нет безработицы для несостоявшихся актёров. Кое-как избавилась от депрессии, хотя бывало, что прошлое давало о себе знать самым жутким образом. Тогда хотелось выть, кричать, напиться вдрабадан... Наверное, многие знают, что такое женская истерика. Столь же хорошо известно, что единственный способ выйти из состояния полной безнадёги – это найти внешнего врага. То есть не копаться в самой себе и не искать там причины неудач, но вместо этого ясно осознать, что вот он, тот злодей, который виноват в том, что с ней случилось.

Впрочем, злодеев оказалось много – со временем составила целая коллекция. Тут была и «циничная скотина без сердца и без совести», осмелившаяся посетить онкологическую клинику для безнадежно больных детей как раз накануне президентских выборов, и «ошалевший от власти мелкий стукачок, раздающий налево и направо то свой гнев, то милость». Тут были и дремучие деятели искусства, не ведающие, что такое интеллект, и уродливая публика уровня третьего класса средней школы, наводнившая театры. Глядя на них, снова хотелось выть, биться в истерике, однако Сашенька сумела найти в себе силы и начала борьбу не за жизнь, а за выживание.

Первый, за кого она пыталась заступиться, был её собственный муж. Когда несколько лет назад его пригласили на работу в Прагу, где располагалась штаб-квартира «Свободного радио», Сашенька решила, что наконец-то повезло. Уехать из России, куда глаза глядят, она давно мечтала, а тут появилась перспектива перебраться в одну из красивейших столиц мира и в полной мере ощутить себя свободной и от мерзкого прошлого, и от пут ненавистного режима. К тому же доход главного редактора русской службы этому ощущению вполне бы поспособствовал.

Всё началось после того, как Олег решил привести в редакцию своих людей. Тогда ещё ни ему, ни Сашеньке было невдомёк, что свободное общество предоставляет каждому его члену все мыслимые права для борьбы за радость бытия, за кусок вкусного пирога, за приличную зарплату. Вот и посыпались доносы начальству в Праге и спонсорам за океан. Тому, что они устроили Олегу, трудно подобрать достойное название. Это была гражданскую казнь, это было ритуальное убийство! В итоге контракт расторгли, а Сашенька наконец-то поняла, что «Свободное радио» оказалось мифом. Единственная свобода, которую оно может дать – это свобода алчности и подлости.

К тому времени она вела на радио только передачи о театре. Отзывы были разные – приходилось слышать, что тексты у неё красивые, но почти бессмысленные. Полифактов как-то ей сказал, что такое можно сочинить только под хо-

рошим кайфом, приняв сто пятьдесят граммов «вискаря». В какой-то степени он был недалёк от истины.

После событий в Праге Сашенька почувствовала, что не может ограничивать себя проблемами театра и кино. Ей захотелось вести серьёзную политическую передачу. Веня тогда оправдывался на летучке, ей об этом позже рассказали:

– Она заныла, заскулила, потом стала угрожать мне Страшным судом. В общем, я дрогнул...

Это был один из тех немногих случаев, когда Веню удалось переубедить. А в основном, он вёл эти утренние совещания как настоящий диктатор, которым и должен быть деловой человек, зарабатывающий себе на хлеб с зернистой икрой трудом многочисленного коллектива:

– Итак, с утра садимся на телефоны и согласовываем тексты передач. Чтобы буквально на каждое слово было разрешение от тех, кто нам платит за рекламу. При этом нельзя забывать и о балансе между главным акционером и рекламодателями. С одной стороны – они, то есть те, кто нам жизненно необходим. С другой – интересы акционера, который нам тоже крайне важен. И не надо никого из них дразнить! Дразнилки и прочие интеллектуальные выверты оставьте за порогом дома. Короче, не будет визы – не сносить вам головы!

Спорить с Полифактовым решался только первый зам, да и того потом уволили:

– Что-то ты сегодня слишком агрессивен, Веня.

– Я агрессивен? Да побойся Бога! Ты меня с кем-то перепутал. Я исключительно нежен и сегодня, и всегда.

– А вот не стоит ли...

Дальше следовало чьё-то предложение внести в сетку вещания радиостанции новую программу взамен прежней, изрядно устаревшей. На это всегда следовал один ответ:

– Ерунда всё это! Полный бред! Можешь говорить тут, что угодно, а я буду делать только то, что посчитаю нужным, – и упираясь взглядом в собеседника, кричал, забрызгивая всё вокруг слюной: – И не скули больше! И не ной!

– Веня, ты не прав! – пытался успокоить его первый зам.

– Считаю, что я этого не слышал.

– Но всё-таки...

– Сколько раз надо повторять?! Наехал на меня – или извинись, или ищи себе работу! Есть ещё пятьдесят четыре радиостанции. Свет клином на «Слухах» не сошёл. Вот иди туда и там сколько угодно будешь меня грязью поливать. Надеюсь, я понятно выражаюсь?

– Не совсем...

– Вот странные вы люди! – после этих слов Веня театрально всплёскивал руками. – Сто раз я уже это говорил! Ну как так можно? Надо же беречь время своего руководителя. Неужели я буду умолять, упрашивать, валяться у вас в ногах ради того только, чтобы меня здесь поняли?

– Веня, а почему бы нет?

– Так. Все, кто задал невнятные вопросы, будут наказаны

и оштрафованы.

– Но за что?

– Теперь что касается этой твоей новой программы. Вот когда я почувствую, что старая исчерпана, тогда на этом месте появится другая. Ю андестэнд?

– Однако, на мой взгляд...

– Ну хоть кол на голове теши! Запомните, у сотрудников «Слухов» не может быть своих взглядов. Взгляд есть только один-единственный, и это мой личный взгляд. Зарубите себе это на носу!

Несмотря на столь оригинальный стиль Вениного руководства, Сашенька получила возможность заявить о своих взглядах на политику, на то, что происходит в стране и в мире. Её гостями были близкие по менталитету люди – неважно, из искусства или же из бизнеса. Особое предпочтение она отдавала тем, кто не стеснялся в выражениях, ругая власть – в её понимании, именно они обладали особым обаянием ума. Увы, так продолжалось недолго. Получив от Вени очередную нахлобучку, Сашенька поняла, что не стоит впредь подставлять своего благодетеля – радиоэфир оказался не самым подходящим местом для подобных откровений, и пришлось снова вернуться к теме искусства и кино.

С тех пор Сашенька позволяла себе изливать душу только в Интернете, в собственном блоге – там каждый сам себе хозяин, а поскольку за всем, что там пишут, невозможно уследить, то появляется возможность «отрываться» по пол-

ной программе, и излагать то, что не всегда скажешь даже в компании друзей. Да, в радиоэфире она была паинькой, вот только сегодня сорвалась, так ведь Соломон сам был виноват, теперь будет знать, как спорить с Сашенькой! Впрочем, Соломон тут по большому счёту ни при чём – он только крохотная пешка в большой игре.

Глава 32. Одержимость

С недавних пор Стрекалов, прежде чем докладывать наверх, самостоятельно, не прибегая к помощи своих подчинённых, копался в родственных связях возможных фигурантов, и если обнаруживалась близость к некоему важному лицу, срочно вызывал Викулова. Вот и теперь передал папку с документами и спрашивает:

– Егор! Ну вот скажи, зачем это мне подсунули?

– Аристарх Игнатьевич! Я тут ни при чём, этот материал проходит не по нашему отделу.

– А ты всё равно скажи: зачем? – настаивал Стрекалов.

– Ну как зачем? Чтобы жулика вывести на чистую воду. Чтобы возбудить дело, выдвинуть обвинение...

– И чтобы общественность узнала, как власть борется с коррупцией.

– Ну и это тоже, – согласился Викулов, так и не поняв, куда клонит генерал.

– А через два года напряжённого труда нашего героического коллектива мне вдруг сообщат, что этот жулик на самом деле ни в чём не виноват, и что таких, как он, ни в каком случае не надо обижать, – генерал встал из-за стола, сжал кулаки и стал ходить по комнате. – Вот ты скажи, на кой хрен мы пишем все эти протоколы, устраиваем очные ставки, делаем запросы, если всё можно выяснить заранее? Почему бы

сразу не сказать, что есть некий круг лиц, которых ни при каких условиях не трогать! Ну разве что немного припугнуть, чтобы не очень зарывались. Это как в детской комнате при отделении милиции, куда приводят шаловливого подростка, чтобы только пожурить. Контора «Напрасный труд» – вот кто мы такие!

– Зря вы, Аристарх Игнатьевич! Везде есть издержки производства...

– Нет! Это не издержки! В стране совершается масса преступлений, и мы могли бы их раскрыть. Смогли бы, если бы не увлекались совершенно безнадежными делами.

– И что вы предлагаете?

– Да очень просто, – генерал остановился перед Викуловым и стал увлеченно излагать свои соображения: – Сейчас идёт смена поколений, контингент омолодился, а ведь у каждого из них есть папа, или тесть, или хотя бы свёкор. Так вот, надо бы принять закон, чтобы каждый госчиновник завёл себе ученический дневник. Не знаю, как сейчас, но раньше в школе там не только ставили отметки, но и писали замечания специально для родителей. Ну вот и мы будем время от времени делать записи в этом дневнике. К примеру, сегодня ваш милый Вася получил откат в размере трёх миллионов долларов. А через месяц запишем, что на эти деньги он купил себе виллу на Лазурном берегу. Потом напишем, что добивается гражданства Израиля – так, на всякий случай. Ну а вышестоящая родня пусть принимает меры – пусть лупят, как

нашкодившего школяра. Впрочем, порка, говорят, теперь не в моде. Ты-то своих лупишь?

– Да не завёл ещё.

– Что так?

– Всё некогда.

– Напрасно! Семья – это залог успеха. И в личной жизни, и в карьере. Семья – это, Егор, семья! – Стрекалов поднял палец, то ли пытаясь придать значительность произнесённой фразе, то ли указывая куда-то вверх, выше потолка, и вдруг неожиданно спросил: – Выпить хочешь?

Викулов посмотрел на генерала, как тот же ученик смотрит на учителя, предложившего опохмелиться.

– Ты что же, бросил или брезгуешь с начальством? – усмехнулся генерал.

– Да что вы! Просто никак не ожидал...

– Да я, брат, сам за то, чтобы блюсти субординацию, чтоб на работе ни-ни... Но вот, бывает, так припрёт, что хоть на стенку лезь или стреляйся...

Стрекалов достал коньяк, налил им по стопке.

– Ладно, давай выпьем за твоё потомство. Таких, как ты, Егор, надо интенсивно размножать. Если потребуется, даже в инкубаторе. А то расплодили, понимаешь ли, поголовье какого-то... скота!

Выпили. Всё бы ничего, однако Егора беспокоила вот какая мысль: понятно, что у генерала это всего лишь крик души, но интересно, вспомнит ли он завтра о том, что нагово-

рил сейчас?

В его мозгу тоже иногда возникало ощущение, что слишком много времени истрчено впустую? Что если всё закончится ничем? Собственная судьба Викулова мало волновала – пока силы есть, без работы не останется. Беспокоило только сознание собственной беспомощности. Будто это не его страна, будто он здесь нежеланный гость со всеми своими нравственными заморочками и верой в необходимость соблюдения закона. Иногда даже складывалось впечатление, что он попал в воровской притон – вот вышел из подворотни, завернул за угол, а там всё совсем не то, что в его родном московском дворике. Тот крохотный мир, где его дом, где друзья, где его любимая – это как бы исключение. А остальное пространство живёт по своим понятиям, по неписанным законам, и то, что происходит там, для него совсем чужое. Викулов гнал эти мысли, но они появлялись снова и снова. И только работа позволяла хотя бы на время избавиться от них.

Тем временем, дело Аникеева постепенно двигалось к финалу. Важную информацию сообщила Элен – будто бы Докутович требовал от министра, чтобы тот не допускал к участию в приватизации те компании, которые находятся под контролем государства. Аникеев возражал, один раз дело чуть не дошло до потасовки – Элен даже пришлось их различать. Судя по этому эпизоду, клиент созрел! Впрочем, дело не в одном каком-то человеке – вся эта шобла засуетилась в ожидании неизбежных перемен, и тут уж только бы не про-

зевать, когда сделают неосторожный шаг, когда подставятся. Так рассуждал Стрекалов, в очередной раз наставляя своего «следака» на путь истинный.

– Ну что ж, Егор, с заданием вы оба справились. Пора заканчивать рейд по тылам врага. Ещё немного поводи их за нос, а после завершения операции и Елену отзовём, и тебе больше не нужно будет прикидываться «шестёркой» при Докутовиче и Аксельборге.

– Скорей бы, а то совсем невмоготу. Одно дело воры и взяточники, там всё предельно ясно, надо только доказать вину. А с этими что делать? Ведь не подкопаешься.

– Потерпи чуток! Скоро кто-нибудь из них проколется. Есть у меня такое твёрдое предчувствие.

– Вряд ли Аксельборг подставится.

– Этот не по нашему ведомству. Да и Докутовича в обиду не дадут – премьер души в Костике не чаёт. А вот если прихватим Аникеева, тогда Первый поставит на это место своего человека, и Докутович окажется в полной заднице! Уж мы крылышки им тогда подрежем.

– А что с премьером?

– Да ничего! Придёт время, и его задвинут. Но уже без нашего участия.

Викулов уже смирился с тем, что возможности его не беспредельны. Тут ведь шаг вправо, шаг влево – требуют следователя заменить, а то и вовсе – за ворота! Придётся довольствоваться тем, что разрешено. Однако Аникеева тоже

не возьмёшь голыми руками – прямых улик нет, есть только подозрения. Судя по намёкам Стрекалова, кое-кто уже взял его в оборот – не исключено, что готовят Аникееву «подставу». Остальное – дело техники.

Глава 33. Братъ или не братъ?

В отличие от Федюкина, Артём Митрофанович о дворянстве не мечтал, да и планов несбыточных ииногда не строил. И дело даже не в том, что тесть его не имел никакого отношения к «Дворянскому гнезду». Всё потому что женился Аникеев не по расчёту, а по любви – приглянулась ему симпатичная студентка на экономическом факультете МГУ, вот тогда и понял, что пора бы внести в личную жизнь свежую струю. О прежней своей супруге он теперь не вспоминал – что было, то было, и давно больём поросло. Родила ему сына – и на том спасибо. Правда, Митя не решился брать пример с отца – со временем Аникеев понял, что наследник из сына не получится. Что поделаешь, если испытывал он отвращение к всем этим дебитам-кредитам. Поэтому Артём Митрофанович и обратил внимание на толковую студентку – после лекции сама к нему подошла, задала несколько вопросов. Всё по делу, чего он никак от неё не ожидал. Сразу как-то исподволь возникла мысль: с этой мы наверняка поладим.

Слава богу, теперь есть кому передать то, что накопил трудами праведными, не считая того, что скрыто до поры до времени от посторонних глаз. Со временем Нюра стала надёжным помощником во всех его делах – часть недвижимости на неё записал, кое-какие зарубежные активы. Однако всего этого было явно недостаточно, чтобы обеспечить семье

достойное существование – достойное его нынешнего положения человека, сидящего на сундуке с деньгами. Ключик, правда, не в его руках, но без его визы ни один проект не получит финансирования, ни один кусок государственного пирога не сможет перейти в частные руки. Да что тут говорить, если народ чуть ли не ломится в его кабинет в надежде получить выгодный госзаказ или иные преференции. А между тем, уже сил никаких нет смотреть на то, как «жирные коты» приумножают свой капитал, причём не без участия министра экономики? Такое впечатление, что ложку проносишь мимо собственного рта, подкармливая тех, у кого и так уже несварение желудка от ежедневного обжорства.

Вот потому и выискивал Артём Митрофанович всё новые способы как-нибудь подзаработать, не вступая в очевидный конфликт с уголовным кодексом. Причём очевидность в его понимании означала не только присутствие свидетелей, но и все иные возможности проследить путь денег из одного кармана в другой. Так что при выборе клиентов действовал крайне осторожно – присматривался, прикидывал, не сдаст ли, да и цену за услуги не заламывал – брал по-божески, только небольшой процент от сделки.

Особую привлекательность имели сделки, что называется, с душком. Тут вот в чём закавыка – скажем, некую госкомпанию решили приватизировать, однако наряду с частными компаниями на неё претендует крупная компания, контрольный пакет акций которой принадлежит государству.

Как тут поступить? Для запрета такой сделки есть законные основания, но если не очень придирается, закрыть глаза на некоторые обстоятельства, тогда можно сделку разрешить.

«Да с какой стати разрешать? Я вот ночей не сплю, всё думаю, как бы составить убедительное обоснование этой сделки, а в итоге за своё подвижничество даже благодарности от премьера не дожусь. Докутович давно нашёптывает ему на ушко, мол, пора кончать с госкорпорациями и иже с ними. Я бы тоже не прочь, поскольку с частниками легче сговориться, однако ничего не поделаешь – приходится брать под козырёк, коль скоро глава компании чуть ли не самый надёжный соратник президента. Да уж, когда имеешь возможность откусить самый вкусный кусок от пирога, было бы неописуемой глупостью в чём-то послушаться "хозяина"».

Так рассуждал Аникеев, с тоской глядя из окна на неспешно текущую куда-то Москву-реку. Вот и время течёт, причём неумолимо, и скоро всё это закончатся – после президентских выборов наверняка придётся покинуть министерский кабинет. А потому что он как бы сам по себе, вынужден лавировать между Сциллой и Харибдой, так что в итоге и те и другие недовольны. Но как им угодить, если между собой договориться неспособны?

В итоге длительных раздумий пришёл к такому выводу: «А почему бы не рискнуть? Отношения с Чесиным почти приятельские, так что вряд ли он станет упираться. Ведь попрошу толику малую не из его личного кармана, а из бюд-

жета госкомпании. Как он там отчитается – это его дела. Когда ворочаешь миллиардами, стыдно быть скупердям. Все-го-то пару миллионов долларов – от этого компания Чесина не обанкротится. Да все эти расходы он окупит без проблем».

Однако толчком к принятию решения послужила ситуация с премьером, чреватая и для него отставкой – стало понятно, что собираются зачистить правительство от либералов. Когда появились статьи Соломона Бляхера, Аникеев решил, что пора поторопиться – больше нельзя тянуть, надо форсировать разработку обоснования сделки, а параллельно дожать скрягу Чесина.

После того, как представилась возможность в приватной обстановке переговорить по этому вопросу, началось томительное ожидание. При каждой встрече с Чесиным Артём Митрофанович прикладывал два пальца к груди, как бы предлагая сообразить на двоих – навеяно это было эпизодом из «Кавказской пленницы». Словно бы в ответ Чесин незаметно кивал, но дело почему-то никак не двигалось. Аникеев весь извёлся – возникло подозрение, что его кинули, как примитивного лоха.

Но вот однажды ближе к вечеру раздался телефонный звонок:

– Приезжай! Корзинку я приготовил. Всё, как договаривались.

Поначалу, Аникеев даже не понял, о какой корзинке речь.

Потому и спросил:

– Ты о чём?

– Да как о чём? О нашем уговоре. Ты извини, что затянул с выполнением поручения. Сам понимаешь, всё дела, дела... Так что, подъедешь? Прямо в офис, часикам к шести...

– Угу! – только и смог сказать Аникеев, потому что до сих пор не верил в то, что получилось...

Взяли Артёма Митрофановича на выезде с территории главного офиса компании. В багажнике его машины нашли кейс с мечеными долларами, а на допросе так прижали, что хоть кулаками отбивайся, но всё без толку. Вот тогда-то он и пожалел, что женился по любви, а не с расчётом на тестя-покровителя. Теперь, увы, не соскочить.

Глава 34. Разговор начистоту

Расследование дела Аникеева поручили Егору. Поначалу он отнекивался – мол, тут всё настолько ясно, что может справиться даже неопытный стажёр. Ссылки экс-министра на то, что ведать не ведал, какую корзину в его багажник сунули, опровергались на раз-два. Да тут и доказывать ничего не надо! Разговор о корзинке был зафиксирован технарями из службы охраны Чесина, так что отнекиваться бесполезно. Единственное слабое звено обвинения – не удавалось доказать злой умысел, то есть намерение Аникеева вытянуть из Чесина два миллиона. Тут слов Чесина явно недостаточно – надо искать что-то поувесистей. Собственно, поэтому Стрекалов и передал это дело Егору.

Поначалу Викулов немного растерялся, поскольку «два пальца» к делу не подойдёшь, а других, даже косвенных свидетельств не было. Под давлением улик Аникеев «припомнил», что какая-то корзиночка, действительно была – Чесин изредка баловал его подарками. То всучит макет нефтяной вышки, то ещё какую-то безделицу, а тут вроде бы пообещал презент в виде нескольких бутылок вина – такого не купишь даже в элитном магазине. И всё! Нет, обвинение наверняка рассыпется в суде – опытный адвокат добьётся этого без особого труда. Оставалась последняя надежда – вызвать Аникеева на откровенный разговор, причём без протокола. По

крайней мере, станет ясно – виноват или стал жертвой провокации.

К началу этого допроса адвокат не успевал – сначала гаишники его машину задержали якобы за нарушение дорожных правил, а потом возникла неувязка с документами на проход в СИЗО. В распоряжении Егора было полчаса, и он предложил подследственному поговорить о том, о сём, чтобы время немного скоротать, пообещав, что ни слова не будет говорить о деле. Аникеев согласился – за последнее время ему поговорить по душам, по сути, было не с кем – жена то в рёв, а то начинает упрекать в том, что загубил её молодость, опозорил перед всем честным народом. Ну а с друзьями и сослуживцами не очень-то поговоришь, если сидишь дома, как в комфортабельной тюрьме.

И вот постепенно Егор подвёл разговор к теме несправедливого распределения богатства – мол, одни «жируют», а другим приходится на них корячиться. Аникеев эту тему поддержал – видно было, что и сам об этом много думал:

– Вы знаете, Егор Тимофеевич, что я либерал по убеждениям. Ещё с тех пор, как работал в команде Гайдара, светлая ему память! И честно вам скажу, был уверен, что только так страна достигнет процветания, что только так мы сможем сделать счастливыми людей, – Аникеев ненадолго замолчал, словно ожидая возражений, и затем продолжил: – Но вот смотрите, к чему мы теперь пришли. Медицина у нас ниже всякой критики, дороги в провинции разбиты, а жите-

ли небольших городов еле сводят концы с концами. И в это самое время руководители крупных компаний катаются, как сыр в масле... Разве мы этого хотели? Вот вы скажите мне, пожалуйста, разве я не прав?

Впору было посочувствовать человеку, который в меру сил пытался сделать лучше этот мир, а вот теперь оказался у разбитого корыта. Но если припомнить то, что удалось накопать за то время, пока длилось следствие, возникают некоторые сомнения. Конечно, Аникеев не обязан доказывать легальное происхождение денежных средств, на которые он скупал недвижимость, да и на украшениях его жены нет штампа «получено в качестве взятки». Нет, в этом его не стоит упрекать, однако вот на что Егор обратил внимание. В словах экс-министра ясно читалась зависть к тем, кто добился в жизни гораздо большего, чем он.

– Артём Митрофанович! А что же вам помешало самому заняться бизнесом? Глядишь, лежали бы сейчас на палубе роскошной яхты в обществе юных красавиц и прикидывали в уме, какое место займёте в «списке Форбс», если ваши акции в цене поднимутся.

Егору показалось, что Аникеев вот-вот расплчется, и он бы понял такое выражение чувств. Работал человек, работал на государство, конечно, не забывая о себе, и вдруг из-за какой-то корзинки может оказаться за решёткой. Да уж, такое не каждый сможет вынести.

Но нет, всё это только показалось. Аникеев вряд ли спо-

собен на раскаяние.

– Не так воспитан, – коротко ответил он и предложил на этом завершить уже изрядно затянувшуюся беседу.

Так и не сумел доказать Егор тот самый умысел – вроде бы он был, но ухватиться не за что. Попросил у Стрекалова время на следствие, но тот упёрся – для него всё было ясно, можно передавать дело в прокуратуру, а там и до суда недалеко.

И вот уже огласили приговор, уже Аникеева отправили в колонию, однако у Егора в голове по-прежнему не складывалась полная картина. Это дело так и осталось для него загадкой – то ли взятку вымогал, то ли его подставили. Нечто подобное было и в деле Аркадия Федюкина – то ли сам всё организовал, то ли Василиса расстаралась, а Федюкин только проморгал, проявил халатность, став жертвой умелых махинаторов. Тут вот что удивляет – Федюкину пришлось расстаться с должностью, Аникеев получил по полной, ну а Докутович с Аксельборгом как бы совсем не при делах. И сколь ещё таких «белых и пушистых», которых он с удовольствием отправил бы на зону!

Егору вдруг захотелось продолжить тот странный разговор, когда после развала дела Василисы и Федюкина сидел в каком-то ресторане и старался влить в себя бутылку коньяка:

– Господи! Да сколько ещё можно это безобразие терпеть?!

– Так ведь законов ваших они вроде бы не нарушают, –

отвечал Господь.

– Законы-то дырявые. При желании всегда можно отыскать лазейку.

– То-то и оно.

– Ну а моральные заповеди? Это же по твоей части, Господи!

– Да брось! Кто их нынче соблюдает?

– Неужто и ты не в силах что-то предпринять?

– Увы! Руки у меня связаны.

Вот те раз! Если даже Господь пасует перед «жирными котами», так что может предпринять какой-то следователь, пусть даже по особо важным делам?

– Это кто же так постарался, Господи?

– Да апостол Пётр! Чтобы ни дна ему, ни покрышки.

– Вот уж никак не ожидал!

– Он у меня первый заместитель, как раз ведает отпущением грехов. Что с ним поделаешь, раздаёт индульгенции налево и направо.

– Как же терпишь у себя такое?

– Уж очень не хочется с ним конфликтовать. Чего только не сделаешь ради сохранения единства!

– Похоже, у вас на небе то же самое, что на Земле.

Господь так ничего и не ответил, ну а Викулову осталось только ждать – а вдруг после лета наступит не осень, а весна, тогда уж точно что-нибудь изменится.